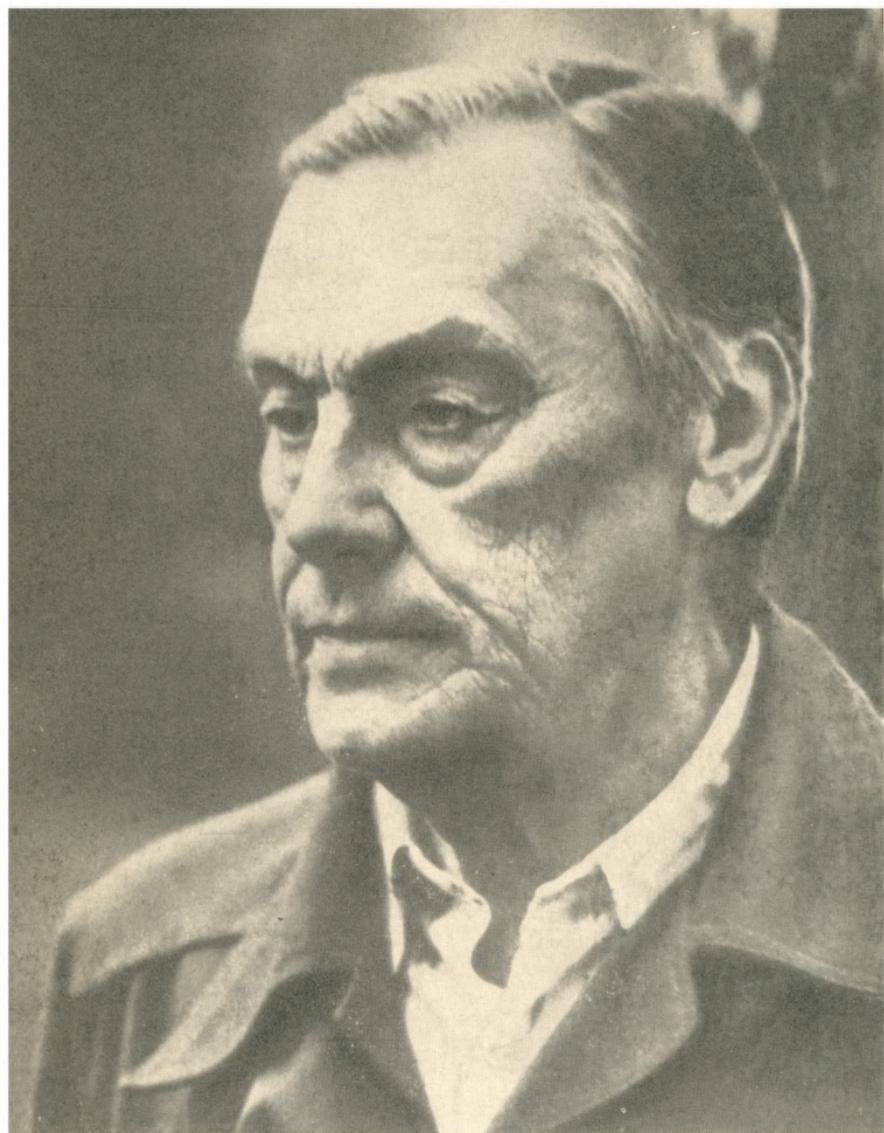
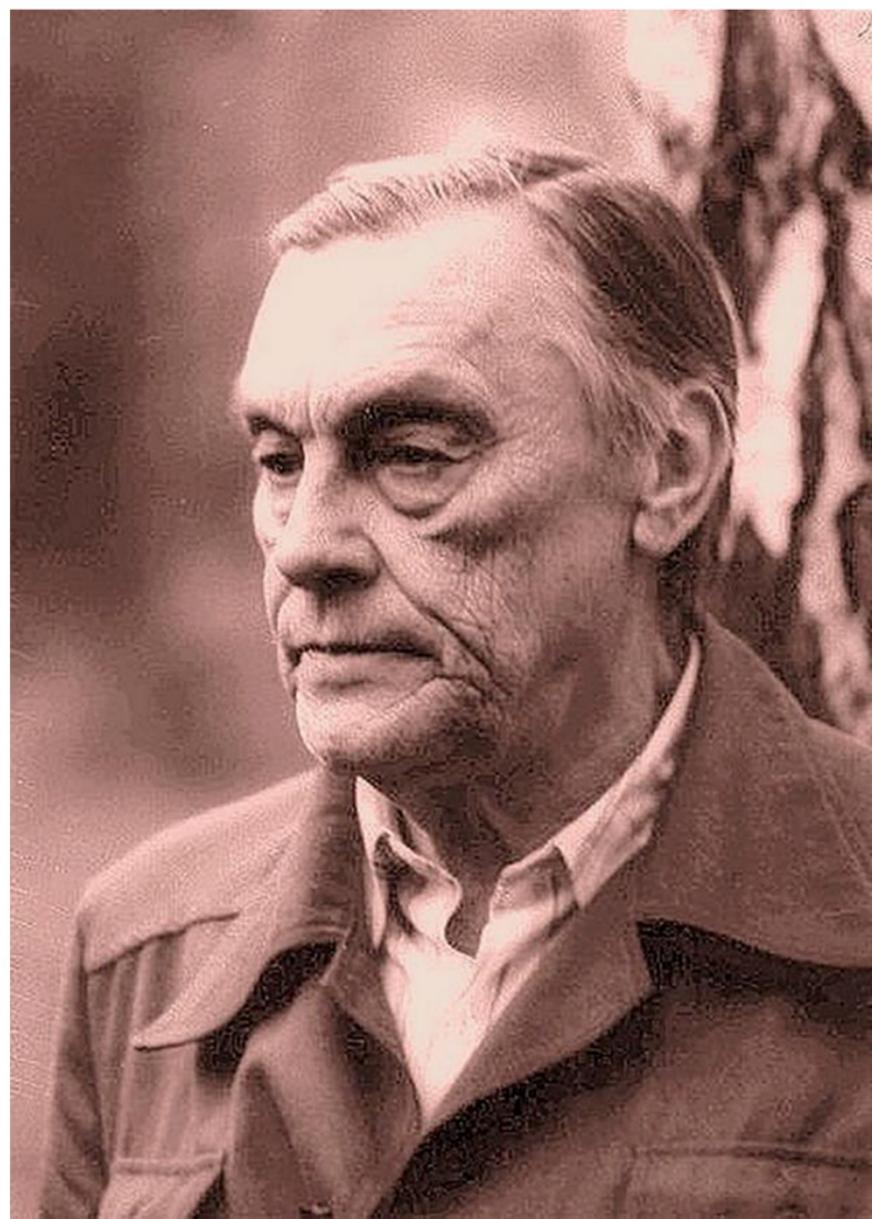

Арсений
Тарковский

ИЗБРАННОЕ

Арсений Арковский

ИЗБРАННОЕ

Стихотворения

*

Поэмы

*

Переводы

*

(1929 - 1979)

Москва

•Художественная
литература•

1982

P2
T20

Вступительная статья
С. ЧУПРИНИНА

Оформление художника
Н. КРЫЛОВА

© Состав, вступительная статья, оформление.
Издательство «Художественная литература», 1982 г.

Тарковский А. А.

T20

Избранное: Стихотворения; Поэмы; Переводы.
1929—1979. /Вступит. статья С. Чуприна.— М.:
Худож. лит., 1982.— 736 с.

В книгу входят оригинальные стихотворения, поэмы, а также
избранные переводы (с арабского, туркменского, армянского и грузинского языков), созданные А. Тарковским за пятьдесят лет его творческой деятельности.

Т $\frac{4702010200-175}{028(01)-82}$ 77-82

P 2

АРСЕНИЙ ТАРКОВСКИЙ: ПУТЬ И МИР

Когда в 1962 году вышла первая книга лирических стихов Арсения Тарковского «Перед снегом», имя ее автора было уже давно и широко известно знатокам многоязычной поэзии нашей страны. Тонкий и взыскательный переводчик, давший новую жизнь творениям крупнейших поэтов Средней Азии и Закавказья, прекрасному созданию каракалпакского эпоса «Сорок девушек», Арсений Тарковский по справедливости должен быть назван среди тех, кто создавал и совершенствовал традиции советской школы художественного перевода, много сделал для взаимопонимания братских народов, взаимообогащения их культур.

И все же только с появлением в печати оригинальных лирических и лиро-эпических произведений поэта стали вполне ясны масштабы дарования Арсения Тарковского, неповторимость и значительность его голоса, духовного и творческого опыта, роли и места в современной поэзии. За первым сборником, сразу же вызвавшим большой читательский интерес, привлечшим внимание критики, последовали книги «Земле — земное» (1966), «Вестник» (1971), «Стихотворения» (1974), «Волшебные горы» (1979), «Зимний день» (1980). За каждой строкой этих сборников угадывались мастерство зрелого художника, весомость его мыслей, сложность и своеобразие его внутреннего мира. От стихотворения к стихотворению, от книги к книге все яснее вырисовывался «портрет художника в зрелости», нравственный облик современника и деятельного участника нашей эпохи.

Казалось, что Тарковский так и пришел в литературу — сложившимся мастером, которому открыты и доступны все богатейшие возможности русского стиха. И только даты, обозначенные на титульных листах его книг (первая из дат — 1929 г.), свидетельствовали: перед читателем итог многолетнего творческого труда, напряженных идейно-философских и художественных исканий автора.

Поэзией, искусством Арсений Александрович Тарковский жил в буквальном смысле этого слова с раннего детства. Родившись в 1907 году в семье народовольца-восьмидесятника, долгие годы проведшего в якутской ссылке, он рос в высококультурной, прогрессивно настроенной среде. В Елизаветграде (ныне Кировоград), где прошли детство и отрочество будущего поэта, стихи

писали едва ли не все его родные и близкие. Лирические, но чаще шуточные стихи «на случай» сочинял отец, владевший, как вспоминает ныне Арсений Александрович, семью европейскими и двумя древними языками. Не чужды поэзии были и мать, и товарищи-гимназисты, и друзья дома, знакомившие мальчика со стихами Пушкина и Лермонтова, Байрона и Баратынского, Тютчева, Фета, Некрасова, Случевского, навсегда привившие ему пылкую любовь к замечательному украинскому поэту и философу Григорию Сковороде, к великой русской поэзии XVIII века.

Пристрастие к литературе не оставило Тарковского и в революционное время. С 1925 по 1929 год он учился на Высших государственных литературных курсах при Союзе поэтов, в 1924—1926 годах сочинял стихотворные фельетоны для газеты «Гудок», где в ту пору сотрудничала поистине блистательная плеяда литераторов: М. Булгаков, К. Паустовский, Ю. Олеша, В. Катаев, И. Ильф и Е. Петров и др., позднее работал на радио, заведовал литературным отделом научно-исследовательского радиоинститута. И постоянно писал стихи. Горячие, страстные, прочно связанные с классической традицией, они рождались и в дни мира, и в годы Великой Отечественной войны, когда гвардии капитан Тарковский работал в редакции газеты 16-й (затем 11-й гвардейской) армии — «Боевая тревога».

Размышляя впоследствии о том, что «служение поэзии родственно подвигу или и есть подвиг», Арсений Тарковский с покоряющей силой утверждал в своем творчестве мысль о пророческой, преображающей власти искусства, о великом призвании поэта, тысячью нитей связанного с жизнью, Родиной, с историей своего народа и всей отечественной и мировой культурой:

Я ветвь меньшая от ствола России,
Я плоть ее, и до листвы моей
Доходят жилы, влажные, стальные,
Льняные, кровяные, костяные,
Прямые продолжения корней.

Есть высоты властительная тяга,
И потому бессмертен я, пока
Течет по жилам — боль моя и благо —
Ключей подземных ледяная влага,
Все эР и эЛЬ святого языка.

(«Словарь»)

И естественно, что одной из наиболее прямых, жизненно важных форм служения поэзии стала для Арсения Тарковского начавшаяся еще с 1932 года работа над переводами с восточных языков. «Почему восточных?» — спрашивает сегодня поэт самого себя. И отвечает: «Мне нравилось работать над чем-то, у чего не

было ничего общего со мною. Но потом оказывалось, что общее все-таки было». Общим, если продолжить эту мысль, был взгляд на поэтическое творчество как дело всей жизни; общим было тяготение к сложнейшей нравственно-философской проблематике, передающей диалектику человеческого бытия в ее узловых моментах и конфликтах; общей, роднящей поэтов разных эпох и народов, была сосредоточенная, страстная любовь к художественному слову.

Сопоставляя сейчас оригинальные стихи Тарковского с его переводами, видишь, как много дали поэту десятилетия напряженного творческого «диалога» с иноязычными культурами, с литературными традициями арабских стран, Средней Азии, Закавказья. И дело здесь не только в специфически восточных мотивах, прихотливо вплетающихся в ткань размышлений и переживаний русского поэта, хотя и это тоже весьма существенно для правильного понимания эстетического кодекса и художественных пристрастий Тарковского. Важнее другое — удивительная «распахнутость» поэтической системы Тарковского, невольно заставляющая вспомнить об искони присущей русской литературе «всемирной отзывчивости», широта его духовного и творческого кругозора, умение обогатить современный русский стих тем ценным, что выработано десятилетиями и веками художественных исканий человечества.

Поразительно цельное в своей глубинной сути, поэтическое творчество Арсения Тарковского противится насильственному вычленению из него отдельных тем, мотивов и сюжетов. О чем бы ни говорил поэт, то обращаясь к воспоминаниям детства и отрочества, то подытоживая опыт, накопленный в дни мира и войны, то воскрешая в стихах облик минувших эпох, он неизменно ведет речь о главном — о смысле человеческого существования, о колоссальных духовно-созидательных задачах, решаемых обществом и культурой, о братском единении и согласии всех людей доброй воли.

Стихи о любви и природе, философские и лирические медитации очерчивают контуры художественного мира поэта, представляют нерасщепимый в своей целостности и диалектичности взгляд современного художника на действительность. Сила Тарковского не в «оперативности» отклика на злободневные проблемы и нужды, а в умении поставить злободневное в контекст «вечных» запросов личности и человеческого сообщества, соотнести явления и события текущего дня с общими принципами и завоеваниями отечественной и мировой культур. Поэт всегда видит «небо — в чашечке цветка», всегда доискивается до перво-причин, до самой сути явлений, что и придает даже наиболее

исповедальным, интимным его стихам масштабность, значимость авторитетного свидетельства «о времени и о себе».

Торжественно с забытой уже, казалось бы, нами величиной и силой звучит голос Тарковского — художника и философа, распахивая дверь в просторный и ясный мир — мир больших страстей, глубоких, порою драматических переживаний:

Могучая архитектура ночи!
Рабочий ангел купол повернул,
Брацающийся на древесных кронах,
И обозначились между стволами
Проемы черные, как в старой церкви,
Забывтой богом и людьми.

Но там
Взошли мои алмазные Плеяды.

(«Телец, Орион, Большой Пес»)

Это — Тарковский.

Это — его характерные интонации, им возведенный, незримый, но прочный мост к традициям ломоносовского, державинского века, его взгляд на мироздание.

Это — его движение стиха, своей мерной, одической поступью напоминающее поступь древних, блестящих металлом ратей...

Отношения, складывающиеся между поэтом и миром в лирике Арсения Тарковского, справедливо было бы — помня всю условность метафоры — назвать «средневековыми». Таковы отношения сюзерена и вассала, владыки и прихожанина, Прекрасной Дамы рыцарских легенд и странствующего менестреля. Ни о какой взаимности, ни о каком равноправии и речи быть не может: слишком велика иерархическая дистанция, разделяющая мир и человека, слишком несоизмеримы их уделы.

Природа, какой она предстает в стихах Тарковского, не требует от смертного сообразительности в разрешении ее загадок, не искушает стремлением постигнуть ее секреты, ибо тайна ее в принципе недоступна дерзким притязаниям разума. Природе нет нужды прибегать к помощи «демонов глухонемых», к переплясу молний, поражающему воображение, к устрашающему реву стихий, настигающих ослушника. Ей вполне достаточно возвести свои светлые чертоги, развернуть звездное полотнище, обворожить согласной музыкой небесных сфер, чтобы склонилась и самая непокорная голова, чтобы в памяти осталось одно только ломоносовское: «Открылась бездна звезд полна; // Звездам числа нет, бездне два».

Вчитываясь в стихи Тарковского, не стоит помышлять ни о какой готовности природы к антропоморфизму, к приязненному или неприязненному ответу ее на человеческие страсти и пере-

живания. В лучшем случае она милостиво подаст знак чуткой душе, чуть-чуть приоткроет волшебную завесу над своими сокровищами и дарами. И — верх благосклонности: природа позволит смертному отпраздновать его счастье как некий мистериальный акт, «как богоявление», как трагическое и прекрасное приобщение к мировой тайне:

Когда настала ночь, была мне милость
Дарована, алтарные врата
Отворены, и в темноте светилась
И медленно клонилась нагота,
И, просынаясь: «Будь благословенна!» —
Я говорил и знал, что дерзновенно
Мое благословенье: ты спала,
И тронуть веки синевой вселенной
К тебе сирень тянулась со стола...

(«Первые свидания»)

Но и праздник этот небывалый отпущен потому только, что у любящих нет будущего, они обречены. И даже в миг наивысшего торжества земной страсти им не дано забыть: такое возможно лишь в дни, «когда судьба по следу шла за нами, //Как сумасшедший с бритвою в руке».

С царственным величием внимаю хвале и славе, мироздание и тут держит человека на почтительном расстоянии. Сокращение дистанции опасно для обеих сторон: а ну как примнится смертному грубый подмазочек на месте перуковотворного мерцанья; а ну как театральной бутафорией покажутся ему вдруг непостижимая красота и стройная гармония?.. И за самое-то малое, боязливое проникновение в тайну тайн, и за самую нечаянную фамильярность природа мстит человеку, как разгневанная Диана мстила Актеону, увидавшему ее без одежд, в прельстительной наготе простой купальщицы...

Мстит собственным совершенством, до которого не дотянуться человеку.

Мстит собственным бессмертием, жестоко напоминающим человеку о его смертности, о фатальной краткости его земного срока. Эта кара — всех кар страшней.

Неужто и в самом деле «...после сладчайшей из чаш — пикуда?». Неужто единственное, что остается человеку на пороге небытия, это сказать:

Здравствуй, здравствуй, моя ледяная броня,
Здравствуй, хлеб без меня и вино без меня,
Словидения ночи и бабочки дня,
Здравствуй, всё без меня и вы все без меня!

(«Я прощаюсь со всем, чем когда-то я был...»)

Можно, конечно, сколько угодно благословлять от века заведенный порядок вещей, радоваться прощальным дарам мира. Но, как ни наполняй душу смирением, как ни приучай себя к стоицизму, не уберешься от горького, жалобного вздоха: «Я жизнь люблю и умереть боюсь».

Да и как уберешься, если действительно «Жизнь хороша, особенно в конце, //Хоть под дождем и без гроша в кармане, //Хоть в Судный день — с иголкой в гортани».

Вот и бьется душа в тисках между чувством собственной обреченности, надеждой на вечное бытие и роковой тревогой: «...Я не знаю, //В чем мое бессмертье...» Вот и казнится она невытравимой обидой на неумолимо действующие, снова и снова срабатывающие законы природы, на мироздание в конечном счете.

В который уж раз — то с лихорадочной поспешностью, то с мнимым спокойствием — просматриваются варианты ответа, предлагаемые многовековым опытом человечества; их немного, этих вариантов. Жизнь души в царстве теней, за чертой земного опыта? «Но я человек, мне бессмертья не надо: //Страшна неземная судьба». *Такого* бессмертья не надо, *такой* — запредельной, нездешней — судьбы не хочется; да и веры в нее, нездешнюю, нет. Значит, остается уповать на то, что после себя оставишь книгу, деревце, сына? Верно, оставишь, и успокоение, хотя бы относительное, это наверняка принесет, а вот как быть с утешением?.. Разве что принять вариант «Метаморфоз» Заболоцкого: «Как все меняется! Что было раньше птицей, //Теперь лежит написанной страницей; //Мысль некогда была простым цветком, //Поэма шествовала медленным быком; //А то, что было мною, то, быть может, //Опять растет и мир растений множит»?

Пусть и льнет чувство к этой сладкой версии непрекращающегося бытия, к необозримому миру «туманных превращений», мысль все равно слишком ценит себя, слишком горда собою, чтобы принимать на веру заблуждения чувства, его попытки утешиться хотя бы иллюзией или грезой. Мысль все оболъщения, все соблазны отдаст за пугающую точность истины — это, в частности, утверждается в стихотворении «Могила поэта», где вернувшийся с похорон Заболоцкого автор понимает: «...Без всякого бессмертья, в грубой прозе //И наготе стояла смерть одна».

Вот и всё. Так что же, значит, смиришь, гордый человек? Значит, удовольствуйся скромной долей, тебе отпущенной, и не сетуй понапрасну?

И тут — по чудодейственным законам творчества — логика поэзии побеждает логику рассудочных построений, переплавляет житейский опыт и житейскую мудрость в высоком и чистом пла-

мени вдохновения. Грозно поют органные трубы в лирике Арсения Тарковского, приветствуя мир и человека гимном в честь вечной жизни, бессмертия, неоскудевающего бытия:

Предчувствиям не верю и примет
Я не боюсь. Ни клеветы, ни яда
Я не бегу. На свете смерти нет.
Бессмертны все. Бессмертно всё. Не надо
Бояться смерти ни в семнадцать лет,
Ни в семьдесят. Есть только явь и свет,
Ни тьмы, ни смерти нет на этом свете.
Мы все уже на берегу морском,
И я из тех, кто выбирает сети,
Когда идет бессмертье косяком.

(«Жизнь, жизнь»)

«Я бессмертен, пока я не умер...» — вот поэтическое кредо Арсения Тарковского, вот ядро его концепции времени, его собственное слово в традиционных и давнишних для мировой поэзии спорах о коренных проблемах бытия, о смысле человеческой жизни и назначении личности.

Да, человек смертен, соглашается поэт. Да, никому не дано перенести свою душу за грань физического небытия. Но пока человек жив, он вправе ощущать себя сверстником вечности, разомкнувшим границы времени и навстречу прошедшему, и навстречу грядущему. Человек и силен способностью духовное пространство собственной жизни расширять до бесконечности, своим личным опытом объемя опыт всей человеческой истории и культуры. Подобно тому как соприкосновение с Землей сообщало Антею непобедимость, культура и история, материализовавшиеся в Слове, сообщают поэту бессмертие, неподвластное жестокой воле природы, ибо это бессмертие повинуетя иным, нежели физические, законам — законам духа.

Настоящее в этом смысле — не единственно возможная данность, а лишь тот перевал, с которого, куда ни глянь, открываются необозримые просторы времени. «Я связь миров, повсюду сущих, //Я крайня степень вещества; //Я средоточие живущих, //Черта начальна божества; //Я телом в прахе истлеваю, умом громам повелеваю, //Я царь — я раб — я червь — я бог!» — так начал в русской поэзии эту традицию понимания человеческого удела Державин. «Я человек, я посредине мира, //За мною мириады инфузорий, //Передо мною мириады звезд. //Я между ними лег во весь свой рост — //Два берега связующее море, //Два космоса соединивший мост», — так продолжил традицию наш современник Арсений Тарковский.

Сверстнику вечности тесно в пределах земной биографии, одного своего непосредственного опыта. И посягает он не на ближ-

этому — бросает вызов. И помина больше нет об Актеоне. Забыт Антей. Новым героям суждено выступить теперь на авансцену поэтического театра Арсения Тарковского.

И главный среди них — Марсий. Нет, кажется, мифа, более близкого и дорогого Тарковскому, чем печальная история о фригийском силене, вздумавшем состязаться в искусстве с самим солнцеликим Аполлоном и жестоко поплатившемся за свою отвагу.

Марсием двигало высочайшее *самолюбие*. Поэт у Тарковского движим высочайшим *мнением* о человеке, о его судьбе и предназначении. Движим обидой и болью за несправедливость тех законов мироздания, которыми человек осужден на смерть, одиночество, душевную дисгармонию. Движим уверенностью в том, что согласие человека и природы все-таки возможно.

Гордость, боль и надежда человеческая избирают поэта своим певцом, заступником и воителем, одаряя его тем единственным, но могущественным оружием, которого он достоин, — Речью, Голосом, Словом.

На стороне мудрой поэтической речи — память о тех легендарных временах, когда было «осиянно только слово среди земных тревог», когда «солнце останавливали словом, словом разрушали города». На стороне этой речи — круговая порука человечества, та от начала начал идущая традиция, которую и спустя «семь тысяч лет» подхватит новый поэт, ибо и он

...в смертный час попросит вдохновенья,
Чтобы успеть стихи досочинить:
— Еще одно дыханье и мгновенье!
Дай эту нить связать и раздвоить!
Ты помнишь рифмы влажное биенье?

(«Рифмы»)

Соперничающий с вечностью поэт чувствует в себе «народа безымянный гений» — тот самый гений, что «немую плоть предметов и явлений //Одушевлял, даруя имена». Именуя все — от былинки до космоса, — поэт волею слова творит новую, «вторую» реальность, напоминая, что «стихотворение — дитя жизни, но не копия ее». Именно эта вторая — духовная — реальность, множеством плоскостей соприкасающаяся с «внепоэтической» явью, властно перестраивает мироздание по *человеческим* законам — законам духа, поэзии и красоты.

В стихах Тарковского дело поэта — всегда подвиг поэта, ибо «слово только оболочка, //Пленка жребиев людских, //На тебя любая строчка //Точит нож в стихах твоих». Незримое, но неустрашимое присутствие судьбы в каждом — даже случайном — слове и обогащает речь, пропитывая ее живой кровью, и становится ис-

точником трагедии, требуя «сполна платить судьбой //За паспортное сходство //Строки с самим собой».

Таков удел могучих, гордых натур, способных, по словам А. Блока, жить, лишь предъявляя «безмерные требования к жизни». Такова судьба поэта, который, в отличие от фригийца Марсия, сам казнит себя, сам вершит над собою строгий суд совести и чести, грудью встречая все зло земное, чтобы преобразовать его в ослепительный луч добра и истины.

Именно высота целей, избранных поэтом, именно трагизм, неминуемо разрешающийся катарсисом, нравственным просветлением, приобщает лирические создания Арсения Тарковского к лучшим страницам отечественной поэзии от Ломоносова и Державина до Тютчева, Иннокентия Анненского, Ахматовой. Именно все это, вместе взятое, создает тот неповторимый, полнозвучный контекст, в свете которого прочитываются и самые «темные», «загадочные» из поздних стихов поэта, стихов, равно проникнутых утренней радостью «дышать и жить» и вечерней смутой: «По деревне ходит Каин, //Стекла бьет и на расчет, //Как работника хозяин, //Брата младшего зовет... //Я гляжу из-под ладони на тебя, судьба моя, //Не готовый к обороне, //Будто в Книге Бытия».

Напряженной философичностью, строгостью формы, где кованая пластика изобразительного решения помогает выявлению виртуозного музыкального «рисунка», отличаются, как правило, и переводы Арсения Тарковского, в лучших своих образцах вошедших в настоящее издание. И арабский поэт XI века Абу-ль-Аля аль-Маарри, и более близкие к нам по времени Махтумкули, Кемине, Молланепес, Саят-Нова, Григол Орбелиани, и поэты XX века предстают у Тарковского прежде всего как мыслители, щедро делящиеся с нами сокровищами исторического, культурного и духовного опыта своих народов.

Заслуги Арсения Александровича Тарковского в деле сближения разных народов и культур были по справедливости высоко оценены читателями и критикой, отмечены знаками общественного признания. К боевым наградам военного журналиста прибавились Государственные премии Каракалпакской АССР имени Бердаха (1967), Туркменской ССР имени Махтумкули (1971), орден Дружбы народов (1977). Ни возраст, ни интенсивная работа над оригинальными лирическими стихами не ослабляют сосредоточенного творческого внимания Тарковского к сокровищам мировой поэзии прошлого и к тому новому, что появляется в поэзии братских республик и должно в полный голос зазвучать на русском языке.

Знакомясь с переводами Тарковского, читатель, несомненно, почувствует первородную прелесть и своеобразие арабского, турк-

мёнского, грузинского или армянского стихосложения, мастерски передаваемые поэтом. В давнем споре о принципах переводческого искусства Тарковский неизменно стоит на позициях точного, «буквального» воспроизведения всех — ритмических, графических, интонационных — особенностей подлинника, избегая, насколько это возможно, модного «осовременивания», подгонки классических образцов к требованиям «нынешнего вкуса». В его переводах пряную, несколько саркастическую элегичность Абу-ль-Аля аль-Маарри не спутаешь с напористой, словно бег скакуна, повествовательной интонацией каракалпакского эпоса «Сорок девушек», так же как напряженную метафоричность Саят-Новы всегда отличишь от благородно-сдержанного лирического рисунка стихов Симона Чиковани.

Не соблазняясь поверхностной, стилизованной «экзотичностью» в передаче национального поэтического опыта, национальной образной системы и одновременно страшась того, что на его родном языке речь подлинника потеряет свои особые, неповторимые черты, Тарковский всегда придерживается чувства меры, подсказываемого великолепным знанием предмета и безупречным вкусом; он не соперничает с переводимым поэтом, как это иной раз случается, а помогает его новому рождению — на русском языке, в русской литературной традиции.

Сосредоточенное, самсабвенное углубление в мир подлинника еще и еще раз доказывает: сколь бы разными путями ни шли поэты разных эпох и народов, движутся они к единой для каждого честного и талантливому художника цели — к постановке и решению насущных гражданских, социальных задач, к разгадыванию великих тайн человеческой личности, к постижению вечных проблем жизни, смерти, бессмертия, любви, творчества.

Голоса великих поэтов, достойно представляющих свои народы и свои литературы в пантеоне мировой культуры, звучат в переводах Арсения Тарковского столь же современно, как и голос самого переводчика. Они и сегодня вмешиваются в споры о смысле человеческого существования, о предназначении искусства и сегодня властно воздействуют на формирование гражданской и творческой позиции наших современников. Как мы уже говорили, дело поэта, по убеждению Тарковского, сродни подвигу. Эту же мысль о подвиге, заключающемся в беззаветном служении истине, красоте, человечности мы находим, например, и у переведенного Тарковским армянского поэта Амо Сагияна:

Пускай меня согнет работа,
Годам забот не будет счета,
Но только бы в часы полета
Не тяжелеть, не тяжелеть.

И жить веками, жить веками,
Сшибаться грудь о грудь с горами,
Дышать ветрами, встретить пламя,
Гореть, и крепнуть, и сгореть.

(«Так жить»)

И в оригинальных стихах и в переводах Арсения Тарковского явственно ощутима вся полнота его творческой и гражданской самоотдачи, стремление своим поэтическим — пророческим! — словом раздвинуть горизонты привычного мировосприятия, поведать людям знание о человеке — творящем и чудотворящем.

Поэту, с болью замечающему: «Меркнет зрение, сила моя — // Два незримых алмазных копыя, // Глохнет слух, полный давнего грома // И дыхания отчего дома», — все дороже становятся воспоминания младенчества и отрочества. Все понятнее таинственная, словно бы из полутонов сотканная, библейская символика, несколько оттесняющая в сторону соблазнительно яркие, скульптурные образцы античных мифов. Все роднее, милее каждый миг из прожитых на белом свете, каждый миг; уводящий в дальнюю даль...

И как же теперь не собирать «всего, что напела мне птица, // Белый день наболтал, наморгала звезда, // Намигала вода, накисло кислица...»? Как не помянуть добрым и лукавым словом веселую проказницу Йоту из «поселковой повести» «Чудо со щеглом» и дни, когда «весна была, как Боттичелли, // И лиловата и смутна...»? Как не взглядеться сквозь слезы, туманящие взор: «Красный фонарик стоит на снегу, // Что-то я вспомнить его не могу»? Ведь только здесь, в этой прекрасной, исчезающей яви, можно осуществить себя с такой полнотой и несомненностью, когда не будет страшен путь «в аорту, неведомо чью, наугад», когда исполнится сказанное с торжественной, пророческой верою:

Я — свеча, я сгорел на пиру.
Соберите мой воск поутру,
И подскажет вам эта страница,
Как вам плакать и чем вам гордиться,
Как веселья последнюю треть
Раздарить и легко умереть
И под сенью случайного крова
Загореться посмертно, как слово.

Сергей Чуприник

Стихотворения

ПЕРЕД ЛИСТОПАДОМ

Все разошлись. На прощанье осталась
Оторопь желтой листвы за окном,
Вот и осталась мне самая малость
Шороха осени в доме моем.

Выпало лето холодной иголкой
Из онемелой руки тишины
И запропало в потемках за полкой,
За штукатуркой мышинной стены.

Если считаться начнем, я не вправе
Даже на этот пожар за окном.
Верно, еще рассыпается гравий
Под осторожным ее каблуком.

Там, в законном тревожном покое,
Вне моего бытия и жилья,
В желтом, и синем, и красном — на что ей
Память моя? Что ей память моя?

КОЛЫБЕЛЬ

Андрею Т.

О н а:

Что всю ночь не спишь, прохожий,
Что бредешь — не добредешь,
Говоришь одно и то же,
Спать ребенку не даешь?
Кто тебя еще услышит?
Что тебе делить со мной?
Он, как белый голубь, дышит
В колыбели лубяной.

О н:

Вечер приходит, поля голубеют, земля сиротеет.
Кто мне поможет воды зачерпнуть из криницы глубокой?
Нет у меня ничего, я все растерял по дороге;
День провожаю, звезду встречаю. Дай мне напиться.

О н а:

Где криница — там водица,
А криница на пути.
Не могу я дать напиться,
От ребенка отойти.
Вот он веки опускает,
И вечерний млечный хмель
Обвивает, омывает
И качает колыбель.

О н:

Дверь отвори мне, выйди, возьми у меня что хочешь —
Свет вечерний, ковш кленовый, траву подорожник...

* * *

Река Сугакля уходит в камыш,
Бумажный кораблик плывет по реке,
Ребенок стоит на песке золотом,
В руках его яблоко и стрекоза.
Покрытое радужной сеткой крыло
Звенит, и бумажный корабль на волнах
Качается, ветер в песке шелестит,
И все навсегда остается таким...
А где стрекоза? Улетела. А где
Кораблик? Уплыл. Где река? Утекла.

ДОМ

Юность я проморгал у судьбы на задворках,
Есть такие дворы в городах —
Подымают бугры в шелушащихся корках,
Дышат охрой и дранку трясут в коробах.

В дом вошел я как в зеркало, жил наизнанку,
Будто сам городил колченогий забор,
Стол поставил и дверь притворил спозаранку,
Очутился в коробке, открытой во двор.

Погоди, дай мне выбраться только отсюда,
Надоест мне пластаться в окне на весу;
Что мне делать? Глумись надо мною, покуда
Все твои короба растрясусь.

Так себя самого я угрозами выдал.
Ничего, мы еще за себя постоим.
Старый дом за спиной набухает, как идол,
Шелудивую глину трясут перед ним.

* * *

Зеленые рощи, зеленые рощи,
Вы горькие правнуки древних лесов,
Я — брат ваш, лишенный наследственной мощи,
От вас ухожу, задвигаю засов.

А если я из дому вышел, уж верно
С собою топор прихвачу, потому
Что холодно было мне в яме пещерной
И в городе я холодаю в дому.

Едва проявляется день на востоке,
Одетые в траурный чад площадей
Напрасно вопят в мегафоны пророки.
О рощах-последышах, судьях людей.

И смутно и боязно в роще беззвучной
Творить ненавистное дело свое:
Деревья — под корень, и ветви — поштучно...
Мне каждая ветка — что в горло копьё.

* * *

Под сердцем травы тяжелеют росинки,
Ребенок идет босиком по тропинке,
Несет землянику в открытой корзинке,
А я на него из окошка смотрю,
Как будто в корзинке несет он зарю.

Когда бы ко мне побежала тропинка,
Когда бы в руке закачалась корзинка,
Не стал бы глядеть я на дом под горой,
Не стал бы завидовать доле другой,
Не стал бы совсем возвращаться домой.

* * *

Если б, как прежде, я был горделив,
Я бы оставил тебя навсегда;
Все, с чем расстаться нельзя ни за что,
Все, с чем возиться не стоит труда,—
Надвое царство мое разделив.

Я бы сказал:

— Ты уносишь с собой
Сто обещаний, сто праздников, сто
Слов. Это можешь с собой унести.

Мне остается холодный рассвет,
Сто запоздалых трамваев и сто
Капель дождя на трамвайном пути,
Сто переулков, сто улиц и сто
Капель дождя, побежавших вослед.

НОЧНОЙ ДОЖДЬ

То были капли дождевые,
Летающие из света в тень.
По воле случая впервые
Мы встретились в ненастный день,

И только радуги в тумане
Вокруг неярких фонарей
Поведали тебе заранее
О близости любви моей,

О том, что лето миновало,
Что жизнь тревожна и светла,
И как ты ни жила, но мало,
Так мало на земле жила.

Как слезы, капли дождевые
Светились на лице твоём,
А я еще не знал, какие
Безумства мы переживем.

Я голос твой далекий слышу,
Друг другу нам нельзя помочь,
И дождь всю ночь стучит о крышу,
Как и тогда стучал всю ночь.

* * *

Записал я длинный адрес на бумажном лоскутке,
Все никак не мог проститься и листок держал в руке.
Свет растекся по брусчатке. На ресницы, и на мех,
И на серые перчатки начал падать мокрый снег.

Шел фонарщик, обернулся, возле нас фонарь зажег,
Засвистел фонарь, запнулся, как пастушеский рожок.
И рассыпался неловкий, бестолковый разговор,
Легче пуха, мельче дроби... Десять лет прошло
с тех пор.

Даже адрес потерял я, даже имя позабыл
И потом любил другую, ту, что горше всех любил.
А идешь — и капнет с крыши: дом и ниша у ворот,
Белый шар над круглой нишей, и читаешь: кто живет?

Есть особые ворота и особые дома,
Есть особая примета, точно молодость сама.

* * *

Т. О.-Т.

Я боюсь, что слишком поздно
Стало сниться счастье мне.
Я боюсь, что слишком поздно
Потянулся я к беззвездной
И чужой твоей стране.

Мне-то ведомо, какую —
Ночью темной, без огня,
Мне-то ведомо, какую
Неспокойной, молодою
Ты бываешь без меня.

Я-то знаю, как другие,
В поздний час моей тоски,
Я-то знаю, как другие
Смотрят в эти роковые,
Слишком темные зрачки.

И в моей ночи ревнивой
Каблучки твои стучат,
И в моей ночи ревнивой
Над тобою дышит диво —
Первых оттепелей чад.

Был и я когда-то молод.
Ты пришла из тех ночей.
Был и я когда-то молод,
Мне понятен душный холод.
Вешний лед в крови твоей.

СТРАУС В 1913 ГОДУ

Показывали страуса в Пассаже.

Холодная коробка магазина,
И серый свет из-под стеклянной крыши,
Да эта керосинка на прилавке —
Он ко всему давным-давно привык.
Нахохлившись, на сонные глаза
Надвинул фиолетовые веки
И посреди пустого помещенья,
Не двигаясь, как чучело, стоял,
Так утвердив негнущиеся ноги,
Чтоб можно было, не меняя позы,
Стоять хоть целый час, хоть целый день
Без всякой мысли, без воспоминаний.

И научился он небытию
И ни на что не обращал вниманья —
Толкнет его хозяин или нет,
Засыплет корму или не засыплет,
И если б даже захотел, не мог
Из этого оцепененья выйти.

ГРАД НА ПЕРВОЙ МЕЩАНСКОЙ

Бьют часы на башне,
Подымается ветер,
Прохожие — в парадные,
Хлопают двери,
По тротуару бегут босоножки,
Дождь за ними гонится,
Бьется сердце,
Мешает платье,
И розы намокли.

Град
    расшибается вдребезги
                                    над самой липой.

Все же
Понемногу отворяются окна,
В серебряной чешуе мостовые,
Дети грызут ледяные орехи.

25 ИЮНЯ 1935 ГОДА

Хорош ли праздник мой, малиновый иль серый,
Но все мне кажется, что розы на окне,
И не признательность, а чувство полной меры
Бывает в этот день всегда присуще мне.
А если я не прав, тогда скажи — на что же
Мне тишина травы, и дружба роц моих,
И стрелы птичьих крыл, и плеск ручьев, похожий
На объяснение в любви глухонемых?

* * *

Отнятая у меня, ночами
Плакавшая обо мне, в нестрогом
Черном платье, с детскими плечами,
Лучший дар, не возвращенный богом,

Заклинаю прошлым, настоящим,
Крепче спи, не всхлипывай спросонок,
Не следи за мной зрачком косящим,
Ангел, олененок, соколенок.

Из камней Шумера, из пустыни
Аравийской, из какого круга
Памяти — в сиянии гордыни
Горло мне захлестываешь туго?

Я не знаю, где твоя держава,
И не знаю, как сложить заклятье,
Чтобы снова потерять мне право
На твое дыханье, руки, платье.

ИГНАТЬЕВСКИЙ ЛЕС

Последних листьев жар сплошным самосожженьем
Восходит на небо, и на пути твоём
Весь этот лес живет таким же раздраженьем,
Каким последний год и мы с тобой живем.

В заплаканных глазах отражена дорога,
Как в пойме сумрачной, кусты отражены.
Не привередничай, не угрожай, не трогай,
Не задевай лесной наволгшей тишины.

Ты можешь услышать дыханье старой жизни:
Осклизлые грибы в сырой траве растут,
До самых сердцевин их проточили слизи,
А кожу все-таки щекочет влажный зуд.

Все наше прошлое похоже на угрозу —
Смотри, сейчас вернусь, гляди, убью сейчас!
А небо ежится и держит клен, как розу, —
Пусть жжет еще сильнее! — почти у самых глаз.

* * *

Когда купальщица с тяжелою косою
Выходит из воды, одна в полдневном зное,
И прячется в тени, тогда ручей лесной
В зеленых зеркальцах поет совсем иное.

Над хрупкой чешуей светло-студеных вод
Сторукий бог ручьев свои рога склоняет,
И только стрекоза, как первый самолет,
О новых временах напоминает.

МЕЛЬНИЦА В ДАРГАВСКОМ УЩЕЛЬЕ

Все жужжит беспокойное веретено —
То ли осы снуют, то ли гнется камыш,—
Осетинская мельница мелет зерно,
Ты в Даргавском ущелье стоишь.

Там в плетеной корзине скрипят жернова,
Колесо без оглядки бежит, как пришлось,
И, в толченый хрусталь окунув рукава,
Белый лебедь бросается вкось.

Мне бы мельника встретить: он жил над рекой,
Ни о чем не тужил и ходил по дворам,
Он ходил — торговал нехорошей мукой,
Горьковатой, с песком пополам.

ПОРТРЕТ

Никого со мною нет.
На стене висит портрет.

По слепым глазам старухи
Ходят мухи,
                  мухи,
                  мухи.

— Хорошо ли,— говорю,—
Под стеклом в твоём раю?

По щеке сползает муха,
Отвечает мне старуха:

— А тебе в твоём доме
Хорошо ли одному?

* * *

Я так давно родился,
Что слышу иногда,
Как надо мной проходит
Студеная вода.
А я лежу на дне речном,
И если песню петъ —
С травы начнем, песку зачерпнем
И губ не разомкнем.

Я так давно родился,
Что говорить не могу,
И город мне приснился
На каменном берегу.
А я лежу на дне речном
И вижу из воды
Далекий свет, высокий дом,
Зеленый луч звезды.

Я так давно родился,
Что если ты придешь
И руку положишь мне на глаза,
То это будет ложь,
А я тебя удержать не могу,
И если ты уйдешь
И я за тобой не пойду, как слепой,
То это будет ложь.

ДОЖДЬ

Как я хочу вдохнуть в стихотворенье
Весь этот мир, меняющий обличье:
Травы неуловимое движенье,

Мгновенное и смутное величье
Деревьев, раздраженный и крылатый
Сухой песок, щебечущий по-птичьи,—

Весь этот мир, прекрасный и горбатый,
Как дерево на берегу Ингула.
Там я услышал первые раскаты

Грозы. Она в бараний рог согнула
Упрямый ствол, и я увидел крону —
Зеленый слепок грозового гула.

А дождь бежал по глиняному склону,
Гонимый стрелами, ветвисторогий,
Уже во всем подобный Актеону.

У ног моих он пал на полдороге.

25 ИЮНЯ 1939 ГОДА

И страшно умереть, и жаль оставить
Всю шушеру пленительную эту,
Всю чепуху, столь милую поэту,
Которую не удалось прославить.
Я так любил домой прийти к рассвету
И в полчаса все вещи переставить,
Еще любил я белый подоконник,
Цветок и воду, и стакан граненый,
И небосвод голубизны зеленой,
И то, что я — поэт и беззаконник.
А если был июнь и день рожденья,
Боготворил я праздник суетливый,
Стихи друзей и женщин поздравленья,
Хрустальный смех и звон стекла счастливый,
И завиток волос неповторимый,
И этот поцелуй неотвратимый.

Расставлено все в доме по-другому,
Июнь пришел, я не томлюсь по дому,
В котором жизнь меня терпенью учит,
И кровь моя мутится в день рожденья,
И тайная меня тревога мучит,—
Что сделал я с высокою судьбою,
О боже мой, что сделал я с собою!

ДОЖДЬ В ТБИЛИСИ

Мне твой город нерусский
Все еще незнаком,—
Клен под мелким дождем,
Переулок твой узкий,

Под холодным дождем
Слишком яркие фары,
Бесприютные пары
В переулке твоём,

По крутым тротуарам
Бесконечный подъем.
Затерялся твой дом
В этом городе старом.

Бесконечный подъем,
Бесконечные спуски,
Разговор не по-русски
У меня за плечом.

Сеет дождь из тумана,
Капли падают с крыш.
Ты, наверное, спишь,
В белом спишь, Кетевана?

В переулке твоём
В этот час непогожий
Я — случайный прохожий
Под холодным дождем,

В этот час непогожий,
В час, покорный судьбе,
На тоску по тебе
Чем-то странно похожий.

* * *

Ты, что бабочкой черной и белой,
Не по-нашему дико и смело
И в мое залетела жильё,
Не колдуй надо мною, не делай
Горше горького сердце мое.

Чернота, окрыленная светом,
Та же черная верность обетам
И платок, ниспадающий с плеч.
А еще в трепетании этом
Тот же яд и нерусская речь.

* * *

С утра я тебя дожидался вчера,
Они догадались, что ты не придешь,
Ты помнишь, какая погода была?
Как в праздник! И я выходил без пальто.

Сегодня пришла, и устроили нам
Какой-то особенно пасмурный день,
И дождь, и особенно поздний час,
И капли бегут по холодным ветвям.

Ни словом унять, ни платком утереть...

ЯЛИК

Что ты бродишь, глазной хрусталик?
Хоть бы сам себя поберег.
Не качается лодочка-ялик,
Не взлетает птица-нырок.

Камыши полосы прибрежной
Достаются на краткий срок.
Что ты бродишь, неосторожный,
Вдалеке от больших дорог?

Все, что свято, все, что крылато,
Все, что пело мне: «Добрый путь!» —
Меркнет в желтом огне заката.
Как ты смел туда заглянуть?

Там ребенок пел загорелый,
Не хотел возвращаться домой,
И качался ялик твой белый
С голубым флажком над кормой,

ЗВЕЗДНЫЙ КАТАЛОГ

До сих пор мне было невдомек —
Для чего мне звездный каталог?
В каталоге десять миллионов
Номеров небесных телефонов,
Десять миллионов номеров
Телефонов марев и миров,
Полный свод свеченья и мерцанья,
Список абонентов мироздания.
Я-то знаю, как зовут звезду,
Я и телефон ее найду,
Пережду я очередь земную,
Поверну я азбуку стальную:

— А-13-40-25.

Я не знаю, где тебя искать.

Запоет мембрана телефона:
— Отвечает альфа Ориона.
Я в дороге, я теперь звезда,
Я тебя забыла навсегда.
Я звезда — денницына сестрица,
Я тебе не захочу присниться,
До тебя мне дела больше нет.
Позвони мне через триста лет.

ЦЕЙСКИЙ ЛЕДНИК

Друг, за чашу благодарствуй,
Небо я держу в руке,
Горный воздух государства
Пью на Цейском леднике.

Здесь хранит сама природа
Явный след былых времен —
Девятнадцатого года
Очистительный озон.

А внизу из труб Садона
Сизый тянется дымок,
Чтоб меня во время оно
Этот холод не увлек.

Там над крышами, как сетка,
Дождик дышит и дрожит,
И по нитке вагонетка
Черной бусиной бежит.

Я присутствую при встрече
Двух времен и двух высот,
И колючий снег на плечи
Старый Цее мне кладет.

СВЕРЧОК

Если правду сказать,
я по крови — домашний сверчок,
Заповедную песню
пою над печною золой,
И один для меня
приготовит крутой кипяток,
А другой для меня
приготовит шесток золотой.

Путешественник вспомнит
мой голос в далеком краю,
Даже если меня
променяет на знойных цикад.
Сам не знаю, кто выстругал
бедную скрипку мою,
Знаю только, что песнями
я, как цикада, богат.

Сколько русских согласных
в полночном моем языке,
Сколько я поговорок
сложил в коробок лубяной,
Чтобы шарили дети
в моем лубяном коробке,
В старой скрипке запечной
с единственной медной струной.

Ты не слышишь меня,
голос мой — как часы за стеной,
А прислушайся только —
и я поведу за собой,
Я весь дом подыму:
просыпайтесь, я сторож ночной!
И заречье твое
отзовется сигнальной трубой.

I

ТОЛЬКО ГРЯДУЩЕЕ

Рассчитанный на одного, как номер
Гостиницы — с одним окном, с одной
Кроватью и одним столом, я жил
На белом свете, и моя душа
Привыкла к телу моему. Бывало,
В окно посмотрит, полежит в постели,
К столу присядет — и скрипит пером,
Творя свою нехитрую работу.

А за окном ходили горожане,
Грузовики трубили, дождь шумел,
Посвистывали милиционеры,
Всходило солнце — наступало утро,
Всходили звезды — наступала ночь,
И небо то светлело, то темнело.

И город полюбил я, как приезжий,
И полон был счастливых впечатлений,
Я новое любил за новизну,
А повседневное — за повседневность,
И так как этот мир четырехмерен,
Мне будущее приходилось впору.

Но кончилось мое уединенье,
В пятнадцатирублевый номер мой
Еще один вселился постоялец,
И новая душа плодиться стала,

Как хромосома на стекле предметном.
Я собственной томился теснотой,
Хотя и раздвигался, будто город,
И слободами громоздился.

Я

Мост перекинул через речку.

Мне

Рабочих не хватало. Мы пылили
Цементом, грохотали кирпичом
И кожу бугорчатую земли
Бульдозерами до костей сдирали.

Хвала тому, кто потерял себя!
Хвала тебе, мой быт, лишенный быта!
Хвала тебе, благословенный тензор,
Хвала тебе, иных времен язык!
Сто лет пройдет — нам не понять его,
Я перед ним из «Слова о полку»,
Лежу себе, побитый татарвой:
Нас тысяча на берегу Каялы,
Копье торчит в траве,

а на копье

Степной орел седые перья чистит.

РУКИ

Взглянул я на руки свои
Внимательно, как на чужие:
Какие они корневые —
Из крепкой рабочей семьи.

Надежная старая стать
Для дружеских твердых пожатий;
Им плуга бы две рукояти,
Буханку бы хлебную дать,

Держать бы им сердце земли,
Да все мы, видать, звездолюбцы, —
И в небо мои пятизубцы
Двумя якорями вросли.

Так вот чем наш подвиг велик:
Один и другой пятерки
Свой труд принимают за благо,
И древней атлантовой тягой
К ступням прикипел материк.

К СТИХАМ

Стихи мои, птенцы, наследники,
Душеприказчики, истцы,
Молчальники и собеседники,
Смиренники и гордецы!

Я сам без роду и без племени
И чудом вырос из-под рук,
Едва меня лопата времени
Швырнула на гончарный круг.

Мне вытянули горло длинное,
И выкруглили душу мне,
И обозначили былинные
Цветы и листья на спине,

И я раздвинул жар березовый,
Как заповедал Даниил,
Благословил закал свой розовый,
И как пророк заговорил.

Скупой, охряной, неприкаянной
Я долго был землей, а вы
Упали мне на грудь нечаянно
Из клювов птиц, из глаз травы.

* * *

Я учился траве, раскрывая тетрадь,
И трава начинала как флейта звучать.
Я ловил соответствия звука и цвета,
И когда запевала свой гимн стрекоза,
Меж зеленых ладов проходя, как комета,
Я-то знал, что любая росинка — слеза.
Знал, что в каждой фасетке огромного ока,
В каждой радуге яркострекочущих крыл
Обитает горящее слово пророка,
И Адамову тайну я чудом открыл.

Я любил свой мучительный труд, эту кладку
Слов, скрепленных их собственным светом, загадку
Смутных чувств и простую разгадку ума,
В слове *правда* мне виделась правда сама,
Был язык мой правдив, как спектральный анализ,
А слова у меня под ногами валялись.

И еще я скажу: собеседник мой прав,
В четверть шума я слышал, в полсвета я видел,
Но зато не унизил ни близких, ни трав,
Равнодушием отчей земли не обидел,
И пока на земле я работал, приняв
Дар студеной воды и пахучего хлеба,
Надо мною стояло бездонное небо,
Звезды падали мне на рукав.

СТЕПЬ

Земля сама себя глотает
И, тычась в небо головой,
Провалы памяти латает
То человеком, то травой.

Трава — под конскою подковой,
Душа — в коробке костяной,
И только слово, только слово
В степи маячит под луной.

Почиет степь, как неживая,
И на курганах валуны
Лежат — цари сторожевые,
Опившись оловом луны.

Последним умирает слово.
Но небо движется, пока
Сверло воды проходит снова
Сквозь жесткий щит материка.

Дохнет репейника десница,
Сверкнет кузнечика седло,
Как радугу, степная птица
Расчешет сонное крыло.

И в сизом молоке по плечи
Из рая выйдет в степь Адам
И дар прямой разумной речи
Вернет и птицам и камням,

Любовный бред самосознания
Вдохнет, как душу, в корни трав,
Трепещущие их названья
Еще во сне пересоздав.

СТАНЬ САМИМ СОБОЙ

Werde der du bist...

Gëre

Когда тебе придется туго,
Найдешь и сто рублей и друга.
Себя найти куда трудней,
Чем друга или сто рублей.

Ты вывернешься наизнанку,
Себя обшаришь спозаранку,
В одно смешаешь явь и сны,
Увидишь мир со стороны

И все и всех найдешь в порядке.
А ты — как ряженный на святки —
Играешь в прятки сам с собой,
С твоим искусством и судьбой.

В чужом костюме ходит Гамлет
И кое-что про что-то мямлит,—
Он хочет Моиси играть,
А не врагов отца карать.

Из миллиона вероятий
Тебе одно придется кстати,
Но не дается, как назло,
Твое заветное число.

Загородил полнеба гений,
Не по тебе его ступени,

Но даже под его стопой
Ты должен стать самим собой.

Найдешь и у пророка слово,
Но слово лучше у немого,
И ярче краска у слепца,
Когда отыскан угол зренья
И ты при вспышке озаренья
Собой угадан до конца.

СЛОВО

Слово только оболочка,
Пленка, звук пустой, но в нем
Бьется розовая точка,
Станным светится огнем,

Бьется жилка, вьется живчик,
А тебе и дела нет,
Что в сорочке твой счастливчик
Появляется на свет.

Власть от века есть у слова,
И уж если ты поэт,
И когда пути другого
У тебя на свете нет,

Не описывай заранее
Ни сражений, ни любви,
Опасайся предсказаний,
Смерти лучше не зови!

Слово только оболочка,
Пленка жребиев людских,
На тебя любая строчка
Точит нож в стихах твоих.

* * *

Я прощаюсь со всем, чем когда-то я был
И что я презирал, ненавидел, любил.

Начинается новая жизнь для меня,
И прощаюсь я с кожей вчерашнего дня.

Больше я от себя не желаю вестей
И прощаюсь с собою до мозга костей,

И уже, наконец, над собою стою,
Отделяю посылую душу мою,

В пустоте оставляю себя самого,
Равнодушно смотрю на себя — на него.

Здравствуй, здравствуй, моя ледяная броня,
Здравствуй, хлеб без меня и вино без меня,

Сновидения ночи и бабочки дня,
Здравствуй, всё без меня и вы все без меня!

Я читаю страницы неписанных книг,
Слышу круглого яблока круглый язык,

Слышу белого облака белую речь,
Но ни слова для вас не умею сберечь,

Потому что сосудом скудельным я был
И не знаю, зачем сам себя я разбил.

Больше сферы подвижной в руке не держу
И ни слова без слова я вам не скажу.

А когда-то во мне находили слова
Люди, рыбы и камни, листва и трава,

* * *

Я долго добивался,
Чтоб из стихов своих
Я сам не порывался
Уйти, как лишний стих.

Где свистуны свистели
И щелкал щелкопер,
Я сам свое веселье
Отправил под топор.

Быть может, идиотство
Сполна платить судьбой
За паспортное сходство
Строки с самим собой.

А все-таки уставлю
Свои глаза на вас,
Себя в живых оставлю
Навек или на час,

Оставлю в каждом звуке
И в каждой запятой
Натруженные руки
И трезвый опыт свой.

Вот почему без страха
Смотрю себе вперед,
Хоть рифма, точно плаха,
Меня сама берет.

КАКТУС

Далеко, далеко, за полсвета
От родимых долгот и широт,
Допотопное чудище это
У меня на окошке живет.

Что ему до воклюзского лавра
И персидских мучительниц-роз,
Если он под пятой бронтозавра
Ластовидной листвою оброс?

Терпеливый приемыш чужбины,
Доживая стотысячный век,
Гонит он из тугой сердцевины
Восковой криворукий побег.

Жажда жизни кору пробивала,—
Он живет во всю ширь своих плеч
Той же силой, что нам даровала
И в могилах звучащую речь.

ДЕРЕВО ЖАННЫ

Мне говорят, а я уже не слышу,
Что говорят. Моя душа к себе
Прислушивается, как Жанна Д'Арк,
Какие голоса тогда поют!

И управлять я научился ими:
То флейты вызываю, то фяготы,
То арфы. Иногда я просыпаюсь,
А все уже давным-давно звучит,
И кажется — финал не за горами.

Привет тебе, высокий ствол и ветви
Упругие, с листвой зелено-ржавой,
Таинственное дерево, откуда
Ко мне слетает птица первой ноты.

Но стоит взяться мне за карандаш,
Чтоб записать словами гул литавров,
Охотничьи сигналы духовых,
Весенние размытые порывы
Смычков, — я понимаю, что со мной:
Душа к губам прикладывает палец —
Молчи! Молчи!

И все, чем смерть жива
И жизнь сложна, приобретает новый,
Прозрачный, очевидный, как стекло,
Внезапный смысл. И я молчу, но я
Весь без остатка, весь как есть — в раструбе
Воронки, полной утреннего шума.
Вот почему, когда мы умираем,

Оказывается, что ни полслова
Не написали о себе самих,
И то, что прежде нам казалось нами,
Идет по кругу
Спокойно, отчужденно, вне сравнений
И нас уже в себе не заключает.

Ах, Жанна, Жанна, маленькая Жанна!
Пусть коронован твой король, — какая
Заслуга в том? Шумит волшебный дуб,
И что-то голос говорит, а ты
Огнем горишь в рубахе не по росту.

КО́РА

Когда я вечную разлуку
Хлебну, как ледяную ртуть,
Не уходи, но дай мне руку
И проводи в последний путь.

Постой у смертного порога
До темноты, как луч дневной,
Побудь со мной еще немного
Хоть в трех аршинах надо мной.

Ужасный рот царицы Кору
Улыбкой привечает нас,
И душу обнажают взоры
Ее слепых загробных глаз.

СОКРАТ

Я не хочу ни власти над людьми,
Ни почестей, ни войн победоносных.
Пусть я застыну, как смола на соснах,
Но я не царь, я из другой семьи.

Дано и вам, мою цикуту пьющим,
Пригубить немоту и глухоту.
Мне рубище раба не по хребту,
Я не один, но мы еще в грядущем.

Я плоть от вашей плоти, высота
Всех гор земных и глубина морская.
Как раковину мир переполняя,
Шумит по-олимпийски пустота.

КАРЛОВЫ ВАРЫ

Даже песня дается недаром,
И уж если намучились мы,
То какими дрожжами и жаром
Здесь когда-то вздымало холмы?

А холмам на широкую спину,
Как в седло, посадили кремли
И с ячменных полей десятину
В добрый Пильзен варить повезли.

Расцветай же, как лучшая роза
В наилучшем трехмерном плену,
Дорогая житейская проза,
Воспитавшая эту страну.

Пойте, честные чешские птицы,
Пойте, птицы, пока по холмам
Бродит грузный и розоволицый
Старый Гёте, столь преданный вам.

УТРО В ВЕНЕ

Где ветер бросает ножи
В стекло министерств и музеев,
С насмешливым свистом стрижи
Стригут комаров-ротозеев.

Оттуда на город забот,
Работ и вечерней зевоты,
На роботов Моцарт ведет
Свои насекомые ноты.

Живи, дорогая свирель!
Под праздник мы пол натирали,
И в окна посыпался хмель —
На каждого по сто спиралей.

И если уж смысла искать
В таком суматошном концерте,
То молодость, правду сказать,
Под старость опаснее смерти.

АНЖЕЛО СЕККИ

— Прости, мой дорогой мерцовский экваториал!

Слова Секки

Здесь, в Риме, после долгого изгнания,
Седой, полуслепой, полуживой,
Один среди небесного сиянья,
Стоит он с непокрытой головой.

Дыханье Рима — как сухие травы.
Привет тебе, последняя ступень!
Судьба лукава, и цари не правы,
А все-таки настал и этот день.

От мерцовского экваториала
Он старых рук не властен оторвать;
Урания не станет, как бывало,
В пустынной этой башне пировать.

Глотая горький воздух, гладит Секки
Давным-давно не чищенную медь.
— Прекрасный друг, расстанемся навеки,
Дай мне теперь спокойно умереть.

Он сходит по ступеням обветшалым
К небытию, во прах, на Страшный суд,
И ласточки над экваториалом,
Как вестницы забвения, спуют.

Еще ребенком я оплакал эту
Высокую, мне родственную тень,
Чтоб, вслед за ней пройдя по белу свету,
Благословить последнюю ступень.

* * *

Пуškai меня простит Винсент Ван-Гог
За то, что я помочь ему не мог,

За то, что я травы ему под ноги
Не постелил на выжженной дороге,

За то, что я не развязал шнурков
Его крестьянских пыльных башмаков,

За то, что в зной не дал ему напиться,
Не помешал в больнице застрелиться.

Стою себе, а надо мной навис
Закрученный, как пламя, кипарис.

Лимонный крон и темно-голубое,—
Без них не стал бы я самим собою;

Унизил бы я собственную речь,
Когда б чужую ношу сбросил с плеч.

А эта грубость ангела, с какою
Он свой мазок роднит с моей строкою,

Ведет и вас через его зрачок
Туда, где дышит звездами Ван-Гог.

БАЛЕТ

Пиликает скрипка, гудит барабан,
И флейта свистит по-эльзасски,
На сцену въезжает картонный рыдван
С раскрашенной куклой из сказки.

Оттуда ее вынимает партнер,
Под ляжку подставив ей руку,
И тащит силком на гостиничный двор
К пиратам на верную муку.

Те точат кинжалы, и крутят усы,
И топают в такт каблуками,
Карманные враз вынимают часы
И дико сверкают белками,—

Мол, резать пора! Но в клубничном трико,
В своем лебедином крахмале,
Над рампою прима взлетает легко,
И что-то вибрирует в зале.

Сценической чуши магический тон
Находит, как свист соловьиный,
И пробует волю твою на зубок
Холодный расчет балерины.

И весь этот пот, этот грим, этот клей,
Смущавшие вкус твой и чувства,
Уже завладели душою твоей.
Так что же такое искусство?

Наверное, будет угадана связь
Меж сценой и Дантовым адом,
Иначе откуда бы площадь взялась
Со всей этой шушерой рядом?

В МУЗЕЕ

Это не мы, это они — ассирийцы,
Жезл государственный бравшие крепко в клешни,
Глинобородые боги-народоубийцы,
В твердых одеждах цари,— это они!

Кровь, как булыжник, торчит из щербатого горла,
И невозможно пресытиться жизнью, когда
В дыхало льву пернатые вогнаны сверла,
В рабьих ноздрях — жесткий уксус царева суда.

Я проклиная тиару Шамшиадада,
Я клинописной хвалы не пишу все равно,
Мне на земле ни почета, ни хлеба не надо,
Если мне царские крылья разбить не дано.

Жизнь коротка, но довольно и ста моих жизней,
Чтобы заполнить глотающий кости провал.
В башенном городе у ассирийцев на тризне
Я хорошо бы с казненными попировал.

Я проклиная подошвы царских сандалий.
Кто я — лев или раб, чтобы мышцы мои
Без воздаянья в соленую землю втоптали
Прямоугольные каменные муравьи?

ПЕРЕВОДЧИК

Шах с бараньей мордой — на троне.
Самарканд — на шахской ладони.
У подножья — лиса в чалме
С тысячью двустий в уме.
Розы сахаринной породы,
Соловьинная пахлава,
Ах, восточные переводы,
Как болит от вас голова.

Полуголый палач в застенке
Воду пьет и таращит зенки.
Все равно. Мертвеца в рядно
Зашивают, пока темно.
Спи без просыпу, царь природы,
Где твой меч и твои права?
Ах, восточные переводы,
Как болит от вас голова.

Да пребудет роза редифом,
Да царит над голодным тифом
И соленой паршой степей
Лунный выкормыш — соловей.
Для чего я лучшие годы
Продал за чужие слова?
Ах, восточные переводы,
Как болит от вас голова.

Зазубрил ли ты, переводчик,
Арифметику парных строчек?
Каково тебе по песку
Волочить старуху-тоску?
Ржа пустыни щепотью соды
Ни жива шипит, ни мертва.
Ах, восточные переводы,
Как болит от вас голова.

* * *

Порой по улице бредешь —
Нахлынет вдруг весть откуда
И по спине пройдет, как дрожь,
Бессмысленная жажда чуда.

Не то чтоб встал кентавр какой
У магазина под часами,
Не то чтоб на Серпуховской
Открылось море с парусами,

Не то чтоб захотеть — и ввысь
Кометой взвиться над Москвою,
Иль хоть по улице пройтись
На полвершка над мостовою.

Когда комета не взвилась,
И это назовешь удачей.
Жаль: у пространств иная связь,
И времена живут иначе.

На белом свете чуда нет,
Есть только ожиданье чуда.
На том и держится поэт,
Что эта жажда ниоткуда.

Она ждала тебя сто лет,
Под фонарем изнемогая...
Ты ею дорожи, поэт,
Она — твоя Серпуховская,

Твой город, и твоя земля,
И невзлетевшая комета,
И даже парус корабля,
Сто лет как сгинувший со света.

Затем и на земле живем,
Работаем и узнаем
Друг друга по ее приметам,
Что ей придется стать стихом,
Когда и ты рожден поэтом.

МОГИЛА ПОЭТА

Памяти Н. А. Заболоцкого

I

За мертвым сиротливо и пугливо
Душа тянулась из последних сил,
Но мне была бессмертьем перспектива
В минувшем исчезающих могил.

Листва, трава — все было слишком живо,
Как будто лупу кто-то положил
На этот мир смущенного порыва,
На эту сеть пульсирующих жил.

Вернулся я домой, и вымыл руки,
И лег, закрыв глаза. И в смутном звуке,
Проникшем в комнату из-за окна,

И в сумерках, нависших как в предгрозье,
Без всякого бессмертья, в грубой прозе
И наготе стояла смерть одна.

II

Венков еловых птичьих лапки
В снегу остались от живых.
Твоя могила в белой шапке,
Как царь, проходит мимо них,
Туда, к распахнутым воротам,

Где ты не прах, не человек,
И в облаках за поворотом
Восходит снежный твой ковчег.

Не человек, а череп века,
Его чело, язык и медь.

Заката огненное веко
Не может в небе догореть.

В ДОРОГЕ

Где черный ветер, как налетчик,
Поет на языке блатном,
Проходит путевой обходчик,
Во всей степи один с огнем.

Над полосою отчужденья
Фонарь качается в руке,
Как два крыла из сновиденья
В середине ночи на реке.

И в желтом колыбельном свете
У мирозданья на краю
Я по единственной примете
Родную землю узнаю.

Есть в рельсах железнодорожных
Пророческий и смутный зов
Благословенных, невозможных,
Не спящих ночью городов.

И осторожно, как художник,
Следит проезжий за огнем,
Покуда железнодорожник
Не пропадет в краю степном.

ЗЕМНОЕ

Когда б на роду мне написано было
    Лежать в колыбели богов,
Меня бы небесная мамка вспоила
    Святым молоком облаков,

И стал бы я богом ручья или сада,
    Стерег бы хлеба и гроба,—
Но я человек, мне бессмертья не надо:
    Страшна неземная судьба.

Спасибо, что губ не свела мне улыбка
    Над солью и желчью земной.
Ну что же, прощай, олимпийская скрипка,
    Не смейся, не пой надо мной.

II

БЛИЗОСТЬ ВОЙНЫ

Кто может умереть — умрет,
Кто выживет — бессмертен будет,
Пойдет греметь из рода в род,
Его и правнук не осудит.

На предпоследнюю войну
Бок ó бок с новыми друзьями
Пойдем в чужую сторону.
Да будет память близких с нами!

Счастливец, кто переживет
Друзей и подвиг свой военный,
Залечит раны и пойдет
В последний бой со всей вселенной.

И слава будет не слова,
А свет для всех, но только проще,
И эта жизнь — плакун-трава
Пред той широкошумной рощей.

СУББОТА, 21 ИЮНЯ

Пусть рокот щели хоть под воскресенье.
В моих руках надежда на спасенье.

Как я хотел вернуться в до-войны,
Предупредить, кого убить должны.

Мне вон тому сказать необходимо:
«Иди сюда, и смерть промчится мимо».

Я знаю час, когда начнут войну,
Кто выживет, и кто умрет в плену,

И кто из нас окажется героем,
И кто расстрелян будет перед строем,

И сам я видел вражеских солдат,
Уже заполонивших Сталинград,

И видел я, как русская пехота
Штурмует Бранденбургские ворота.

Что до врага, то все известно мне,
Как ни одной разведке на войне.

Я говорю — не слушают, не слышат,
Несут цветы, субботним ветром дышат,

Уходят, пропусков не выдают,
В домашний возвращаются уют.

И я уже не помню сам, откуда
Пришел сюда и что случилось чудо.

Я все забыл. В окне еще светло
И накрест не заклеено стекло.

* * *

Иони ржут за Сулюю..
«Слово о полку Игореве»

Русь моя, Россия, дом, земля и матерь!
Ты для новобрачного — свадебная скатерть,

Для младенца — колыбель, для юного — хмель,
Для скитальца — посох, пристань и постель,

Для пахаря — поле, для рыбака — море,
Для друга — надежда, для недруга — горе,

Для кормщика — парус, для воина — меч,
Для книжника — книга, для пророка — речь,

Для молотобойца — молот и сила,
Для живых — отцовский кров, для мертвых — могила,

Для сердца сыновьего — негасимый свет.
Нет тебя прекрасней и желанней нет.

Разве даром уголь твоего глагола
Рдяным жаром вспыхнул под пятой монгола?

Разве горький Игорь, смертью смерть поправ,
Твой не красил кровью бибряный рукав?

Разве киноварный плащ с плеча Рублева
На ветру широком не полощет снова?

Как душе — дыханье, руке — рукоять.
Хоть бы в пропасть кинуться — тебя отстоять.

* * *

Тебе не наскучило каждому снится,
Кто с князем твоим горевал на войне,
О чем же ты плачешь, княгиня зегзица,
О чем ты поешь на кремлевской стене?

Твой Игорь не умер в плену от печали,
Погоне назло доконал он коня,
А как мы рубились на темной Каяле,
Твой князь на Каяле оставил меня.

И впору бы мне тетивой удавиться,
У каменной бабы воды попросить.
О том ли в Путивле кукуешь, зегзица,
Что некому раны мои остудить?

Так долго я спал, что по русские очи
С каленым железом пришла татарва,
А смерть твоего кукованья короче,
От крови моей почернела трава.

Спасибо тебе, что стонала и пела.
Я ветром иду по горячей золе,
А ты разнеси мое смертное тело
На сизом крыле по родимой земле.

ПРОВОДЫ

Вытрет губы, наденет шинель
И, не глядя, жену поцелует.
А на улице ветер лютует,
Он из сердца повывудет хмель.

И потянется в город обоз,
Не добудешь ста грамм по дороге,
Только ветер бросается в ноги
И глаза обжигает до слез.

Был колхозником — станешь бойцом.
Пусть о родине, вольной и древней,
Мало песен сложили в деревне —
Выйдешь в поле, и дело с концом.

А на выезде плачет жена,
Причитая и руки ломая,
Словно черные кони Мамаю
Где-то близко, как в те времена,
Мчатся, снежную пыль подымая,
Ветер бьет, и звенят стремяна.

* * *

Чего ты не делала только,
чтоб видеться тайно со мною...
Тебе не сиделось, должно быть,
за Камой, в доме невысоком,
Ты под ноги стлалась травой,
уж так шелестела весною,
Что боязно было: шагнешь —
и заденешь тебя ненароком.

Кукушкой в лесу притаилась
и так куковала, что люди
Завидовать стали: ну вот,
Ярославна твоя прилетела!
И если я бабочку видел,
когда и подумать о чуде
Безумием было, я знал:
ты взглянуть на меня захотела.

А эти павлиньи глазки —
там лазори по капельке было
На каждом крыле — и светились...
Я, может быть, сб свету сгину,
А ты не покинешь меня,
и твоя чудотворная сила
Травой оденет, цветами подарит
и камень, и глину.

И если к земле присмотреться,
чешуйки все в радугах. Надо
Ослепнуть, чтоб имя твое
не прочесть на ступеньках и сводах

Хорби этих нежно-зеленых.

Вот верности женской засада:
Ты за ночь построила город
и мне приготовила отдых.

А ива, что ты посадила
в краю, где вовек не бывала?
Тебе до рожденья могли
терпеливые ветви присниться,
Качалась она, подрастая,
и соки земли принимала.
За ивой твоей довелось мне,
за ивой от смерти укрыться.

С тех пор не дивлюсь я, что гибель
обходит меня стороною:
Я должен ладью отыскать,
плыть и плыть и, замучась, причалить,
Увидеть такую тебя,
чтобы вечно была ты со мною,
И крыл твоих, глаз твоих,
рук — никогда не печалить,

Приснись мне, приснись мне, приснись,
приснись мне еще хоть однажды.
Война меня потчует солью,
а ты этой соли не трогай,
Нет горечи горше, и горло мое
пересохло от жажды,
Дай пить, напои меня, дай мне воды
хоть глоток, хоть немного,

БЕЖЕНЕЦ

Не пожалела на дорогу соли,
Так насолила, что свела с ума.
Горишь, святая камская зима,
А я живу один, как ветер в поле.

Скупишься, мать, дала бы хлеба, что ли.
Полны ядреным снегом закрома,
Бери да ешь. Тяжка моя сума;
Полпуда горя и ломоть недоли.

Я ноги отморожу на ветру,
Я беженец, я никому не нужен,
Тебе-то все равно, а я умру.

Что делать мне среди твоих жемчужин.
И кованного стужей серебра
На черной Каме, ночью, без костра?

ПОРТНОЙ ИЗ ЛЬОВОА,
ПЕРЕЛИЦОВКА И ПОЧИНКА
(Октябрь, 1941)

С чемоданчиком картонным,
Ластоногий, в котелке,
По каким-то там перронам,
С гнутой тросточкой в руке,

Сумасшедший, безответный,
Бедный житель городской,
Одержимый безбилетной,
Неприкаянной тоской.

Не из Лодзи, так из Львова,
Не в Казань, так на Уфу.
— Это ж казнь, даю вам слово,
Без фуфайки, на фуфу!

Колос недожатой нивы,
Под сверкающим серпом.
Третьи сутки жгут архивы
В этом городе чужом.

А в вагонах — наркоматы,
Места нет живой душе,
Госпитальные халаты
И японский атташе.

Часовой стоит на страже,
Начинается пальба,

И на город черной пряжей
Опускается судьба.

Чудом сузилась жилетка,
Пахнет снегом и огнем,
И полна грудная клетка
Царским траурным вином.

Привкус меди, смерти, тлена
У него на языке,
Будто царь царей из плена
К небесам воззвал в тоске.

На полу лежит в теплушке
Без подушки, без пальто
Побирушка без полушки,
Странник, беженец, никто.

Он стоит над стылой Камой.
Спит во гробе город Львов.
Страждет сын печали, самый
Нищий из ее сынов.

Ел бы хлеб, да нету соли,
Ел бы соль, да хлеба нет.
Снег растает в чистом поле.
Порастет полынью след.

* * *

Хорошо мне в теплушке,
Тут бы век вековать,—
Сумка вместо подушки,
И на дождь наплевать.

Мне бы ехать с бойцами,
Грызть бы мне сухари,
Петь да спать бы ночами
От зари до зари,

У вокзалов разбитых
Брать крутой кипяток —
Бездомовный напиток —
В жестяной котелок.

Мне б из этого рая
Никуда не глядеть,
С темнотой засыпая
Ничего не хотеть —

Ни дороги попятной,
Разоренной войной,
Ни туда, ни обратно,
Ни на фронт, ни домой,—

Но торопит, рыдая,
Песня стольких разлук,
Жизнь моя кочевая,
Твой скрежещущий стук,

* * *

Ехал из Брянска в теплушке слепой,
Ехал домой со своею судьбой.

Что-то ему говорила она,
Только и слов — слепота и война.

Мол, хорошо, что незряч да убог,
Был бы ты зряч, уцелеть бы не мог.

Немец не тронул, на что ты ему?
Дай-ка на плечи надену суму,

Ту ли худую, пустую суму,
Дай-ка я веки тебе подыму.

Ехал слепой со своею судьбой,
Даром что слеп, а доволен собой.

ПЕСНЯ ПОД ПУЛЯМИ

Мы крепко связаны разладом,
Столетия нас не развели.
Я волхв, ты волк, мы где-то рядом
В текучем словаре земли.

Держась бок о бок, как слепые,
Руководимые судьбой,
В бессмертном словаре России
Мы оба смертники с тобой.

У русской песни есть обычай
По капле брать у крови в долг
И стать твоей ночной добычей.
На то и волхв, на то и волк.

Снег, как на бойне, пахнет сладко,
И ни звезды над степью нет.
Да и тебе, старик, свинчаткой
Еще перешибут хребет.

* * *

Вы нашей земли не считаете раем,
А краем пшеничным, чужим караваем,
Штыком вы отрезали лучшую треть.
Мы намертво знаем, за что умираем,—
Мы землю родную у вас отбираем,
А вам — за ворованный хлеб умереть.

* * *

На черной трубе погорелого дома
Орел отдыхает в безлюдной степи.
Так вот что мне с детства так горько знакомо:
Видение цезарианского Рима —
Горбатый орел, и ни дома, ни дыма...
А ты, мое сердце, и это стерши.

* * *

Стояла батарея за этим вот холмом,
Нам ничего не слышно, а здесь остался гром,
Под этим снегом трупы еще лежат вокруг,
И в воздухе морозном остались взмахи рук.
Ни шагу знаки смерти ступить нам не дают.
Сегодня снова, снова убитые встают.
Сейчас они услышат, как снегири поют.

ПОЛЕВОЙ ГОСПИТАЛЬ

Стол повернули к свету. Я лежал
Вниз головой, как мясо на весах,
Душа моя на нитке колотилась,
И видел я себя со стороны:
Я без довесков был уравновешен
Базарной жирной гирей.

Это было

Посередине снежного щита,
Щербатого по западному краю,
В кругу незамерзающих болот,
Деревьев с перебитыми ногами
И железнодорожных полустанков
С расколотыми черепами, черных
От снежных шапок, то двойных, а то
Тройных.

В тот день остановилось время,
Не шли часы, и души поездов
По насыпям не пролетали больше
Без фонарей, на серых ластвах пара,
И ни вороньих свадеб, ни метелей,
Ни оттепелей не было в том лимбе,
Где я лежал в позоре, в наготе,
В крови своей, вне поля тяготенья
Грядущего.

Но сдвинулся и на оси пошел
По кругу щит слепительного снега,
И низко у меня над головой
Семерка самолетов развернулась,
И марля, как древесная кора,
На теле затвердела, и бежала

Чужая кровь из колбы в жилы мне,
И я дышал, как рыба на песке,
Глотая твердый, слюдяной, земной,
Холодный и благословенный воздух.

Мне губы обметало, и еще
Меня поили с ложки, и еще
Не мог я вспомнить, как меня зовут,
Но ожил у меня на языке
Словарь царя Давида.

А потом

И снег сошел, и ранняя весна
На цыпочки привстала и деревья
Окутала своим платком зеленым.

БАБОЧКА В ГОСПИТАЛЬНОМ САДУ.

Из тени в свет перелетая,
Она сама и тень и свет,
Где родилась она такая,
Почти лишенная примет?
Она летает, приседая,
Она, должно быть, из Китая,
Здесь на нее похожих нет,
Она из тех забытых лет,
Где капля малая лазори
Как море синее во взоре.

Она клянется: навсегда! —
Не держит слова никогда,
Она едва до двух считает,
Не понимает ничего,
Из целой азбуки читает
Две гласных буквы —

А
и
О.

А имя бабочки — рисунок,
Нельзя прознести его,
И для чего ей быть в покое?
Она как зеркальце простое.
Пожалуйста, не улетай,
О госпожа моя, в Китай!
Не надо, не ищи Китая,
Из тени в свет перелетая.
Душа, зачем тебе Китай?
О госпожа моя цветная,
Пожалуйста, не улетай!

ЗЕМЛЯ

За то, что на свете я жил неумело,
За то, что не кривдой служил я тебе,
За то, что имел небессмертное тело,
Я дивной твоей сопричастен судьбе.

К тебе, истомившись, потянутся руки
С такой наболевшей любовью обнять,
Я снова пойду за Великие Луки,
Чтоб снова мне крестные муки принять.

И грязь на дорогах твоих не сладима,
И тощая глина твоя солона.
Слезам солдатскими будешь хранима
И вдовьей смертельною скорбью сильна.

ИВАНОВА ИВА

Иван до войны проходил у ручья,
Где выросла ива неведомо чья.

Не знали, зачем на ручей налегла,
А это Иванова ива была.

В своей плащ-палатке, убитый в бою,
Иван возвратился под иву свою.

Иванова ива,
Иванова ива,
Как белая лодка, плывет по ручью.

ОХОТА

Охота кончается.
Меня затравили.
Борзая висит у меня на бедре.
Закинул я голову так, что рога уперлись
в лопатки.
Трублю.
Подрезают мне сухожилья.
В ухо тычут ружейным стволом.

Падает на бок, цепляясь рогами за мокрые прутья.
Вижу я тусклое око с какой-то налипшей травинкой.
Черное, окостеневшее яблоко без отражений.
Ноги свяжут и шест проденут, вскинут на плечи...

ЧЕМ ПАХНЕТ СНЕГ

Был первый снег как первый смех
И первые шаги ребенка.
Глядишь — он выровнен, как мех,
На елках, на березах снег,—
Чем не снегуркина шубенка?
И лунки — по одной на всех:
Солонка или не солонка,
Но только завтра, как на грех,
Во всем преобразится снег.

Зима висит на хвойных лапах,
По-праздничному хороша,
Арбузный гоголевский запах —
Ее декабрьская душа.

В бумажных колпаках и шляпах,
Тряпье в чулане вороша,
Усы наводят жженой пробкой,
Румянец — свеклой; кто в очках,
Кто скалку схватит впопыхах
И в двери, с полною коробкой
Огня бенгальского в руках.

Факир, вампир, гусар с цыганкой,
Коза в тулупе вверх изнанкой,
С пеньковой бородой монах
Гурьбой закладывают сани,
Под хохот бьется бубенец,
От ряженных воспоминаний
Зима устанет наконец.

И — никого, и столбик ртути
На милость стужи сдастся днем,
В малиновой и дымной смуте
И мы пойдем своим путем,
Почуем запах госпитальный
Сплошного снежного пласта,
Дыханье ступит, как хрустальный
Морозный ангел, на уста.

И только в марте потеплеет,
И, как на карте, запестреет,
Там косогор, там буерак,
А там лозняк, а там овраг.

Сойдешь с дороги — вязнут ноги,
Передохни, когда не в спех,
Постой немного при дороге:
Весной бензином пахнет снег.

Бензином пахнет снег у всех,
В любом краю, но в Подмоскowie
Особенно, и пахнет кровью.
Остался этот запах с тех
Времен, когда сороковые
По снегу в гору свой доспех
Тащили годы чуть живые...

Уходят души снеговые,
И остается вместо вех
Бензин, которым пахнет снег.

ПОСЛЕ ВОЙНЫ

1

Как дерево поверх лесной травы
Распластывает листьев пятерню
И, опираясь о кустарник, вкось,
И вширь, и вверх распространяет ветви,
Я вытянулся понемногу. Мышцы
Набухли у меня, и раздалась
Грудная клетка. Легкие мои
Наполнил до мельчайших альвеол
Колючий спирт из голубого кубка,
И сердце взяло кровь из жил, и жилам
Вернуло кровь, и снова взяло кровь,
И было это как преображенье
Простого счастья и простого горя
В прелюдию и фугу для органа.

2

Меня хватило бы на все живое —
И на растения, и на людей,
В то время умиравших где-то рядом
И где-то на другом конце земли
В страданиях немислимых, как Марсий,
С которого содрали кожу. Я бы
Ничуть не стал, отдав им жизнь, бедней
Ни жизнью, ни самим собой, ни кровью,
Но сам я стал как Марсий. Долго жил
Среди живых, и сам я стал как Марсий.

Бывает, в летнюю жару лежишь
 И смотришь в небо, и горячий воздух
 Качается, как люлька, над тобой,
 И вдруг находишь странный угол чувств:
 Есть в этой люльке щель, и сквозь нее
 Проходит холод запредельный, будто
 Какая-то иголка ледяная...

Как дерево с подмытого обрыва,
 Разбрызгивая землю над собой,
 Обрушивается корнями вверх,
 И быстрина перебирает ветви,
 Так мой двойник по быстрине иной
 Из будущего в прошлое уходит.
 Вослед себе я с высоты смотрю
 И за сердце хватаюсь. Кто мне дал
 Трепещущие ветви, мощный ствол
 И слабые, беспомощные корни?
 Тлетворна смерть, но жизнь еще тлетворней,
 И необуздан жизни произвол.
 Уходишь, Лазарь? Что же, уходи!
 Еще горит полнеба за спиною.
 Нет больше связи меж тобой и мною.
 Спи, жизнелюбец! Руки на груди
 Сложи и спи!

Приди, возьми, мне ничего не надо,
 Люблю — отдам и не люблю — отдам.
 Я заменить хочу тебя, но если
 Я говорю, что перейду в тебя,
 Не верь мне, бедное дитя, я лгу...
 О, эти руки с пальцами, как лозы,
 Открытые и влажные глаза,
 И раковины маленьких ушей,
 Как блюдца, полные любовной песни,
 И крылья, ветром выгнутые круто...

Не верь мне, бедное дитя, я лгу,
Я буду порываться, как казнимый,
Но не могу я через отчужденье
Переступить, и не могу твоим
Крылом плеснуть, и не могу мизинцем
Твоим коснуться глаз твоих, глазами
Твоими посмотреть. Ты во сто крат
Сильней меня, ты — песня о себе,
А я — наместник дерева и неба
И осужден твоим судом за песню.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Еще в скорлупе мы висим на хвощах,
Мы — ранняя проба природы,
У нас еще кровь не красна, и в хрящах
Шумят силурийские воды,

Еще мы в пещере костра не зажгли
И мамонтов не рисовали,
Ни белого неба, ни черной земли
Богами еще не назвали.

А мы уже в горле у мира стоим
И бомбою мстим водородной
Еще не рожденным потомкам своим
За собственный грех первородный.

Ну что ж, златоверхие башни смахнем,
Развеем число Галилея
И Моцарта флейту продует огнем,
От первого тлена хмелея.

Нам снится немая, как камень, земля
И небо, нагое без птицы,
И море без рыбы и без корабля,
Сухие, пустые глазницы.

ЗУММЕР

Я бессмертен, пока я не умер,
И для тех, кто еще не рожден,
Разрываю пространство, как зуммер
Телефона грядущих времен.

Так последний связист под обстрелом,
От большого пути в стороне,
Прикрывает расстрелянным телом
Ящик свой на солдатском ремне.

На снегу в затвердевшей шинели,
Кулаки к подбородку прижав,
Он лежит, как дитя в колыбели,
Правотой несравненною прав.

Где когда-то с боями прошли мы
От большого пути в стороне,
Разбегается неповторимый
Терпкий звук на широкой волне.

Это старая честь боевая
Говорит:

— Я земля. Я земля,—
Под землей провода расправляя
И корнями овсов шевеля.

III

* * *

Снова я на чужом языке
Пересуды какие-то слышу,—
То ли это плоты на реке,
То ли падают листья на крышу.

Осень, видно, и впрямь хороша.
То ли это она колобродит,
То ли злая живая душа
Разговоры с собою заводит,

То ли сам я к себе не привык...
Плыть бы мне до чужих понизовий,
Петь бы мне, как поет плотовщик,—
Побольней, потемней, победовей,

На плоту натянуть дождевик,
Петь бы, шапку надвинув на брови,
Как поет на реке плотовщик
О своей невозвратной любви.

* * *

Т. О.-Т.

Вечерний, сизокрылый,
Благословенный свет!
Я словно из могилы
Смотрю тебе вослед.

Благодарю за каждый
Глоток воды живой,
В часы последней жажды
Подаренный тобой.

За каждое движенье
Твоих прохладных рук,
За то, что утешенья
Не нахожу вокруг.

За то, что ты надежды
Уводишь, уходя,
И ткань твоей одежды
Из ветра и дождя.

ТИТАНИЯ

Прямых стволов благословение
И млечный пар над головой,
И я ложусь в листву осеннюю,
Дышу подспудицей грибной.

Мне грешная моя, невинная
Земля моя передает
Свое терпенье муравьиное
И душу крепкую, как йод.

Кончатся мои скитания.
Я в лабиринт корней войду
И твой престол найду, Титания,
В твоей державе пропаду.

Что мне в моем погибшем имени?
Твой ржавый лист — моя броня.
Кляни меня, но не гони меня,
Убей, но не гони меня.

* * *

Сирени вы, сирени,
И как вам не тяжёл
Застывший в трудном крене
Альтовый гомон пчел?

Осталось нетерпенье
От юности моей
В горячей вашей пене
И в глубине теней.

А как дохнет по пчелам
И пробежит гроза
И ситцевым подолом
Ударит мне в глаза —

Пройдет прохлада низом
Траву в коленях гнуть,
И дождь по гроздьям сизым
Покатится, как ртуть.

Под вечер — ведро снова,
И, верно, в том и суть,
Чтоб хоть силком смычковый
Лиловый гуд вернуть.

* * *

Жизнь меня к похоронам
Приучила понемногу.
Соблюдаем, слава богу,
Очередность по годам.

Но ровесница моя,
Спутница моя бывшая,
Отошла, не соблюдая
Зыбких правил бытия.

Несколько никчемных роз
Я принес на отпеванье,
Ложное воспоминанье
Вместе с розами принес.

Будто мы невесть куда
Едем с нею на трамвае,
И нисходит дождевая
Радуга на провода.

И при желтых фонарях
В семицветном оперенье
Слезы счастья на мгновенье
Загорятся на глазах,

И щека еще влажна,
И рука еще прохладна,
И она еще так жадно
В жизнь и счастье влюблена.

В морге млечный свет лежит
На серебряном глазете,
И за эту смерть в ответе
Совесть плачет и дрожит,

Тщетно слясь хоть чуть-чуть
Сдвинуть маску восковую
И огласку роковую
Жгучей солью захлестнуть,

* * *

Мне в черный день приснится
Высокая звезда,
Глубокая криница,
Студеная вода
И крестики сирени
В росе у самых глаз.
Но больше нет ступени —
И тени спрячут нас.

И если вышли двое
На волю из тюрьмы,
То это мы с тобою,
Одни на свете мы,
И мы уже не дети,
И разве я не прав,
Когда всего на свете
Светлее твой рукав.

Что с нами ни случится,
В мой самый черный день.
Мне в черный день приснится
Криница и сирень,
И тонкое колечко,
И твой простой наряд,
И на мосту за речкой
Колеса простучат.

На свете все проходит,
И даже эта ночь

Проходит и уводит
Тебя из сада прочь.
И разве в нашей власти
Вернуть свою зарю?
На собственное счастье
Я как слепой смотрю.

Стучат. Кто там? — Мария. —
Отворишь дверь: — Кто там? —
Ответа нет. Живые
Не так приходят к нам,
Их поступь тяжелее,
И руки у живых
Грубее и теплее
Незримых рук твоих.

— Где ты была? — Ответа
Не слышу на вопрос.
Быть может, сон мой — это
Невнятный стук колес
Там, на мосту, за речкой,
Где светится звезда,
И кануло колечко
В криницу навсегда.

IV

ЗАТМЕНИЕ СОЛНЦА. 1914

В то лето народное горе
Надело железную цепь,
И тлея по самое море
Сухая и пыльная степь,

И под вечер горькие дали,
Как душная бабья душа,
Багровой тревогой дышали
И бога хулили, греша.

А утром в село, на задворки,
Пришел дезертир босиком,
В белесой своей гимнастерке,
С голодным и темным лицом,

И, словно из церкви икона,
Смотрел он, как шел на ущерб
По ржавому дну небосклона
Алмазный сверкающий серп.

Запомнил я взгляд без движенья,
Совсем из державы иной,
И понял печать отчужденья
В глазах, обожженных войной.

И стало темно. И в молчанье,
Зеленом, глубоком как сон,

Ушел он и мне на прощанье
Оставил ружейный патрон.

Но сразу, по первой примете,
Узнать ослепительный свет...

. . . . .
Как много я прожил на свете!
Столетие! Тысячу лет!

ЕЛЕНА МОЛОХОВЕЦ

...после чего отжимки можно
отдать на кухню людям.

*Е. Молоховец. Подарок
молодым хозяйкам. 1911*

Где ты, писательница малосольная,
Молоховец, холуйка малохольная,
Блаженство десятипудовых туш
Владетелей десяти тысяч душ?
В каком раю? чистилище? мучилище?
Костедробилище? А где твои лещи
Со спаржей в зеве? раки бордолез?
Омары Крез? имперский майонез?
Кому ты с институтскими ужимками
Советуешь стерляжьими отжимками
Парадный опзрачивать бульон,
Чтоб золотым он стал, как миллион,
Отжимки слугам скармливать, чтоб ведали,
Чем нынче наниматели обедали?

Вот ты сидишь под ледяной скалой,
Перед тобою ледяной налой,
Ты вслух читаешь свой завет поваренный,
Тобой хозяйкам молодым подаренный,
И червь насытый у тебя в руке,
В другой — твой череп мямлит в дуршлаге.
Ночная тень, холодная, голодная,
Полубайстрючка, полублагородная...

ЮРОДИВЫЙ В 1918 ГОДУ

За квелую душу и мертвое царское тело
Юродивый молится, ручкой крестясь посинелой,
Ногами сучит на раскольничьем хрустком снегу:

— Ай, маменька,
тятенька,
бабенька,
гули-агу!
Дай Феде просвирку,
дай сирому Феде керенку,
дай, царь-государь,
импелай Николай,
на иконку!
Царица-лисица,
бух-бух,
помалей Алалей,
дай Феде цна-цна,
исцели,
не стрели,
Пантелей!

Что дали ему Византии орлы золотые,
И чем одарил его царский штандарт над Россией,
Парад перед Зимним, Кшесинская, Ленский расстрел?
Что слышал — то слушал, что слушал — понять не успел.

Гунявый, слюнявый, трясет своей вшивой рогожей,
И хлебную корочку гложет на белку похоже,
И красногвардейцу все тычется плешью в сапог.
А тот говорит:

— Не трясись, ешь спокойно, браток!

* * *

Мы шли босые, злые,
И, как под снег ракита,
Ложилась мать Россия
Под конские копыта.

Стояли мы у стенки,
Где холодом тянуло,
Выкатывая зенки,
Смотрели прямо в дуло.

Кто знает щучье слово,
Чтоб из земли солдата
Не подымали снова,
Убитого когда-то?

* * *

Встали хлопцы золотые
И покинули село,
Порешили за кордоном
Панну-лебедь добывать.
Научи меня, Россия,
Прядать ястребом в седло
И в тулупчике казенном
С Первой Конной бедовать.

Ух, дороги столбовые,
Кизяковый сладкий дым.
Наши мазанки да срубы
Колесом пошли на слом.
Научи меня, Россия,
Тем свистящим и взрывным,
От которых ломит зубы
И язык стоит колом.

Здравствуй, Катенька-невеста,
Степь родная без жилья!
Верный конь, врагу не выдав,
Душу выручил в бою.
Посреди бойцов мне место,
Встану в очередь и я,
Пусть поет Денис Давыдов,
Кончит песню — я спою.

Буду акать, буду окать,
Катю-степь возьму под локоть,
Конь пойдет подковой цокать,
Екать селезенкою.
Научи меня, Россия,
Лапать будяки степные
И под выстрелы сухие
Подходить сторонкою.

СТИХИ ИЗ ДЕТСКОЙ ТЕТРАДИ

Пробудись, я твой лучник последний...
...О, мать Ахайя,
Из тетради 1921 г.

Почему захотелось мне снова,
Как в далекие детские годы,
Ради шутки не тратить ни слова,
Сочинять величавые оды,

Штурмовать олимпийские кручи,
Нимф искать по лазурным пещерам
И гекзаметр без всяких созвучий
Предпочесть новомодным размерам?

Географию древнего мира
На четверку я помню, как в детстве,
И могла бы Алкеева лира
У меня оказаться в наследстве.

Надо мной не смеялись матросы.
Я читал им:

«О, мать Ахайя!»

Мне дарили они папиросы,
По какой-то Ахайе вздыхая.

За гекзаметр в холодном вокзале,
Где жила молодая свобода,
Мне военные люди давали
Черный хлеб двадцать первого года.

Значит, шел я по верной дороге,
По кремнистой дороге поэта,
И неправда, что Пан козлоногий
До меня еще сгинул со света.

Босиком, но в буденновском шлеме,
Бедный мальчик в священном дурмане,
Верен той же аттической теме,
Я блуждал без копейки в кармане.

Ямб затасканный, рифма плохая —
Только бредни, постылые бредни,
И достойней:

«О, мать Ахайя,
Пробудись, я твой лучник последний...»

* * *

Кухарка жирная у скаред
На сковородке мясо жарит,
И приправляет чесноком,
Шафраном, уксусом и перцем,
И побирушку за окном
Костит и проклиняет с сердцем.

А я бы тоже съел кусок,
Погрыз бараний позвонок
И, как хозяин, кружку пива
Хватил и завалился спать:
Кляните, мол, судите криво,
Голодных сытым не понять.

У, как я голодал мальчишкой!
Тетрадь стихов таскал под мышкой,
Баранку на два дня делил:
Положишь на зубок ошибкой...
И стал жильем певучих сил,
Какой-то невесомой скрипкой.

Сквозил я, как рыбачья сеть,
И над землю мог висеть.
Осенний дождь, двойник мой серый,
Долдонил в уши свой рассказ,
В облаву милиционеры
Ходили сквозь меня не раз.

А фонари в цветных размывах
В тех переулках шелудивых.

Где летом шагу не ступить,
Чтобы влюбленных в подворотне
Не всполошить!.. Я, может быть,
Воров московских был бесплотней,

Я в спальни тенью проникал,
Летал, как пух из одеял,
И молодости клясть не буду
За росчерк звезд над головой,
За глупое пристрастье к чуду
И за карман дырявый свой.

ВЕЩИ

Все меньше тех вещей, среди которых
Я в детстве жил, на свете остается.
Где лампы-«молнии»? Где черный порох?
Где черная вода со дна колодца?

Где «Остров мертвых» в декадентской раме?
Где плюшевые красные диваны?
Где фотографии мужчин с усами?
Где тростниковые аэропланы?

Где Надсона чахоточный трехдольник,
Визитки на красавцах-адвокатах,
Пахучие калоши «Треугольник»
И страусова нега плеч покатых?

Где кудри символистов полупьяных?
Где рослых футуристов затрапезы?
Где лозунги на липах и каштанах,
Бандитов сумасшедшие обрезы?

Где твердый знак и буква «ять» с «фитою»?
Одно ушло, другое изменилось,
И что не отделялось запятой,
То запятой и смертью отделилось.

Я сделал для грядущего так мало,
Но только по грядущему тоскую
И не желаю начинать сначала:
Быть может, я работал не впустую.

А где у новых спутников порука,
Что мне принадлежат они по праву?
Я посягаю на игрушки внука,
Хлеб правнука, праправнукову славу.

ФОТОГРАФИЯ

О. М. Грудцовой

В сердце дунет ветер тонкий,
И летишь, летишь стремглав,
А любовь на фото пленке
Душу держит за рукав,

У забвения, как птица,
По зерну крадет — и что ж?
Не пускает распылиться,
Хоть и умер, а живешь —

Не вовсю, а в сотой доле,
Под сурдинку и во сне,
Словно бродишь где-то в поле
В запредельной стороне.

Все, что мило, зримо, живо,
Повторяет свой полет,
Если ангел объектива
Под крыло твой мир берет.

ГРЕЧЕСКАЯ КОФЕЙНЯ

Где белый камень в диком блеске
Глокает синьку вод морских,
Грек Ламбринуди в красной феске
Ждал посетителей своих.

Они развешивали сети,
Распутывали полавки
И, улыбаясь точно дети,
Натягивали пиджаки.

— Входите, дорогие гости,
Сегодня кофе как вино! —
И долго в греческой кофейне
Гремели кости
Домино.

А чашки разносила Зоя,
И что-то нежное и злое
Скрывала медленная речь,
Как будто море кружевное
Спадало с этих узких плеч.

ВЕРБЛЮД

На длинных нерусских ногах
Стоит, улыбаясь некстати,
А шерсть у него на боках,
Как вата в столетнем халате.

Должно быть, молясь на восток,
Кочевники перемудрили,
В подшерсток втирали песок
И ржавой колючкой кормили.

Горбатую царскую плоть,
Престол нищеты и терпенья,
Нещедрый пустынный-господь
Слепил из отходов творенья.

И в ноздри вложили замок,
А в душу — печаль и величье,
И, верно, с тех пор погромом
На шее болтается птичьей.

По Черным и Красным пескам,
По дикому зною бродяжил,
К чужим пристрастился тюкам,
Копейки под старость не нажил.

Привыкла верблюжья душа
К пустыне, тюкам и побоям.
А все-таки жизнь хороша,
И мы в ней чего-нибудь стоим.

V

МОТЫЛЕК

Ходит мотылек
По ступеням света,
Будто кто зажег
Мельтешенье это.

Книжечку чудес
На лугу открыли,
Порошком небес
Подсинили крылья.

В чистом пузырьке
Кровь другого мира
Светится в брюшке
Мотылька-лепира.

Я бы мысль вложил
В эту плоть, но трогать
Мы не смеем жил
Фараона с ноготь.

ПОСРЕДИНЕ МИРА

Я человек, я посредине мира,
За мною мириады инфузорий,
Передо мною мириады звезд.
Я между ними лег во весь свой рост —
Два берега связующее море,
Два космоса соединивший мост.

Я Нестор, летописец мезозоя,
Времен грядущих я Иеремия.
Держа в руках часы и календарь,
Я в будущее втянут, как Россия,
И прошлое клянусь, как нищий царь.

Я больше мертвецов о смерти знаю,
Я из живого самое живое.
И — боже мой! — какой-то мотылек,
Как девочка, смеется надо мною,
Как золотого шелка лоскуток.

МАЛЮТКА-ЖИЗНЬ

Я жизнь люблю и умереть боюсь.
Взглянули бы, как я под током бьюсь
И гнусь, как язь в руках у рыболова,
Когда я перевоплощаюсь в слово.

Но я не рыба и не рыболов.
И я из обитателей углов,
Похожий на Раскольниковца с виду.
Как скрипку, я держу свою обиду.

Терзай меня — не изменюсь в лице.
Жизнь хороша, особенно в конце,
Хоть под дождем и без гроша в кармане,
Хоть в Судный день — с иголкой в гортани.

А! Этот сон! Малютка-жизнь, дыши,
Возьми мои последние гроши,
Не отпускай меня вниз головою
В пространство мировое, шаровое!

ГОЛУБИ

Семь голубей — семь дней недели
Склевали корм и улетели,
На смену этим голубям
Другие прилетают к нам.

Живем, считаем по семерке,
В последней стае только пять,
И наши старые задворки
На небо жалко променять:

Тут наши сизари воркуют,
По кругу ходят и жалкуют,
Асфальт крупитчатый клюют
И на поминках дождик пьют.

ДЕРЕВЬЯ

I

Чем глуше крови страстный ропот
И верный кров тебе нужней,
Тем больше ценишь трезвый опыт
Спокойной зрелости своей.

Оплакав молодые годы,
Молочный брат листвы и трав,
Глядишься в зеркало природы,
В ее лице свое узнав.

И собеседник и ровесник
Деревьев полувековых,
Ищи себя не в ранних песнях,
А в росте и упорстве их.

Им тяжело собственное бремя,
Но с каждой новою весной
В их жесткой сердцевине время
За слоем отлагает слой.

И крепнет их живая сила,
Двоятся ветви их, деля
Тот груз, которым одарила
Своих питомцев мать-земля.

О чем скорбя, в разгаре мая
Вдоль исполинского ствола

На крону смотришь, понимая,
Что мысль взамену чувств пришла?

О том ли, что в твоих созвучьях
Отвердевает кровь твоя,
Как в терпеливых этих сучьях
Луч солнца и вода ручья?

II

Державы птичьей нищеты,
Ветров зеленые кочевья,
Ветвями ищут высоты
Слепорожденные деревья.

Зато, как воины стройны,
Очеловеченные нами,
Стоят и соединены
Земля и небо их стволами.

С их плеч, когда зима придет,
Слетит убранство золотое:
Пусть отдохнет лесной народ,
Накопит силы на покое.

А листья — пусть лежат они
Под снегом, ржавчина природы.
Сквозь щели сломанной брони
Живительные брызнут воды,

И двинется весенний сок,
И сквозь кору из черной раны
Побега молодого рог
Проглянет, нежный и багряный.

И вот уже в сквозной листве
Стоят округ земли прогретой
И света ищут в синеве
Еще, быть может, до рассвета.

— Как будто горцы к нам пришли
С оружием своим старинным

На праздник матери-земли
И станом стали по низинам.

Созвучья струн волосяных
Налетом птичьим зазвучали,
И пляски ждут подруги их,
Держа в точеных пальцах шали.

Людская плоть в родстве с листвой,
И мы чем выше, тем упорней:
Древесные и наши корни
Живут порукой круговой.

ДОМ НАПРОТИВ

Ломали старый деревянный дом.
Уехали жильцы со всем добром —

С диванами, кастрюлями, цветами,
Косыми зеркалами и котами.

Старик взглянул на дом с грузовика,
И время подхватило старика,

И все осталось навсегда, как было.
Но обнажились между тем стропила,

Забрезжила в проемах без стекла
Сухая пыль, и выступила мгла.

Остались в доме сны, воспоминанья,
Забутые надежды и желанья.

Сруб разобрали, бревна увезли.
Но ни на шаг от милой им земли

Не отходили призраки бывшего
И про рябину песню пели снова,

На свадьбах пили белое вино,
Ходили на работу и в кино,

Гробы на полотенцах выносили,
И друг у друга денег в долг просили,

И спали парами в пуховиках,
И первенцев держали на руках,

Пока железная десна машины
Не выгрызла их шелудивой глины,

Пока над ними кран, как буква «Г»,
Не повернулся на одной ноге.

РАННЯЯ ВЕСНА

Эй, в черном ситчике, неряха городская,
Ну, здравствуй, мать-весна! Ты вон теперь какая:
Расселась — ноги вниз — на Каменном мосту
И первых ласточек бросает в пустоту.

Девчонки-писанки с короткими носами,
Как на экваторе, толкутся под часами
В древнеегипетских ребристых башмаках,
С цветами желтыми в русалочьих руках.

Как не спешить туда взволнованным студентам,
Французам в дудочках, с владимирским акцентом,
Рабочим молодым, жрецам различных муз
И ловким служащим, бежавшим брачных уз?

Но дворник с номером косится исподлобья,
Пока троллейбусы проходят, как надгробья,
И я бегу в метро, где, у Москвы в плену,
Огромный базилевс залег во всю длину.

Там нет ни времени, ни смерти, ни апреля,
Там дышит ровное забвение без хмеля,
И ровное тепло подземных городов,
И ровный узкий свист летучих поездов.

* * *

Над черно-сизой ямою
И жухлым снегом в яме
Заплакала душа моя
Прощальными слезами.

Со скрежетом подъемные
Ворочаются краны
И сыплют шлак в огромные
Расхристанные раны,

Губастые бульдозеры,
Дрожа по-человечьи,
Асфальтовое озеро
Гребут себе под плечи.

Безбровая, безбольная,
Еще в родильной глине,
Встает прямоугольная
Бетонная богиня.

Здесь будет сад с эстрадами
Для скрипок и кларнетов,
Цветной бассейн с наядами
И музы для поэтов.

А ты, душа-чердачница,
О чем затосковала?
Тебе ли, неудачница,
Твоей удачи мало?

Прощай, житье московское,
Где ты любить училась,
Петровско-Разумовское,
Прощайте, ваша милость!

Истцы, купцы, повытчики,
И что в вас было б толку,
Когда б не снег на ситчике,
Накинутом на челку.

Эх, маков цвет, мещанское
Житьишко за заставой!
Я по линейке странствую,
И правый и неправый.

ЗАГАДКА С РАЗГАДКОЙ

Кто, еще прозрачный школьник,
Учит Музу чепухе
И торчит, как треугольник,
На шатучем лопухе?

Головастый внук Хирона,
Полувсадник-полуконь,
Кто из рук Анакреона
Вынул скачущий огонь?

Кто Державину докука,
Хлебникову брат и друг,
Взял из храма ультразвука
Золотой зубчатый лук?

Кто, коленчатый, зеленый
Царь, циркач или божок,
Для меня сберег каленый,
Норовистый их смычок?

Кто стрекочет, и пророчит,
И антеннами усов
Пятки времени щекочет,
Как пружинками часов?

Мой кузнечик, мой кузнечик,
Герб державы луговой!
Он и мне протянет глечик
С конийскою водой.

НА БЕРЕГУ

Он у реки сидел на камыше,
Накопленном крестьянами на крыши,
И тихо было там, а на душе
Еще того спокойнее и тише.
И сапоги он скинул. И когда
Он в воду ноги опустил, вода
Заговорила с ним, не понимая,
Что он не знает языка ее.
Он думал, что вода — глухонемая
И бессловесно сонных рыб жильё,
Что реют над водою коромысла
И ловят комаров или слепней,
Что хочешь мыться — мойся, хочешь — пей,
И что в воде другого нету смысла.

И вправду чуден был язык воды,
Рассказ какой-то про одно и то же,
На свет звезды, на беглый блеск слюды,
На предсказание беды похожий.
И что-то было в ней от детских лет,
От непривычки мерить жизнь годами,
И от того, чему названья нет,
Что по ночам приходит перед снами,
От грозного, как в ранние года,
Растительного самоощущенья.

Вот какова была в тот день вода
И речь ее — без смысла и значенья.

У ЛЕСНИКА

В лесу потерял я ружье,
Кусты разрывая плечами;
Глаза мне ночное зверье
Слепило своими свечами.

Лесник меня прячет в избе,
Сижу я за кружкой чая,
И кажется мне, что к себе
Попал я, по лесу блуждая.

Открыла мне память моя
Таинственный мир соответствий:
И кружка, и стол, и скамья
Такие же точно, как в детстве.

Такие же двери у нас
И стены такие же были.
А он продолжает рассказ,
Свои стародавние были.

Цигарку свернет и в окно
Моими посмотрит глазами.
— Пускай их свистят. Все равно.
У нас тут балуют ночами,

ОДА

Мало мне воздуха, мало мне хлеба,
Льды, как сорочку, сорвать бы мне с плеч,
В горло вобрать бы лучистое небо,
Между двумя океанами лечь,
Под ноги лечь у тебя на дороге
Звездной песчинкою в звездный песок,
Чтоб над тобою крылатые боги
Перелетали с цветка на цветок.

Ты бы могла появиться и раньше
И приоткрыть мне твою высоту,
Раньше могли бы твои великанши
Книгу твою развернуть на лету,
Раньше могла бы ты новое имя
Мне подобрать на своем языке, —
Вспыхнуть бы мне под стопами твоими
И навсегда затеряться в песке.

РУКОПИСЬ

А. А. Ахматовой

Я кончил книгу и поставил точку
И рукопись перечитать не мог.
Судьба моя сгорела между строк,
Пока душа меняла оболочку.

Так блудный сын срывает с плеч сорочку,
Так соль морей и пыль земных дорог
Благословляет и клянет пророк,
На ангелов ходивший в одиночку.

Я тот, кто жил во времена мои,
Но не был мной. Я младший из семьи
Людей и птиц, я цел со всеми вместе

И не покину пиршества живых —
Прямой гербовник их семейной чести,
Прямой словарь их связей корневых.

I

СЛОВАРЬ

Я ветвь меньшая от ствола России,
Я плоть ее, и до листвы моей
Доходят жилы, влажные, стальные,
Льняные, кровяные, костяные,
Прямые продолжения корней.

Есть высоты властительная тяга,
И потому бессмертен я, пока
Течет по жилам — боль моя и благо —
Ключей подземных ледяная влага,
Все эР и эЛЬ святого языка.

Я призван к жизни кровью всех рождений
И всех смертей, я жил по времена,
Когда народа безымянный гений
Немую плоть предметов и явлений
Одушевлял, даруя имена.

Его словарь открыт во всю страницу,
От облаков до глубины земной. —
Разумной речи научить синицу
И лист единый заронить в криницу,
Зеленый, рдяный, ржавый, золотой...

ДО СТИХОВ

Когда, еще спросонок, тело
Мне душу жгло и предо мной
Огнем вперед судьба летела
Неопалимой купиной,—

Свистели флейты ниоткуда,
Кричали у меня в ушах
Фанфары, и земного чуда
Ходила сетка на смычках,

И в каждом цвете, в каждом тоне
Из тысяч радуг и ладов
Окрестный мир стоял в короне
Своих морей и городов.

И странно: от всего живого
Я принял только свет и звук,—
Еще грядущее ни слова
Не заронило в этот круг...

РИФМА

Не высоко я ставлю силу эту:
И зяблики поют. Но почему
С рифмовником бродить по белу свету
Наперекор стихиям и уму
Так хочется и в смертный час поэту?

И как ребенок «мама» говорит,
И мечется, и требует покрова,
Так и душа в мешок своих обид
Швыряет, как плотву, живое слово:
За жабры — хватать! и рифмами двоит.

Сказать по правде, мы — уста пространства
И времени, но прячется в стихах
Кощеевой считалки постоянство.
Всему свой срок: живет в пещере страх,
В созвучье — допотопное шаманство,

И, может быть, семь тысяч лет пройдет,
Пока поэт, как жрец, благоговейно,
Кюперника в стихах перепоеет,
А там, глядишь, дойдет и до Эйнштейна.
И я умру, и тот поэт умрет,

Но в смертный час попросит вдохновенья,
Чтобы успеть стихи досочинить:
— Еще одно дыханье и мгновенье
Дай эту нить связать и раздвоить!
Ты помнишь рифмы влажное биенье?

ПОЭТЫ

Мы звезды меняем на птичьи кларнеты
И флейты, пока еще живы поэты,
И флейты — на синие щетки цветов,
Трещотки стрекоз и кнуты пастухов.

Как странно подумать, что мы променяли
На рифмы, в которых так много печали,
На голос, в котором и присвист и жесть,
Свою корневую, подземную честь.

А вы нас любили, а вы нас хвалили,
Так что ж вы лежите могила к могиле
И молча плывете, в ладьях накреньясь,
Косарь, и псалтырщик, и плотничий князь?

СТИХИ В ТЕТРАДЯХ

Мало ли на свете
Мне давно чужого,—
Не пред всем в ответе
Музыка и слово.

А напев случайный,
А стихи — на что мне?
Жить без глупой тайны
Легче и бездомней.

И какая малость
От нее осталась,—
Разве только жалость,
Чтобы сердце сжалось,

Да еще привычка
Говорить с собою,
Спор да перекличка
Памяти с судьбою...

ЭСХИЛ

В обнимку с молодостью, второпях
Чурался я отцовского наследия
И не приметил, как в моих стихах
Свила гнездо Эсхилова трагедия.

Почти касаясь клюва и когтей,
Обманутый тысячелетней сказкою,
С огнем я играл, как Прометей,
Пока не рухнул на гору кавказскую.

Гонца богов, мальчишку, холуя,
На крылышках снующего над сценою,
— Смотри,— молю,— вот кровь и кость моя,
Иди, возьми что хочешь, хоть вселенную!

Никто из хора не спасет меня,
Не крикнет: «Смилуйся или добей его!»
И каждый стих, звучащий дольше дня,
Живет все той же казнью Прометеевой.

КАМЕНЬ НА ПУТИ

Пророческая власть поэта
Бессильна там, где в свой рассказ
По странной прихоти сюжета
Судьба живьем вгоняет нас.

Вначале мы предполагаем
Какой-то взгляд со стороны
На то, что адом или раем
Считать для ясности должны,

Потом, кончая со стихами,
В последних четырех строках
Мы у себя в застенке сами
Себя свежем второпях.

Откуда наша власть? Откуда
Все тот же камень на пути?
Иль новый бог, творящий чудо,
Не может сам себя спасти?

ПОЭТ

Жил на свете рыцарь бедный...

Эту книгу мне когда-то
В коридоре Госиздата
Подарил один поэт;
Книга порвана, измята,
И в живых поэта нет.

Говорили, что в обличье
У поэта нечто птичье
И египетское есть;
Было нищее величье
И задерганная честь.

Как боялся он пространства
Коридоров! Постоянства
Кредиторов! Он, как дар,
В диком приступе жеманства
Принимал свой гонорар.

Так елозит по экрану
С реверансами, как спьяну,
Старый клоун в котелке
И, как трезвый, прячет рану
Под жилеткой из пике.

Оперенный рифмой парной,
Кончен подвиг календарный,—
Добрый путь тебе, прощай!
Здравствуй, праздник гонорарный,
Черный белый каравай!

Гнутым словом забавлялся,
Птичьим клювом улыбался,
Встречных с лету брал в зажим,
Одиночества боялся
И стихи читал чужим.

Так и надо жить поэту,
Я и сам сную по свету,
Одиночества боюсь,
В сотый раз за книгу эту
В одиночестве берусь.

Там в стихах пейзажей мало,
Только бестолочь вокзала
И театра кутерьма,
Только люди как попало,
Рынок, очередь, тюрьма.

Жизнь, должно быть, наболтала,
Наплела судьба сама.

ИЗ СТАРОЙ ТЕТРАДИ

Все наяву связалось — воздух самый
Вокруг тебя до самых звезд твоих,
И поясок, и каждый твой упрямый
Упругий шаг, и угловатый стих.

Ты — не отпущенная на поруки,
Вольна гореть и расточать вольна,
Подумай только: не было разлуки,
Смыкаются, как воды, времена.

На радость — руку, на печаль, на годы!
Смеженных крыл не размыкай опять:
Тебе подвластны гибельные воды,
Не надо снова их разъединять.

СТИРКА БЕЛЬЯ

Марина стирает белье.
В гордыне шипучую пену
Рабочие руки ее
Швыряют на голую стену.

Белье выжимает. Окно —
На улицу настезь, и платье
Развешивает.

                  Все равно,
Пусть видят и это распятье.

Гудит самолет за окном,
По тазу расходится пена,
Впервой надрывается днем
Воздушной тревоги сирена.

От серого платья в окне
Темнеют четыре аршина
До двери.

                  Как в речке на дне —
В зеленых потемках Марина.

Два месяца ровно со лба
Отбрасывать пряди упрямо,
А дальше хозяйка — судьба,
И переупрямит над Камой...

* * *

Друзья, правдолюбцы, хозяева
Продутых смертями времен,
Что вам прочитала Цветаева,
Придя со своих похорон?

Присыпаны глиною волосы,
И глины желтее рука,
И стало так тихо, что голоса
Не слышал я издалека.

Быть может, его назначение
Лишь в том, чтобы, встав на носки,
Без роздыха взять ударение
На горке нечетной строки.

Какие над Камой последние
Слова ей на память пришли
В ту горькую, все еще летнюю,
Горячую пору земли,

Солдат на войну провожающей
И вдовой, как родная мать,
Земли, у которой была еще
Повадка чужих не ласкать?

Всем клином, всей вашей державою
Вы там, за последней чертой —
Со всей вашей правдой неправою
И праведной неправотой.

* * *

Я слышу, я не сплю, зовешь меня, Марина,
Поешь, Марина, мне, крылом грозишь, Марина,
Как трубы ангелов над городом поют,
И только горечью своей неисцелимой
Наш хлеб отравленный возьмешь на Страшный суд,
Как брали прах родной у стен Иерусалима
Изгнанники, когда псалмы слагал Давид
И враг шатры свои раскинул на Сионе.
А у меня в ушах твой смертный зов стоит,
За черным облаком твое крыло горит
Огнем пророческим на диком небосклоне,

КАК ДВАДЦАТЬ ДВА ГОДА ТОМУ НАЗАД

И что ни человек, то смерть, и что ни
Былинка, то в огонь и под каблук,
Но мне и в этом скрежете и стоне
Другая смерть слышнее всех разлук.

Зачем — стрела — я не сторел на лоне
Пожарища? Зачем свой полукруг
Не завершил? Зачем я на ладони
Жизнь, как стрижа, держу? Где лучший друг,

Где божество мое, где ангел гнева
И праведности? Справа кровь и слева
Кровь. Но твоя, бескровная, стократ
Смертельной.

Я отброшен тетивою
Войны, и глаз твоих я не закрою.
И чем я виноват, чем виноват?

ЧЕРЕЗ ДВАДЦАТЬ ДВА ГОДА

Не речи,—

нет, я не хочу

Твоих сокровищ — клятв и плачей,—

Пера я не переучу

И горла не переиначу,—

Не смелостью пред смертью,— ты

Все замыслы довоплотила

В свои тетради до черты,

Где кончились твои чернила,—

Не первородству,—

я отдам

Свое, чтобы тебе по праву

На лишний день вручили там,

В земле,— твою земную славу,—

Не дерзости твоих страстей

И не тому, что все едино,

А только памяти твоей

Из гроба научи, Марина!

Как я боюсь тебя забыть

И променять в одно мгновенье

Прямую фосфорную нить

На удвоенье, утроенье

Рифм —

и в твоём стихотворенье

Тебя опять похоронить.

КОМИТАС

Ничего душа не хочет
И, не открывая глаз,
В небо смотрит и бормочет,
Как безумный Комитас.

Медленно идут светила
По спирали в вышине,
Будто их заговорила
Сила, спящая во мне.

Вся в крови моя рубаха,
Потому что и меня
Обдувает ветром страха
Стародавняя резня.

И опять Айя-Софии
Камень ходит предо мной,
И земля ступни босые
Обжигает мне золой.

Лазарь вышел из гробницы,
А ему и дела нет,
Что летит в его глазницы
Белый яблоневый цвет.

До утра в гортани воздух
Шелушится, как слюда,
И стоит в багровых звездах
Кривда Страшного суда.

СТЕПНАЯ ДУДКА

I

Жили, воевали, голодали,
Умирали врозь, по одному.
Я не живописец, мне детали
Ни к чему, я лучше соль возьму.

Из всего земного ширпотреба
Только дудку мне и принесли:
Мало взял я у земли для неба,
Больше взял у неба для земли.

Я из шапки вытряхнул светила,
Выпустил я птиц из рукава.
Обо мне земля давно забыла,
Хоть моим рифмовником жива.

II

На каждый звук есть эхо на земле.
У пастухов кипел кулеш в котле,
Почесывались овцы рядом с нами
И черными стучали башмачками.
Что деньги мне? Что мне почет и честь
В степи вечерней без конца и края?
С Овидием хочу я брынзу есть
И горевать на берегу Дуная,
Не различать далеких голосов,
Не ждать благословенных парусов.

III

Где вьюгу на латынь
Переводил Овидий,
Я пил степную синь
И суп варил из мидий.

И мне огнем беды
Дуду насквозь продуло,
И потому лады
Поют, как Мариула,

И потому семья
У нас не без уroda
И хороша моя
Дунайская свобода.

Где грел он в холода
Лепешку на ладони,
Там южная звезда
Стоит на небосклоне.

IV

Земля неплодородная, степная,
Горючая, но в ней для сердца есть
Кузнечика скрипица костяная
И кесарем униженная честь.

А где мое грядущее? Бог весть.
Изгнание чужое вспоминая,
С Овидием и я за дестью десть
Листал тетрадь на берегу Дуная.

За желть и жёлчь любил я этот край
И говорил: — Кузнечик мой, играй! —
И говорил: — Семь лет пути до Рима!

Теперь мне и до степи далеко.
Живи хоть ты, глоток сухого дыма,
Шалаш, кожух, овечьё молоко.

ПОЗДНЯЯ ЗРЕЛОСТЬ

Не для того ли мне поздняя зрелость,
Чтобы, за сердце схватившись, оплакать
Каждого слова сентябрьскую спелость,
Яблока тяжесть, шиповника мякоть,

Над лесосекой тянувшийся порох,
Сухость брусничной поляны, и ради
Правды — вернуться к стихам, от которых
Только помарки остались в тетради.

Все, что собрали, сложили в корзины,
И на мосту прогремела телега.
Дай мне еще наклониться с вершины,
Дай удержаться до первого снега.

ЯВЬ И РЕЧЬ

Как зрение — сетчатке, голос — горлу,
Число — рассудку, ранний трепет — сердцу,
Я клятву дал вернуть мое искусство
Его животворящему началу.

Я гнул его, как лук, я тетивой
Душил его — и клятвой пренебрег.

Не я словарь по слову составлял,
А он меня творил из красной глины;
Не я пять чувств, как пятерню Фома,
Вложил в зияющую рану мира,
А рана мира облегла меня,
И жизнь жива помимо нашей воли.

Зачем учил я посох прямизне,
Лук — кривизне и птицу — птичьей роще?
Две кисти рук, вы на одной струне,
О явь и речь, зрачки расширьте мне,
И причастите вашей царской мощи,

И дайте мне остаться в стороне
Свидетелем свободного полета
Воздвигнутого чудом корабля,
О, два крыла, две лопасти оплота,
Надежного, как воздух и земля!

II

НАДПИСЬ НА КНИГЕ

...Как волна на волну набегает,
Гонит волну пред собой, нагоняема сзади волною,
Так же бегут и часы...

*О в и д и й. Метаморфозы,
XV (перевод С. Шервинского)*

Ты ангел и дитя, ты первая страница,
Ты катишь колесо прибоя пред собой —
Волну вослед волне, и гонишь, как прибой,
За часом новый час — часы, как часовщица.

И все, что бодрствует, и все, что спит и снится,
Слетается на пир зелено-голубой.
А я клянусь тебе, что княжил над судьбой,
И хоть поэтому ты не могла не сбыться.

Я под твоей рукой, а под рукой моей
Земля семи цветов и синь семи морей,
И суток лучший час, и лучший месяц года,

И лучшая пора бессонниц и забот —
Спугнет тебя иль нет в час твоего прихода
Касатки головокружительный полет.

ПЕСНЯ

Давно мои ранние годы прошли
По самому краю,
По самому краю родимой земли,
По скошенной мяте, по синему раю,
И я этот рай навсегда потеряю.

Колышется ива на том берегу,
Как белые руки.
Пройти до конца по мосту не могу,
Но лучшего имени влажные звуки
На память я взял при последней разлуке.

Стоит у излуки
И моет в воде свои белые руки,
А я перед ней в неоплатном долгу.
Сказал бы я, кто на поемном лугу,
На том берегу,
За ивой стоит, как русалка над речкой,
И с пальца на палец бросает колечко.

ПЕРВЫЕ СВИДАНИЯ

Свиданий наших каждое мгновенье,
Мы праздновали, как богоявление,
Одни на целом свете. Ты была
Смелей и легче птичьего крыла,
По лестнице, как головокруженье,
Через ступень сбегала и вела
Сквозь влажную сирень в свои владенья
С той стороны зеркального стекла.

Когда настала ночь, была мне милость
Дарована, алтарные врата
Отворены, и в темноте светилась
И медленно клонилась нагота,
И, просыпаясь: «Будь благословенна!» —
Я говорил и знал, что дерзновенно
Мое благословенье: ты спала,
И тронуть веки синевою вселенной
К тебе сирень тянулась со стола,
И синевою тронутые веки
Спокойны были, и рука тепла.

А в хрустале пульсировали реки,
Дымилась горы, брезжили моря,
И ты держала сферу на ладони
Хрустальную, и ты спала на троне,
И — боже правый! — ты была моя.
Ты пробудилась и преобразила
Вседневный человеческий словарь,
И речь по горло полновзвучной силой
Наполнилась, и слово *ты* раскрыло
Свой новый смысл и означало: *царь*.

На свете все преобразилось, даже
Простые вещи — таз, кувшин, — когда
Стояла между нами, как на страже,
Слоистая и твердая вода.

Нас повело неведомо куда.
Пред нами расступались, как миражи,
Построенные чудом города,
Сама ложилась мята нам под ноги,
И птицам с нами было по дороге,
И рыбы подымались по реке,
И небо развернулось пред глазами...

Когда судьба по следу шла за нами,
Как сумасшедший с бритвою в руке.

ПОД ПРЯМЫМ УГЛОМ

Мы — только под прямым углом,
Наперекор один другому,
Как будто не привыкли к дому
И в разных плоскостях живем,

Друг друга потеряли в давке
И порознь вышли с двух сторон
И бережно несем, как сон,
Оконное стекло из лавки.

Мы отражаем всё и вся
И понимаем с полуслова,
Но только не один другого,
Жизнь, как стекло, в руках неся.

Пока мы время тратим, споря
На двух враждебных языках,
По стенам катятся впотьмах
Колеса радуг в коридоре.

ТЕМНЕЕТ

Какое счастье у меня украли!
Когда бы ты пришла в тот страшный год,
В орлянку бы тебя не проиграли,
Души бы не пустили в оборот.

Мне девочка с венгерскою шарманкой
Поет с надсадной хрипотой о том,
Как вывернуло время вверх изнанкой
Твою судьбу под проливным дождем,

И старческой рукою моет стекла
Сентябрьский ветер, и уходит прочь,
И челка у шарманщицы намокла,
И вот уже у нас в предместье — ночь.

ЭВРИДИКА

У человека тело
Одно, как одиночка.
Душе осточертела
Сплошная оболочка
С ушами и глазами
Величиной в пятак
И кожей — шрам на шраме,
Надетой на костяк.

Летит сквозь роговицу
В небесную криницу,
На ледяную спицу,
На птичью колесницу
И слышит сквозь решетку
Живой тюрьмы своей
Лесов и нив трещотку,
Трубу семи морей.

Душе грешно без тела,
Как телу без сорочки, —
Ни помысла, ни дела,
Ни замысла, ни строчки.
Загадка без разгадки:
Кто возвратится вспять,
Сплясав на той площадке,
Где некому плясать?

И снится мне другая
Душа, в другой одежде:
Горит, перебегая

От робости к надежде,
Огнем, как спирт, без тени
Уходит по земле,
На память гроздь сирени
Оставив на столе.

Дитя, беги, не сетуй
Над Эвридикой бедной
И палочкой по свету
Гони свой обруч медный,
Пока хоть в четверть слуха
В ответ на каждый шаг
И весело и сухо
Земля шумит в ушах.

НОЧЬ ПОД ПЕРВОЕ ИЮНЯ

Пока еще последние колена
Последних соловьев не отгремели
И смутно брезжит у твоей постели
Боярышника розовая пена,

Пока ложится железнодорожный
Мост, как самоубийца, под колеса
И жизнь моя над черной рябью плеса
Летит стремглав дорогой непроложной,

Спи, как на сцене, на своей поляне,
Спи,— эта ночь твоей любви короче,—
Спи в сказке для детей, в ячейке ночи,
Без имени в лесу воспоминаний.

Так вот когда я стал самим собою,
И что ни день — мне новый день дороже,
Но что ни ночь — пристрастнее и строже
Мой суд нетерпеливый над судьбою...

III

ВЕСЕННЯЯ ПИКОВАЯ ДАМА

Зимний Германн поставил
Жизнь на карту свою,—
Мы играем без правил,
Как в неравном бою.

Тридцать первого марта
Карты сами сдаем.
Снега черная карта
Бита красным тузом.

Германн дернул за ворот
И крючки оборвал,
И свалился на город
Воробьиный обвал,

И ножи конькобежец
Зашвырнул под кровать,
Начал лед-громовержец
На реке баловать.

Охмелев от азарта,
Мечет масти квартал,
А игральные карты
Сроду в руки не брал.

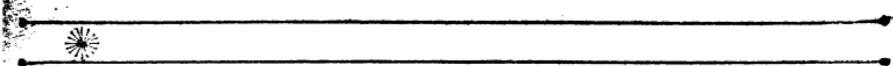

ФОНАРИ

Мне запомнится таянье снега
Этой горькой и ранней весной,
Пьяный ветер, хлеставший с разбега
По лицу ледяною крупой,
Беспокойная близость природы,
Разорвавшей свой белый покров,
И косматые шумные воды
Под железом угрюмых мостов.

Что вы значили, что предвещали,
Фонари под холодным дождем,
И на город какие печали
Вы послали в безумье своем,
И какую тревогою ранен,
И обидой какой уязвлен
Из-за ваших огней горожанин,
И о чем сокрушается он?

А быть может, он вместе со мною
Исполняется той же тоски
И следит за свинцовой волною,
Под мостом обходящей быки?
И его, как меня, обманули
Вам подвластные тайные сны,
Чтобы легче нам было в июле
Отказаться от черной весны.

ШИПОВНИК

Т. О.-Т.

Я завещаю вам шиповник,
Весь полный света, как фонарь,
Июньских бабочек письмовник,
Задворков праздничный словарь.

Едва калитку отворяли,
В его корзине сам собой,
Как струны в запертом рояле,
Гудел и звякал разнобой.

Там, по ступеням светотени,
Прямыми крыльями стуча,
Сновала радуга видений
И вдоль и поперек луча.

Был очевиден и понятен
Пространства замкнутого шар —
Сплетенье линий, лепет пятен,
Мельканье брачующихся пар.

ДАГЕСТАН

Я лежал на вершине горы,
Я был окружен землей.
Заколдованный край внизу
Все цвета потерял, кроме двух:
Светло-синий,
Светло-коричневый там, где по
                                синему камню писало перо Азраила.
Вкруг меня лежал Дагестан.

Разве гадал я тогда,
Что в последний раз
Читаю арабские буквы на камнях
                                горделивой земли?
Как я посмел променять на чет и
                                нечет любви
Разреженный воздух горы?

Чтобы здесь
В ложке плавить на желтом огне
Дагестанское серебро?
Петь:
«Там я жил над ручьем,
Мыл в ледяной воде
Простую одежду мою»?

ИЗ ОКНА

Наверчены звездные линии
На северном полюсе мира,
И прямоугольная, синяя
В окно мне вдвинута лира.

А ниже — бульвары и здания
В кристальном скрипичном напеве, —
Как будущее, как сказание,
Как Будда у матери в чреве.

* * *

Мне опостытели слова, слова, слова,
Я больше не могу превозносить права
На речь разумную, когда всю ночь о крышу
В отрешьях, как вдова, колотится листва.
Оказывается, я просто плохо слышу
И неразборчива ночная речь вдовства.
Меж нами есть родство. Меж нами нет родства.
И если я твержу деревьям сумасшедшим,
Что у меня в росе по локоть рукава,
То, кроме стога, им уже ответить нечем.

ТЕЛЕЦ, ОРИОН, БОЛЬШОЙ ПЕС

Могучая архитектура ночи!
Рабочий ангел купол повернул,
Вращающийся на древесных кронах,
И обозначились между стволами
Проемы черные, как в старой церкви,
Забывтой богом и людьми.

Но там

Взошли мои алмазные Плеяды.
Семь струн привязывает к ним Сапфо
И говорит:

«Взошли мои Плеяды,
А я одна в постели, я одна.
Одна в постели!»

Ниже и левей

В горячем персиковом блеске встали,
Как жертва у престола, золотые
Рога Тельца

и глаз его, горящий

Среди Гиад,

как Ветхого завета

Еще одна скрижаль.

Проходит время,

Но — что мне время?

Я терпелив,

я подождать могу,

Пока взойдет за жертвенным Тельцом
Немыслимое чудо Ориона,
Как бабочка безумная, с купелью

В своих скрипучих проволочных
лапках,
Где были крещены Земля и Солнце.

Я подожду,
пока в лучах стеклянных
Сам Сириус—
с египетской, загробной,
собачьей головой—

Взойдет.

Мне раз еще увидеть суждено
Сверкающее это полотенце,
Божественную перемышку счастья,
И что бы люди там ни говорили —
Я доживу, переберу позвездно,
Пересчитаю их по каталогу,
Перечитаю их по книге ночи.

СНЕЖНАЯ НОЧЬ В ВЕНЕ

Ты безумна, Изора, безумна и зла,
Ты кому подарила свой перстень с отравой
И за дверью трактирной тихонько ждала:
Моцарт, пей, не тужи, смерть в союзе со славой.

Ах, Изора, глаза у тебя хороши
И черней твоей черной и горькой души.
Смерть позорна, как страсть. Подожди, уже скоро,
Ничего, он сейчас задохнется, Изора.

Так лети же, снегов не касаясь стопой:
Есть кому еще уши залить глухотой
И глаза слепотой, есть еще голодуха,
Госпитальный фонарь и сиделка-старуха.

ЗИМОЙ

Куда ведет меня подруга —
Моя судьба, моя судьба?
Бредем, теряя кромку круга
И спотыкаясь о гроба.

Не видно месяца над нами,
В сугробах вязнут костыли,
И души белыми глазами
Глядят вослед поверх земли.

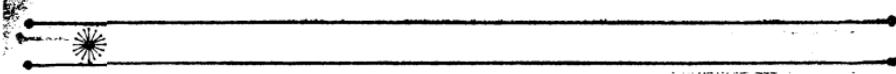
Ты помнишь ли, скажи, старуха,
Как проходили мы с тобой
Под этой каменной стеной
Зимой студеной, в час ночной,
Давным-давно, и так же глухо,
Вполголоса и в четверть слуха,
Гудело эхо за спиной?

СИНИЦЫ

В снегу, под небом синим,
а меж ветвей — зеленым,
Стояли мы и ждали
подарка на дорожке.
Синицы полетели
с неизъяснимым звоном,
Как в греческой кофейне
серебряные ложки.

Могло бы показаться,
что там невесть откуда
Идет морская синька
на белый камень мола,
И вдруг из рук служанки
под стол летит посуда,
И ложки подбирает,
бранясь, хозяин с пола.

КОНЕЦ НАВИГАЦИИ

В затонах остывают парходы,
Чернильные загустевают воды,
Свинцовая темнеет белизна,
И если впрямь земля болеет нами,
То стала выздоравливать она —
Такие звезды блещут над снегами,
Такая наступила тишина,
И вот уже из ледяного плена
Едва звучит последняя сирена.

НОВОГОДНЯЯ НОЧЬ

Я не буду спать
Ночью новогодней,
Новую тетрадь
Я начну сегодня.

Ради смысла дат
И преображенья
С головы до пят
В плоть стихотворенья —

Год переберу,
Месяцы по строчке
Передам перу
До последней точки.

Где оно — во мне
Или за дверями,
В яви или сне
За семью морями,

В пляске по снегам
Белой круговерти,—
Я не знаю сам,
В чем мое бессмертье,

Но из декабря
Брошусь к вам, живущим
Вне календаря,
Наравне с грядущим.

О, когда бы рук
Мне достало на год
Кончить новый круг!
Строчки сами лягут...

IV

МАЛИНОВКА

Душа и не глядит
на рифму конопляную,
Сидит, не чистит перышек,
не продувает горла:
Бывало, мол, и я
певала над поляною,
Сегодня, мол, не в голосе,
в зобу дыханье сперло.

Пускай душа чуть-чуть
распустится и сдвинется,
Хоть на пятнадцать градусов,
и этого довольно,
Чтобы всю пошла
свистать, как именинница,
И стало ей, малиновке,
и весело и больно.

Словарь у нас простой,
созвучья — из пословицы.
Попробуйте подставьте ей
сиреневую ветку,
Она с любым из вас
пошутит и условится
И с собственной тетрадкой
пойдет послушно в клетку.

ЖИЗНЬ, ЖИЗНЬ

1

Предчувствиям не верю и примет
Я не боюсь. Ни клеветы, ни яда
Я не бегу. На свете смерти нет.
Бессмертны все. Бессмертно всё. Не надо
Бояться смерти ни в семнадцать лет,
Ни в семьдесят. Есть только явь и свет,
Ни тьмы, ни смерти нет на этом свете.
Мы все уже на берегу морском,
И я из тех, кто выбирает сети,
Когда идет бессмертье косяком.

2

Живите в доме — и не рухнет дом.
Я вызову любое из столетий,
Войду в него и дом построю в нем.
Вот почему со мною ваши дети
И жены ваши за одним столом, —
А стол один и прадеду и внуку:
Грядущее свершается сейчас,
И если я приподымаю руку,
Все пять лучей останутся у вас.
Я каждый день минувшего, как крепью,
Ключицами своими подпирал,
Измерил время землемерной цепью
И сквозь него прошел, как сквозь Урал.

Я век себе по росту подбирал.
Мы шли на юг, держали пыль над степью;
Бурьян чадил; кузнечик баловал,
Подковы трогал усом, и пророчил,
И гибелью грозил мне, как монах.
Судьбу свою к седлу я приторочил;
Я и сейчас, в грядущих временах,
Как мальчик, привстаю на стремянах.

Мне моего бессмертия довольно,
Чтоб кровь моя из века в век текла.
За верный угол ровного тепла
Я жизнью заплатил бы своевольно,
Когда б ее летучая игла
Меня, как нить, по свету не вела.

СНЫ

Садится ночь на подоконник,
Очки волшебные надев,
И длинный вавилонский сонник,
Как жрец, читает нараспев.

Уходят вверх ее ступени,
Но нет перил над пустотой,
Где судят тени, как на сцене,
Иноязычный разум твой.

Ни смысла, ни числа, ни меры.
А судьи кто? И в чем твой грех?
Мы вышли из одной пещеры,
И клинопись одна на всех.

Явь от потопа до Эвклида
Мы досмотреть обречены.
Отдай — что взял; что видел — выдай!
Тебя зовут твои сыны.

И ты на чьем-нибудь пороге
Найдешь когда-нибудь приют,
Пока быки бредут, как боги,
Боками трутся на дороге
И жвачку времени жуют.

ПЕТРОВСКИЕ КАЗНИ

Передо мною плаха
На площади встает,
Червонная рубаха
Забиться не дает.

По лугу волю славить
С косой идет косарь.
Идет Москву кровавить
Московский государь.

Стрельцы, гасите свечи!
Вам, косарям, вора́м,
Ломать крутые плечи
Идет последний срам.

У, буркалы Петровы,
Навыкате белки!
Холстинные обновы.
Сынки мои, сынки!

Но скорее они — кредиторы
И пришли навсегда, навсегда,
И счета принесли.

Невозможно
Воду в ступе, не спавши, толочь,
Невозможно заснуть, — так тревожна
Для покоя нам данная ночь.

НОЧНАЯ РАБОТА

Свет зажгу, на чернильные пятна
Погляжу и присяду к столу,—
Пусть поет, как сверчок непонятно,
Электрический счетчик в углу.

Пусть голодные мыши скребутся,
Словно шастать им некогда днем,
И часы надо мною смеются
На дотошном наречье своем,—

Я возьмусь за работу ночную,
И пускай их до белого дня
Обнимаются напропалую,
Пьют вино, кто моложе меня.

Что мне в том? Непочатая глыба,
На два века труда предо мной.
Может, кто-нибудь скажет спасибо
За постылый мой подвиг ночной.

ОЛИВЫ

Марине Т.

Дорога ведет под обрыв,
Где стала трава на колени
И призраки диких олив,
На камни рога положив,
Застыли, как стадо оленей.
Мне странно, что я еще жив
Средь стольких могил и видений,

Я сторож вечерних часов
И серой листвы надо мною,
Осеннее небо мой кров.
Не помню я собственных снов
И слез твоих поздних не стою.
Давно у меня за спиною
В камнях затерялся твой зов.

А где-то судьба моя прячет
Ключи у степного костра,
И спутник ее до утра
В багровой рубахе маячит.
Ключи она прячет и плачет
О том, что ей песня сестра
И в путь собираться пора.

Седые оливы, рога мне
Кладите на плечи теперь,
Кладите рога, как на камни:
Святой колыбелью была мне
Земля похорон и потерь.

КНИГА ТРАВЫ

О нет, я не город с кремлем над рекой,
Я разве что герб городской.

Не герб городской, а звезда над щитком
На этом гербе городском.

Не гостя небесная в черни воды,
Я разве что имя звезды.

Не голос, не платье на том берегу,
Я только светиться могу.

Не луч световой у тебя за спиной,
Я — дом, разоренный войной.

Не дом на высоком валу крепостном,
Я — память о доме твоём.

Не друг твой, судьбою ниспосланный друг,
Я — выстрела дальнего звук.

В приморскую степь я тебя уведу,
На влажную землю паду,

И стану я книгой младенческих трав,
К родимому лону припав.

ДОРОГА

Н. Л. Степанову

Я врѣзался в возраст учета
Не сдавшихся возрасту прав,
Как в город из-за поворота
Железнодорожный состав.

Еще я в дымящихся звездах
И чертополохе степей,
И жаркой воронкою воздух
Стекает по коже моей.

Когда отдышаться сначала
Не даст мне мое божество,
Я так отойду от вокзала
Уже без себя самого —

Пойду под уклон за подмогой,
Прямую сгибая в дугу,—
И кто я пред этой дорогой?
И чем похвалиться могу?

МЩЕНИЕ АХИЛЛА

Фиолетовой от зноя,
Остывающей рукой
Рану смертную потрогал
Умирающий Патрокл,

И последнее, что слышал,—
Запредельный вой тетив,
И последнее, что видел,—
Пальцы склеивает кровь.

Мертв лежит он в чистом поле,
И Ахилл не пьет, не ест,
И пока ломает руки,
Щит кует ему Гефест.

Равнодушно пьют герои
Хмель времен и хмель могил,
Мчит вокруг горящей Трои
Тело Гектора Ахилл.

Пожалел Ахилл Приама,
И несет старик Приам
Мимо дома, мимо храма
Жертву мстительным богам.

Не Ахилл разрушит Трою,
И его лучистый щит
Справедливою рукою
Новый мститель сокрушит.

И еще на город ляжет
Семь пластов сухой земли,
И стоит Ахилл по плечи
В щебне, прахе и золе.

Так не дай пролить мне крови,
Чистой, грешной, дорогой,
Чтобы клейкой красной глины
В смертный час не мять рукой.

ГРАММОФОННАЯ ПЛАСТИНКА

I

Июнь, июль, пройди по рынку,
Найди в палатке бой и лом
И граммофонную пластинку
Прогрей пожарче за стеклом,

В трубу немую и кривую
Пластмассу черную сверни,
Расплавь дорожку звуковую
И время дай остыть в тени.

Поостеречься бы, да поздно:
Я тоже под иглой пою
И все подряд раздам позвездно,
Что в кожу врезано мою.

II

Я не пойду на первое свиданье,
Ни в чем не стану подражать Монтану,
Не зарыдаю гулко, как Шаляпин.
Сказать — скажу: я полужил и полу — казалось — жил,
и сам себя прошляпин.

Уймите, ради бога, радиолу!

V

СКАЗКИ И РАССКАЗЫ

КУЗНЕЧИКИ

I

Тикают ходики, ветер горячий
В полдень снует челноком по Москве,
Люди бегут к поездам, а на даче
Пляшут кузнечики в желтой траве.

Кто не видал, как сухую солому
Пилит кузнечик стальным терпугом?
С каждой минутой по новому дому
Спичечный город растет за бугром.

Если бы мог я прийти на субботник,
С ними бы стал городить городок,
Я бы им строил, бетонщик и плотник,
Каменщик, я бы им камень толк.

Я бы точил топоры — я точильщик,
Я бы ковать им помог — я кузнец,
Кровельщик я, и стекольщик, и пыльщик.
Я бы им песню пропел, наконец.

Кузнечик на лугу стрекочет
В своей защитной плащ-палатке,
Не то кует, не то пророчит,
Не то свой луг разрезать хочет
На трехвершковые площадки,
Не то он лугового бога
На языке зеленом просит:
— Дай мне пожить еще немного,
Пока травы коса не косит!

ДВЕ ЛУННЫЕ СКАЗКИ

I. ЛУНА В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ

В последней четверти луна
Не понапрасну мне видна.
И желтовата и красна
В последней четверти луна,
И беспокойна и смутна:
Земле принадлежит она.

Смотрю в окно и узнаю
В луне земную жизнь мою,
И в смутном свете узнаю
Слова, что на земле пою,
И как на черепке стою,
На срезанном ее краю.

А что мне видно из окна?
За крыши прячется луна,
И потому, как дым, смутна,
Что на ущерб идет она,
И потому, что так темна,
Влюбленным нравится луна.

II. ЛУНА И КОТЫ

Прорвав насквозь лимонно-серый
Опасный конус высоты,
На лунных крышах, как химеры,
Вопят гундосые коты.

Из желобов ночное эхо
Выталкивает на асфальт
Их мефистофельского смеха
Коленчатый и хриплый альт.

И в это дикое искусство
Влагает житель городской
Свои предчувствия и чувства
С оттенком зависти мужской.

Он верит, что в природе ночи
И тьмы лоскут, и сна глоток,
Что ночь — его чернорабочий.

А сам глядит на лунный рог,
Где сходятся, как в средоточье,
Котов египетские очи,
И пьет бессонницы белок.

ТЕЛЕФОНЫ

Номера — имена телефонов
Постигаются сразу, когда
Каждой вести пугаешься, тронув
Змеевидные их провода.

Десять букв алфавита без смысла,
Десять цифр из реестра судьбы
Сочетаются в странные числа
И года громоздят на горбы.

Их щемящему ритму покорный,
Начинаешь цвета различать,
Может статья, зеленый и черный —
В-1-27-45.

И по номеру можно дознаться,
Кто стоит на другой стороне,
Если взять телефонные святцы
И разгадку найти, как во сне,

И особенно позднюю ночью
В час, когда по ошибке звонят,
Можно челюсть увидеть воочью,
Подбирая число наугад.

СЕРЕБРЯНЫЕ РУКИ

Девочка Серебряные Руки
Заблудилась под вечер в лесу.
В ста шагах разбойники от скужи
Свистом держат птицу на весу.

Кони спотыкаются лихие,
Как бутылки, хлопает стрельба,
Птичьи гнезда и сучки сухие
Обирает поверху судьба.

— Ой, березы вы мои, березы,
Вы мои пречистые ручьи,
Расступитесь и омойте слезы,
Расpletите косыньки мои,

Приоденьте корнем и корою,
Положите на свою кровать,
Помешайте злобе и разбою
Руки мои белые отнять!

ДРИАДА

Я говорю:

Чем стала ты, сестра моя дриада,
В гостеприимном городском раю?
Кто отнял дикую вольность твою?
Где же твои крыла, пленница сада?

Дриада говорит:

Ножницы в рощу принесла досада,
И зависть выдала, в каком краю
Скрывалась я. Ты видишь — я стою,
Лира немая, музыке не рада.

Не называй меня сестрой своей,
Не выйду я из выгнутых ветвей,
Не перейду в твое хромое тело,

Не обопрусь на твои костыли.
Ты не глотнешь от моего удела —
Жить памятью о праздниках земли.

ДВЕ ЯПОНСКИЕ СКАЗКИ

I. БЕДНЫЙ РЫБАК

Я рыбак, а сети
В море унесло.
Мне теперь на свете
Пусто и светло.

И моя отрада
В том, что от людей
Ничего не надо
Нищете моей.

Мимо всей вселенной,
Я пойду, смиренный,
Тихий и босой,
За благословенной
Утренней звездой.

II. ФЛЕЙТА

Мне послышался чей-то
Затихающий зов,
Бесприютная флейта
Из-за гор и лесов.

Наклоняется ива
Над студеным ручьем,
И ручей торопливо
Говорит ни о чем.

Осторожный и звонкий,
Будто веретено,
То всплывает в воронке,
То уходит на дно.

ИМЕНА

А ну-ка, Македонца или Пушкина
Попробуйте назвать не Александром,
А как-нибудь иначе!

Не пытайтесь.

Еще Петру Великому придумайте
Другое имя!

Ничего не выйдет.

Встречался вам когда-нибудь юродивый,
Которого не называли Гришей?
Нет, не встречался, если не соврать.

И можно кожу заживо сорвать,
Но имя к нам так крепко припечатано,
Что силы нет переименовать,
Хоть каждое затерто и захватано.
У нас не зря про имя говорят:
Оно —
Ни дать ни взять родимое пятно.

Недавно изобретена машинка:
Приставят к человеку и глядишь —
Ушная мочка, малая морщинка,
Ухмылка, крылышко ноздри, горбинка, —
Пищит, как бы комарик или мышь:

— Иван!

— Семен!

— Василий!

— Худо, братцы,

Чужая кожа пристаёт к носам.

Есть многое на свете, друг Горацио,
Что и не снилось нашим мудрецам.

РУМПЕЛЬШТИЛЬЦХЕН

Румпельштильцхен из сказки немецкой
Говорил:

— Всех сокровищ на свете
Мне живое милей!
Мне живое милей!
Ждут подземные няньки,
А в детской —
Во какие кроты
Неземной красоты,
Но всегда не хватает детей!

Обманула его королева
И не выдала сына ему,
И тогда Румпельштильцхен от гнева
Прыгнул,

за ногу взялся,
Дернул
и разорвался
В отношении: два к одному,

И над карликом дети смеются,
И не жалко его никому,
Так смеются, что плечи трясутся,
Над его сумасшедшей тоской
И над тем, что на две половинки —
Каждой по рукаву и штанинке —
Сам свое подземельное тельце
Разорвал он своею рукой.

Непрактичный и злобный какой!

РУСАЛКА

Западный ветер погнал облака.
Забеспокоилась Клязьма-река.

С первого августа дочке неможется,
Вон как скукожилась черная кожица.

Слушать не хочет ершей да плотвиц,
Губ не синит и не красит ресниц.

— Мама-река моя, я не упрямая,
Что ж это с гребнем не сладит рука моя?

Глянула в зеркало — я уж не та,
Канула в омут моя красота.

Замуж не вышла, детей не качала я,
Так почему ж я такая усталая?

Клонит ко сну меня, тянет ко дну,
Вот я прилягу, вот я усну.

— Свет мой, икринка, лягушечья спинушка,
Спи до весны, не кручинься, Иринушка!

АКТЕР

Всё кончается, как по звонку,
На убогой театральной сцене
Дранкой вверх несут мою тоску —
Душные лиловые сирени.

Я стою хмелён и одинок,
Будто нищий над своею шапкой,
А моя любимая со щек
Маков цвет стирает сальной тряпкой.

Я искусство ваше презирал.
С чем еще мне жизнь сравнить, скажите,
Если кто-то роль мою сыграл
На вертушке роковых событий?

Где же ты, счастливый мой двойник?
Ты, видать, увел меня с собою,
Потому что здесь чужой старик
Ссорится у зеркала с судьбою.

ЛАЗУРНЫЙ ЛУЧ

Тогда я запер на замок двери
своего дома и ушел вместе с дру-
гими.

Г. Уэллс

Сам не знаю, что со мною:
И последыш и пророк,
Что ни сбудется с землею
Вижу вдоль и поперек.

Кто у мачехи-Европы
Молока не воровал?
Мотоциклы, как циклопы,
Заглотали перевал,

Шелестящие машины
Держат путь на океан,
И горячий дух резины
Дышит в пеших горожан.

Слесаря, портные, прачки
По шоссе, как муравьи,
Катят каторжные тачки,
Волокут узлы свои.

Потеряла мать ребенка,
Воздух ловит рыбьим ртом,
А из рук торчит пеленка
И бутылка с молоком.

Паралитик на коляске
Боком валится в кювет,

Бельма вылезли из маски,
Никому и дела нет.

Спотыкается священник
И бормочет:
— Умер бог,—
Голубки бумажных денег
Вылетают из-под ног.

К пристаням нельзя пробиться,
И Европа пред собой
Смотрит, как самоубийца,
Не мигая, на прибой.

В океане по колена,
Белый и большой, как бык,
У причала роет пену,
Накреньясь, «трансатлантик».

А еще одно мгновенье —
И от Страшного суда,
Как надежда на спасенье
Он отвалит навсегда.

По сто раз на дню, как брата,
Распинали вы меня,
Нет вам к прошлому возврата,
Вам подземка не броня.

— Ууу-ла! Ууу-ла! —
марсиане

Воют на краю Земли,
И лазурный луч в тумане
Их треможники зажгли.

ПАУЛЬ КЛЕЕ

Жил да был художник Пауль Клее
Где-то за горами, над лугами.
Он сидел себе один в аллее
С разноцветными карандашами,

Рисовал квадраты и крючочки,
Африку, ребенка на перроне,
Дьяволенка в голубой сорочке,
Звезды и зверей на небосклоне.

Не хотел он, чтоб его рисунки
Были честным паспортом природы,
Где послушно строятся по струнке
Люди, кони, города и воды.

Он хотел, чтоб линии и пятна,
Как кузнечики в июльском звоне,
Говорили слитно и понятно.
И однажды утром на картоне

Проступили крылышко и темя:
Ангел смерти стал обозначаться.
Понял Клее, что настало время
С Музой и знакомыми прощаться.

Попрощался и скончался Клее.
Ничего не может быть печальней!
Если б Клее был немного злее,
Ангел смерти был бы натуральней.

И тогда с художником все вместе
Мы бы тоже сгинули со света,
Порастряс бы ангел наши кости!
Но скажите мне: на что нам это?

На погосте хуже, чем в музее,
Где порой вы бродите, живые,
И висят рядком картины Клее —
Голубые, желтые, блажные...

ЧЕТВЕРТАЯ ПАЛАТА

Девочке в сером халате,
Аньке из детского дома,
В женской четвертой палате
Каждая малость знакома —

Кружка и запах лекарства,
Няньки дежурной указки
И тридевятое царство —
Пятна и трещины в краске.

Будто спилица из клетки,
Глянет из-под одеяла:
Не просыпались соседки,
Утро еще не настало?

Востренький нос, восковые
Пальцы, льняная косица.
Мимо проходят живые.
— Что тебе, Анька?

— Не спится.

Ангел больничный за шторой
Светит одеждой туманной.
— Я за больной.

— За которой?

— Я за детдомовской Анной.

КУЗНЕЦ

Клянусь, мне столько лет, что наковальня
И та не послужила бы так долго,
Куда уж там кувалде и мехам.
Сам на себе я самого себя
Самим собой ковал — и горн гашу,
А все-таки работой недоволен:
Тут на железе трещина, тут выгиб
Не тот, тут — раковина, где должна бы
Свистеть волшебной флейтой горловина.

Не мастера ты выковал, кузнец,
Кузнечика ты смастерил, а это
И друг неверный, и плохой близнец,
Ни хлеба от такого, ни совета.

Что ж, топочи, железная нога!
Железная не там открылась книга.
Живи, браток, железным усом двигай!
А мне наугро — новая туга...

НОВОСЕЛЬЕ

Исполнены диллювиальной веры,
В извечный быт у счастья под крылом,
Они переезжали из пещеры
В свой новый дом.

Не странно ли? В квартире так недавно
Царили кисть, линейка и алмаз,
И с чистотою, нимфой богоравной,
Бог пустоты здесь прятался от нас.

Но четверо нечленов профсоюза —
Атлант, Сизиф, Геракл и Одиссей —
Контейнеры, трещавшие от груза,
Внесли, бахвалясь алчностью своей.

По-жречески приплясывая рьяно,
С молитвенным заклятием «наддай!»
Втащили Попокатепетль дивана,
Малиновый, как первозданный рай,

И, показав, на что они способны,
Без помощи своих железных рук
Вскочили на буфет пятиутробный
И Афродиту подняли на крюк.

Как нежный сгусток розового сала,
Она плыла по морю одеял
Туда, где люстра, как фазан, сияла
И свет зари за шторой умирал.

Четыре мужа, Анадиомене
Воздав смущенно страстные хвалы,

Ушли.

Хозяйка, преклонив колени,
Взялась за чемоданы и узлы.

Хозяин расставлял фарфор.

Не всякий

Один сюжет ему придать бы мог:

Здесь были:

свиньи,
чашки
и собаки,
Наполеон
и Китеж-городок.

Он отыскал собранье сочинений

Молоховец —

и в кабинет унес,

И каждый том, который создал гений,

Подставил, как Борей, под пылесос.

Потом, на час покинув нашу эру

И новый дом со всем своим добром,

Вскочил в такси

и покатил в пещеру,

Где ползал в детстве перед очагом.

Там Пень стоял — дубовый, в три обхвата,

Хранитель рода и Податель сил.

О, как любил он этот Пень когда-то!

И как берег! И как боготворил!

И Пень теперь в гостиной, в сердцевине

Диковинного капища вещей

Гордится перед греческой богиней

Неоспоримой древностью своей.

Когда на праздник новоселья гости

Сошлись и дом поставили вверх дном,

Как древле — прадед,

мамонтовы кости

На нем

рубил

хозяин

топором!

* * *

И я ниоткуда
Пришел расколоть
Единое чудо
На душу и плоть,

Державу природы
Я должен рассечь
На песню и воды,
На сушу и речь

И, хлеба земного
Отведав, прийти
В свечении слова
К началу пути.

Я сын твой, отрада
Твоя, Авраам,
И жертвы не надо
Моим временам,

А сколько мне в чаше
Обид и труда...
И после сладчайшей
Из чаш —
                  никуда?

* * *

Когда вступают в спор природа и словарь
И слово силится отвлечься от явлений,
Как слепок от лица, как цвет от светотени,—
Я нищий или царь? Коса или косарь?

Но миру своему я не дарил имен:
Адам косил камыш, а я плету корзину.
Коса, косарь и царь, я нищ наполовину,
От самого себя еще не отделен.

* * *

Я по каменной книге учу вневременный язык,
Меж двумя жерновами плыву, как зерно в камневерти,
И уже я по горло в двухмерную плоскость проник,
Мне хребет размолото на мельнице жизни и смерти.

Что мне делать, о посох Исаян, с твоей прямизной?
Тоньше волоса пленка без времени, верха и низа.
А в пустыне народ на камнях собирался, и в зной
Кожу мне холодила рогожная царская риза.

ЗИМА В ДЕТСТВЕ

I

В желтой траве отплясали кузнечики,
Мальчику на зиму кутают плечики,
Рамы вставляют, летает снежок,
Дунула вьюга в почтовый рожок.
А за воротами шаркают пыльщики,
И ножи-ножницы точат точильщики,
Сани скрипят, и снуют бубенцы,
И по железу стучат кузнецы.

II

МЕРЕЩИТСЯ ВЕЯЛКА

А в доме у Тарковских
Полным-полно приезжих,
Гремят посудой, спорят,
Не разбирают елки,

И сыплются иголки
В зеркальные скорлупки,
Пол серебром посолен,
А самый младший болен.

На лбу компресс, на горле
Компресс. Идут со свечкой.
Малиной напоили?
Малиной напоили.

В углу зажгли лампадку,
И веялку приносят,
И ставят на площадку,
И крутят рукоятку,

И сыплются обрезки —
Жестянки и железки.
Вставай, пойдем по краю,
Я все тебе прощаю.

То под гору, то в гору
Пойдем в другую пору
По зимнему простору,
Малиновому снегу.

* * *

Тогда еще не воевали с Германией,
Тринадцатый год был еще в середине,
Неведеньем в доме болели, как манией,
Как жаждой три пальмы в песчаной пустыне.

У матери пахло спиртовкой, фиалкою,
Лиловой накидкой в шкафу, на распялке;
Все детство мое, по-блаженному жалкое,
В горящей спиртовке и пармской фиалке.

Зато у отца, как в Сибири у ссыльного,
Был плед Гарибальди и Герцен под локтем.
Ванилью тянуло от города пыльного,
От пригорода — конским потом и дегтем.

Казалось, что этого дома хозяева
Навечно в своей довоенной Европе,
Что не было, нет и не будет Сараева,
И где они, эти мазурские топи?..

* * *

Позднее наследство,
Призрак, звук пустой,
Ложный слепок детства,
Бедный город мой.

Тяготит мне плечи
Время стольких лет.
Смысла в этой встрече
На поверку нет.

Здесь теперь другое
Небо за окном —
Дымно-голубое,
С белым голубком.

Резко, слишком резко,
Издали видна,
Рдеет занавеска
В прорези окна,

И, не узнавая,
Смотрит мне вослед
Маска восковая
Стародавних лет.

* * *

Я в детстве заболел
От голода и страха. Корку с губ
Сдеру — и губы облизну; запомнил
Прохладный и солоноватый вкус.
А все иду, а все иду, иду,
Сажу па лестнице в парадном, греюсь,
Иду себе в бреду, как под дуду
За крысоловом в реку, сяду — греюсь
На лестнице; и так знобит и эдак.
А мать стоит, рукою манит, будто
Невдалеке, а подойти нельзя:
Чуть подойду — стоит в семи шагах,
Рукою манит; подойду — стоит
В семи шагах, рукою манит.

Жарко

Мне стало, расстегнул я ворот, лег,—
Тут затрубили трубы, свет по векам
Ударил, кони поскакали, мать
Над мостовой летит, рукою манит —
И улетела...

И теперь мне снится
Под яблонями белая больница,
И белая под горлом простыня,
И белый доктор смотрит на меня,
И белая в ногах стоит сестрица
И крыльями поводит. И остались.
А мать пришла, рукою поманила —
И улетела...

ПОЭТ НАЧАЛА ВЕКА

Твой каждый стих — как чаша яда,
Как жизнь, спаленная грехом,
И я дышу, хоть и не надо,
Нельзя дышать твоим стихом.

Ты бедный мальчик сумасшедший,
С каких-то белых похорон
На пиршество друзей приведенный
Колоколов прощальный звон.

Прости меня, я, как в тумане,
Приникну к твоему плащу
И в черной выношенной ткани
Такую стужу отыщу,

Такой возврат невыносимый
Смертельной юности моей,
Что гул погибельной Цусимы
Твоих созвучий не страшней.

Тогда я простираю руки
И путь держу на твой магнит,
А на земле в последней муке
Внизу —
душа моя скорбит...

НОЧНАЯ БАБОЧКА «МЕРТВАЯ ГОЛОВА»

Ходит Пиковая дама,
Палец с головой Адама,
Вверх и вниз под потолком,
Стекол кожу неживую,
Будто рану ножевую,
Метит белым сквозняком.

Треплет свечку, морщит пламя
Знамя ночи вкось углами,
Соглядатай, часовой,
Жироватый, суховатый...
— Чур, щеки не припечатай,
Чур, не трогай, я живой!

Ночью все мы — на чужбине
Под воронкой черно-синей,
В царстве чуждых душ и тел,
Днем — в родительском гнездовье
Душным потом, красной кровью
Ограничим свой предел.

ВТОРАЯ ОДА

Подложи мне под голову руку
И восставь меня, как до зари
Подымала на счастье и муку,
И опять к высоте привари,

Чтобы пламя твое ледяное
Синей солью стекало со лба
И внизу, как с горы, предо мною
Шевелились леса и хлеба,

Чтобы кровь из-под стоп, как с предгорий,
Жарким деревом вниз головой,
Каждой веткой ударилась в море
И несла корабли по кривой.

Чтобы вызов твой ранний сначала
Прозвучал и в горах не затих.
Ты в созвездья других превращала.
Я и сам из преданий твоих,

ЛАСТОЧКИ

Летайте, ласточки, но в клювы не берите
Ни пилки, ни сверла, не делайте открытий,
Не подражайте нам; довольно и того,
Что вы по-варварски свободно говорите,
Что зоркие зрачки в почетной вашей свите
И первой зелени святое торжество.

Я в Грузии бывал, входил и я когда-то
По щебню и траве в пустынный храм Баграта —
В кувшин расколотый, и над жерлом его
Висела ваша сеть. И Симон Чиковани
(А я любил его, и мне он был как брат)
Сказал, что на земле пред вами виноват —
Забыл стихи сложить о легком вашем стане,
Что в детстве здесь играл, что, может быть, Баграт
И сам с ума сходил от ваших восклицаний.

Я вместо Симона хвалу вам воздаю.
Не подражайте нам, но только в том краю,
Где Симон спит в земле, вы спойте, как в дурмане,
На языке своем одну строку мою.

* * *

Дом без жильцов заснул и снов не видит,
Его душа, безгрешна и пуста,
В себя глядит закрытыми глазами,
Но самое себя не сознает
И дико вскидывается, когда
Из крана бульба шлепнется на кухне.
Водопровод молчит, и телефон
Молчит.

Ну что же, спи спокойно, дом,
Спи, кубатура-сирота! Вернутся
Твои жильцы, и время в чем попало —
В больших кувшинах, в синих ведрах, в банках
Из-под компота — принесут, и окна
Отворят, и продуют сквозняком.
Часы стояли? Шли часы? Стояли.
Вот мы и дома. Просыпайся, дом!

ПЕРВАЯ ГРОЗА

Лиловая в Крыму и белая в Париже,
В Москве моя весна скромней и сердцу ближе,
Как девочка в слезах. А вор в дождевике
Под дождь — из булочной с бумажкой в кулаке,
Но там, где туфелькой скользнула изумрудной,
Беречься ни к чему и плакать безрассудно.
По лужам облака проходят косяком,
Павлиньи радуги плывут под каблуком,
И девочка бежит по гребню светотени
(А это жизнь моя) в зеленом по колени,
Авоськой машучи, по лестнице винтом,
И город весь внизу, и гром — за нею в дом...

БЕЛЫЙ ДЕНЬ

Камень лежит у жасмина.
Под этим камнем клад.
Отец стоит на дорожке.
Белый-белый день.

В цвету серебристый тополь,
Центифолия, а за ней —
Вьющиеся розы,
Молочная трава.

Никогда я не был
Счастливей, чем тогда.
Никогда я не был
Счастливей, чем тогда.

Вернуться туда невозможно
И рассказать нельзя,
Как был переполнен блаженством
Этот райский сад.

* * *

Вот и лето прошло,
Словно и не бывало.
На пригреве тепло.
Только этого мало.

Все, что сбыться могло,
Мне, как лист пятипалый,
Прямо в руки легло,
Только этого мало.

Понапрасну ни зло,
Ни добро не пропало,
Все горело светло,
Только этого мало.

Жизнь брала под крыло,
Берегла и спасала,
Мне и вправду везло.
Только этого мало.

Листьев не обожгло,
Веток не обломало...
День промыт, как стекло,
Только этого мало.

* * *

Мне бы только теперь до конца не раскрыться,
Не раздать бы всего, что напела мне птица,
Белый день наболтал, наморгала звезда,
Намигала вода, накислола кислица,
На прожиток оставить себе навсегда
Крепкий шарик в крови, полный света и чуда,
А уж если дороги не будет назад,
Так втянуться в него и не выйти оттуда,
И — в аорту, неведомо чью, наугад.

* * *

Мамка птичья и стрекозья,
Помутнела синева,
Душным воздухом предгрозя
Дышит жухлая трава.

По деревне ходит Каин,
Стекла бьет и на расчет,
Как работница хозяин,
Брата младшего зовет.

Духоту спибают холод,
По пшенице пляшет град.
Видно, мир и вправду молод,
Авель вправду виноват.

Я гляжу из-под ладони
На тебя, судьба моя,
Не готовый к обороне,
Будто в Книге Бытия.

ПРИАЗОВЬЕ

На полустанке я вышел. Чугун отдыхал
В крупных парах маслянистого пара. Он был
Царь ассирийский в клубящихся гроздьях кудрей.
Степь отворилась, и в степь как воронкой ветров
Душу втянуло мою. И уже за спиной
Не было мазанок; лунные башни вокруг
Зыблились и утверждались до края земли,
Ночь разворачивала из проема в проем
Твердое, плотно укатанное полотно.
Юность моя отошла от меня, и мешок
Сгорбил мне плечи. Ремни развязал я, и хлеб
Солью посыпал, и степь накормил, а седьмой
Долей насытил свою терпеливую плоть.
Спал я, пока в изголовье моем остывал
Пепел царей и рабов и стояла в ногах
Полная чаша свинцовой азовской слезы.
Снилось мне все, что случится в грядущем со мной.
Утром очнулся и землю землею назвал,
Зною подставил еще неокрепшую грудь.

* * *

Пляшет перед звездами звезда,
Пляшет колокольчиком вода,
Пляшет шмель и в дудочку дудит,
Пляшет перед скинией Давид.

Плачет птица об одном крыле,
Плачет погорелец на золе,
Плачет мать над люлькою пустой,
Плачет крепкий камень под пятой.

* * *

Во вселенной наш разум счастливый
Ненадежное строит жилье,
Люди, звезды и ангелы живы
Шаровым натяженьем ее.
Мы еще не зачали ребенка,
А уже у него под ногой
Никуда выгибается пленка
На орбите его круговой.

* * *

Наша кровь не ревнует по дому,
Но зияет в грядущем пробел,
Потому что земное земному
На земле полагает предел.
Обезумевшей матери снится
Верещанье четверки коней,
Фэтон, и его колесница,
И багровые кубы камнсы.

* * *

На пространство и время ладони
Мы наложим еще с высоты,
Но поймем, что в державной короне
Драгоценней звезда нищеты,
Нищеты, и тщеты, и заботы
О нерадостном хлебе своем,
И с чужими созвездьями счесть
На земле материнской сведем.

* * *

Струнам счет ведут на лире
Наши древние права,
И всего дороже в мире
Птицы, звезды и трава.

До заката всем пародом
Лепят ласточки дворец,
Перед солнечным восходом
Наклоняет лук Стрелец,

И в кувшинчик из живого
Персефоница стекла
Вынуть хлебец свой медовый
Опускается пчела.

Потаенный ларь природы
Отмыкает нищий царь,
И крадет залог свободы
Летних месяцев букварь.

Дышит мята в каждом слове,
И от головы до пят
Шарики зеленой крови
В капиллярах шебуршат.

* * *

Стелил я снежную постель,
Луга и рощи обезглавил,
К твоим ногам прильнуть заставил
Сладчайший лавр, горчайший хмель.

Но марта не сменил апрель
На страже росписей и правил.
Я памятник тебе поставил
На самой слезной из земель.

Под небом северным стою
Пред белой, бедной, непокорной
Твоею высотой горной

И сам себя не узнаю,
Один, один в рубахе черной
В твоём грядущем, как в раю.

* * *

Когда у Николы Морского
Лежала в цветах ницета,
Смирненное чуждое слово
Светилось темно и сурово
На воске державного рта.

Но смысл его был непонятен,
А если понять — не сберечь,
И был он, как небыль, невнятен
И разве что — в трепете пятен
Вокруг оплывающих свеч.

И тень бездомной гордыни
По черному Невскому льду,
По снежной Балтийской пустыне
И по Адриатике синей
Летела у всех на виду.

* * *

Домой, домой, домой,
Под сосны в Комарове...
О, смертный ангел мой
С венками в изголовье,
В косынке кружевной,
С крылами наготове!

Как для деревьев снег,
Так для земли не бремя
Открытый твой ковчег,
Плывущий перед всеми
В твой двадцать первый век,
Из времени во время.

Последний луч несл
Зима над головою,
Как первый взмах крыла
Из-под карельской хвои,
И звезды ночь зажгла
Над снежной синевою.

И мы тебе всю ночь
Бессмертье обещали,
Просили нам помочь
Покинуть дом печали,
Всю ночь, всю ночь, всю ночь,
И снова ночь в начале,

* * *

И эту тень я проводил в дорогу
Последнюю — к последнему порогу,
И два крыла у тени за спиной,
Как два луча, померкли понемногу.

И год прошел по кругу стороной.
Зима трубит из просеки лесной.
Нестройным звоном отвечает рогу
Карельских сосен морок слюдяной.

Что, если память вне земных условий
Бессильна день восстановить в ночи?
Что, если тень, покинув землю, в слове
Не пьет бессмертья?

Сердце, замолчи,
Не лги, глотни еще немного крови,
Благослови рассветные лучи,

ЗАСУХА

Земля зачерствела, как губы,
Обметанные сыпняком,
И засухи дымные трубы
Беззвучно гудели кругом,

И высохло русло речное,
Вода из колодцев ушла.
Навечно осталась от зноя
В крови ледяная игла.

Качается узкою лодкой
И делится в сердце мое,
Но, видно, дороги короткой
Не может найти острие.

Есть в круге грядущего мира
Для засухи этой приют,
Где души скитаются сиром
И ложной надеждой живут.

ЭРЕБУНИ

Они хотели всем народом
Распад могильный обмануть
И араратским кислородом
Продуть холма сухую грудь.

Под спудом бусина синела,
И в черноте черным-черно
Чернело и окаменело
В кувшине царское зерно.

Кремля скалистые основы
Уже до пят оголены.
И в струнку стал кирпич сырцовый
Подштукатуренной стены.

А ласточки свой посвист длинный
Натягивают на лету
На подновленные руины
Во всю их ширь и пустоту.

Им только бы земля пестрела
В последних числах ноября,
И нет им никакого дела
До пририсованного тела
Давно истлевшего царя.

* * *

Когда под соснами, как подневольный раб,
Моя душа несла истерзанное тело,
Еще навстречу мне земля стремглав летела
И птицы предали, слышав конский храп.

Иголки черные, и сосен чешуя,
И брызжет из-под ног багровая брусника,
И веки пальцами я раздираю дико,
И тело хочет жить, и разве это — я?

И разве это я ищу сгоревшим ртом
Колен сухих корней, и как во время бно,
Земля глотает кровь, и сестры Фаэтона
Преображаются и плачут янтарем.

* * *

Как сорок лет тому назад,
Сердцебиение при звуке
Шагов, и дом с окошком в сад,
Свеча и близорукий взгляд,
Не требующий ни поруки,
Ни клятвы. В городе звонят.
Светает. Дождь идет, и темный,
Намокший дикий виноград
К стене прижался, как бездомный,
Как сорок лет тому назад.

* * *

Как сорок лет тому назад
Я вымок под дождем, я что-то
Забыл, мне что-то говорят,
Я виноват, тебя простят,
И поезд в десять пятьдесят
Выходит из-за поворота.
В одиннадцать конец всему,
Что будет сорок лет в грядущем
Тянуться поездом идущим
И окнами мелькать в дыму,
Всему, что ты без слов сказала,
Когда уже пошел состав.
И чья-то юность, у вокзала
От провожающих отстав,
Домой по лужам как попало
Плетется, прикусив рукав.

* * *

Хвала измерившим высоты
Небесных звезд и гор земных
Глазам — за свет и слезы их!

Рукам, уставшим от работы,
За то, что ты, как два крыла,
Руками их не отвела!

Гортани и губам хвала
За то, что трудно мне поется,
Что голос мой и глух и груб,
Когда из глубины колодца
Наружу белый голубь рвется
И разбивает грудь о сруб!

Не белый голубь — только имя,
Живому слуху чуждый лад,
Звучащий крыльями твоими,
Как сорок лет тому назад.

* * *

Стихи попадают в печать,
И в точках, расставленных с толком,
Себя невозможно признать
Бессонниц моих кривотолкам.

И это не книга моя,
А в дальней дороге без весел
Идет по стремнине ладья,
Что сам я у пристани бросил.

И нет ей опоры верней,
Чем дружбы неведомой плечи.
Минувшее ваше, как свечи,
До встречи погашено в ней.

* * *

И это снилось мне, и это снится мне,
И это мне еще когда-нибудь приснится,
И повторится все, и все довоплотится,
И вам приснится все, что видел я во сне.

Там, в стороне от нас, от мира в стороне
Волна идет вослед волне о берег биться,
А на волне звезда, и человек, и птица,
И явь, и сны, и смерть — волна вослед волне.

Не надо мне числа: я был, и есмь, и буду,
Жизнь — чудо из чудес, и на колени чуду
Один, как сирота, я сам себя кладу,
Один, среди зеркал — в ограде отражений
Морей и городов, лучащихся в чаду.
И мать в слезах берет ребенка на колени.

* * *

Мне другие мерещатся тени,
Мне другая поет нищета.
Переплетчик забыл о шагрени,
И красильщик не красит холста,

И кузнечная музыка счетом
На три четверти в три молотка
Не проявится за поворотом
Перед выездом из городка.

За коклюшки свои кружевница
Под окном не садится с утра,
И лудильщик, цыганская птица,
Не чадит кислотой у костра,

Златобит молоток свой забросил,
Златошвейная кончилась нить.
Наблюдать умиранье ремесел
Все равно, что себя хоронить.

И уже электронная лира
От своих программистов тайком
Сочиняет стихи Кантемира,
Чтобы собственным кончить стихом.

ФЕОФАН ГРЕК

Когда я видел воплощенный гул,
И меловые крылья оживали,
Открылось мне: я жизнь перешагнул,
А подвиг мой еще на перевале.

Мне должно завещание могил,
Зияющих, как ножевая рана,
Свести к библейской резкости белил
И подмастерьем стать у Феофана.

Я по когтям узнал его: он лев,
Он кость от кости собственной пустыни,
И жажду я, и вижу сны, истлев
На раскаленных углях благостыни.

Я шесть веков дышу его огнем
И ревностью шести веков изранен.
— Придешь ли, милосердный самарянин,
Повить меня твоим прохладным льном?

ПУШКИНСКИЕ ЭПИГРАФЫ

I

Спой мне песню, как синица
Тихо за морем жила...

«Зимний вечер»

Почему, скажи, сестрица,
Не из Божьего ковша,
А из нашего напитокъ
Захотела ты, душа?

Человеческое тело
Ненадежное жилье,
Ты влетела слишком смело
В сердце тесное мое.

Тело может истомиться,
Яду невзначай глотнуть,
И потянешься, как птица,
От меня в обратный путь.

Но когда ты отзывалась
На призывы бытия,
Непосильной мне казалась
Ноша бедная моя, —

Может быть, и так случится,
Что, закончив перелет,
Будешь биться, биться, биться —
И не отомкнут ворот.

Пой о том, как ты земную
Боль, и соль, и желчь пила,
Как входила в плоть живую
Смертоносная игла,

Пой, бродяжка, пой, синица,
Для которой корма нет,
Пой, как саваном ложится
Снег на яблоневый цвет,

Как возвысилась пшеница,
Да побил пшеницу град...
Пой, хоть время прекратится,
Пой, на то ты и певица,
Пой, душа, тебя простят.

II

...Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты...

«К***»

Как тот Кавказский Пленник в яме,
Из глины нищеты моей
И я неловкими руками
Лепил свистульки для детей.

Не испытал закала в печке,
Должно быть, вскоре на куски
Ломались козлики, овечки,
Верблюдики и петушки.

Бросали дети мне объедки,
Искусство жалкое ценя,
И в яму, как на зверя в клетке,
Смотрели сверху на меня.

Приспав сердечную тревогу,
Я забывал, что пела мать,
И научился понемногу
Мне чуждый лепет понимать.

Я смутно жил, но во спасенье
Души, изнывшей в полусне,
Как мимолетное виденье,
Опять явилась муза мне,

И лестницу мне опустила,
И вывела на белый свет,
И леньность сердца мне простила,
Пусть хоть теперь, на склоне лет.

III

Что тревожишь ты меня?
Что ты значишь...

*«Стихи, сочиненные ночью
во время бессонницы»*

Разобрал головоломку —
Не могу ее сложить.
Подскажи хоть ты потомку
Как на свете надо жить —

Ради неба, или ради
Хлеба и тщеты земной,
Ради сказанных в тетради
Слов идущему за мной?

Под окном — река забвенья,
Испарения болот.
Хмель чужого поколенья
И тревожит, и влечет.

Я кричу, а он не слышит,
Жжет свечу до бела дня,
Будто мне в ответ он пишет:
«Что тревожишь ты меня?»

Я не стою ни полслова
Из его черновика,
Что ни слово — для другого,
Через годы и века.

Боже правый, неужели
Вслед за ним пройду и я
В жизнь из жизни мимо цели,
Мимо смысла бытия?

Я каждый раз, когда хочу сундук
Мой отпереть...

«Скупой рыцарь»

В магазине меня обсчитали:
Мой целковый кассирше нужней.
Но каких несравнимых печалей
Ни дарили мне в жизни моей:

В снежном, полном веселости мире,
Где алмазная светится высь,
Прямо в грудь мне стреляли, как в тире,
За душой, как за призом, гнались;

Хорошо мне изранили тело
И не взяли за то ни копья,
Безвозмездно мне сердце изъяла
Драгоценная ревность моя;

Клевета расстилала мне сети,
Голубевшие, как бирюза,
Наилучшие люди на свете
С царской щедростью лгали в глаза.

Был бы хлеб. Ни богатства, ни славы
Мне в моих сундуках не беречь.
Не гадал мой даритель лукавый,
Что вручил мне с подарками право
На прямую свободную речь.

ГРИГОРИЙ СКОВОРОДА

Не искал ни жилища, ни пищи,
В ссоре с кривдой и с миром не в мире,
Самый косноязычный и нищий
Изо всех государей Псалтыри.

Жил в сродстве горделивый смиренник
С древней книгою книг, ибо это
Правдолюбия истинный ценник
И душа сотворенного света.

Есть в природе притин своеволью:
Степь течет оксамитом под ноги,
Присыпает сивашскою солью
Черствый хлеб на чумацкой дороге,

Птицы молятся, верные вере,
Тихо светят речистые речки,
Домовитые малые звери
По-над норами встали, как свечки.

Но и сквозь обольщения мира,
Из-за литер его алфавита,
Брезжит небо синее сапфира,
Крыльям разума настезь открыто.

* * *

Мир ловил меня, но не поймал,
Автоэпитафия Гр. Сквороды

Где целовали степь курганы
Лицом в траву, как горбуны,
Где дробно били в барабаны
И пыль клубили табуны,

Где на рогах волы качали
Степное солнце чумака,
Где горькой патокой печали
Чадил костер из кизяка,

Где спали каменные бабы
В календаре былых времен
И по ночам сходились жабы
К ногам их плоским на поклон,

Там пробирался я к Азову:
Подставил грудь под суховей,
Босой, пошел на юг по зову
Судьбы скитальческой своей,

Топтал чабрец родного края
И ночевал — не помню, где,
Я жил, неволью подражая
Григорию Сквороде,

Я грыз его благословенный,
Священный, каменный сухарь,

Но по лицу моей вселенной
Он до меня прошел, как царь;

Пред ним прельстительные сети
Меняли тщетно цвет на цвет,
А я любил ячейки эти,
Мне и теперь свободы нет.

Не надивуюсь я величью
Счастливых помыслов его.
Но подари мне песню птичью
И степь — не знаю для чего.

Не для того ли, чтоб оттуда
В свой час при свете поздних звезд,
Благословив земное чудо,
Вернуться на родной погост?

* * *

Душу, вспыхнувшую на лету,
Не увидели в комнате белой,
Где в перстах милосердных колдуний
Нежно теплилось детское тело.

Дождь по саду прошел накануне,
И просохнуть земля не успела;
Столько было сирени в июне,
Что сияние мира синело.

И в июле, и в августе было
Столько света в трех окнах, и цвета,
Столько в небо фонтанами било
До конца первозданного лета,
Что судьба моя и за могилой
Днем творенья, как почва, прогрета.

* * *

Был домик в три оконца
В такой окрашен цвет,
Что даже в спектре солнца
Такого цвета нет.

Он был еще спектральной,
Зеленый до того,
Что я в окошко спальни
Молился на него.

Я верил, что из рая,
Как самый лучший сон,
Оттенка не меняя,
Переместился он.

Поныне домик чудный,
Чудесный и чудной,
Зеленый, изумрудный,
Стоит передо мной.

И ставни затворяли,
Но иногда и днем
На чем-то в нем играли
И что-то пели в нем,

А ночью на крылечке
Прощались, и впотьмах
Затепливали свечки
В бумажных фонарях.

* * *

Еще в ушах стоит и гром и звон:
У, как трезвонил вагоновожатый!

Туда ходил трамвай, и там была
Неспешная и мелкая река —
Вся в камыше и ряске.

Я и Валя

Сидим верхом на пушках у ворот
В Казенный сад, где двухсотлетний дуб,
Мороженщики, будка с лимонадом
И в синей раковине музыканты.

Июнь сияет над Казенным садом.

Труба бубнит, бьют в барабан, и флейта
Свистит, но слышно, как из-под подушки!
В полбарабана, в полтрубы, в полфлейты
И в четверть сна, в одну восьмую жизни,

Мы оба

(в летних шляпах на резинке,
В сандалиях, в матросках с якорями)
Еще не знаем, кто из нас в живых
Останется, кого из нас убьют,
О судьбах наших нет еще и речи,
Нас дома ждет парное молоко,
И бабочки садятся нам на плечи,
И ласточки летают высоко.

ЖИЛИ-БЫЛИ

Вся Россия голодала,
Чуть жила на холоду,
Граммофоны, одеяла,
Стулья, шапки, что попало
На пшено и соль меняла
В девятнадцатом году.

Брата старшего убили,
И отец уже ослеп,
Все имущество спустили,
Жили, как в пустой могиле,
Жили-были, воду пили
И пекли крапивный хлеб.

Мать согнулась, постарела,
Поседела в сорок лет
И на худенькое тело
Рвань по-нищенски надела;
Ляжет спать — я то и дело:
Дышит мама или нет?

Гости что-то стали редки
В девятнадцатом году.
Сердобольные соседки
Тоже, будто птицы в клетке
На своей засохшей ветке,
Жили у себя в аду.

Но картошки гниловатой
Нам соседка принесла

И сказала:

— Как богато

Жили нищие когда-то.

Бог Россию виноватой

Счел за Гришкины дела.

Вечер был. Сказала:

— Ешьте! —

Пода^ла лепёшки мать.

Муза в розовой одежде,

Не являвшаяся прежде,

Вдруг предстала мне в надежде

Не давать ночами спать.

Первое стихотворенье

Сочинял я, как в бреду:

«Из картошки в воскресенье

Мама испекла печенье!»

Так познал я вдохновенье

В девятнадцатом году.

* * *

Влажной землей из окна потянуло,
Уксусной прелью хмельнее вина;
Мать подошла и в окно заглянула,
И потянуло землей из окна.

— В зимней истоме у матери в доме
Спи, как ржаное зерно в черноземе,
И не заботься о смертном конце.

— Без сновидений, как Лазарь во гробе,
Спи до весны в материнской утробе,
Выйдешь из гроба в зеленом венце.

* * *

Красный фонарик стоит на снегу.
Что-то я вспомнить его не могу.

Может быть, это листок-сирота,
Может быть, это обрывок бинта,

Может быть, это на снежную ширь
Вышел кружить красногрудый снегирь,

Может быть, это морочит меня
Дымный закат окаянного дня,

* * *

Меркнет зрение — сила моя,
Два незримых алмазных копыя;
Глохнет слух, полный давнего грома
И дыхания отчего дома;
Жестких мышц ослабели узлы,
Как на пашне седые волы;
И не светятся больше ночами
Два крыла у меня за плечами.

Я свеча, я сгорел на пиру.
Соберите мой воск поутру,
И подскажет вам эта страница,
Как вам плакать и чем вам гордиться,
Как веселья последнюю треть
Раздарить и легко умереть,
И под сенью случайного крова
Загореться посмертно, как слово.

* * *

Просыпается тело,
Напрягается слух.
Ночь дошла до предела,
Крикнул третий петух.

Сел старик на кровати,
Заскрипела кровать.
Было так при Пилате.
Что теперь вспоминать.

И какая досада
Сердце точит с утра?
И на что это надо —
Горевать за Петра?

Кто всего мне дороже,
Всех желаннее мне?
В эту ночь — от кого же
Я отрекся во сне?

Крик идет петушиный
В первой утренней мгле
Через горы-долины
По широкой земле.

БОБЫЛЬ

Двор заполонила сорная,
Безнадзорная, узорная,
Подзаборная трава,
Дышит мятой и паслёном,
Шелком шитые зеленым
Простирает рукава.

На дворе трава некошена,
С похорон гостей непрошено,
И бобыль один в избе
Под окошком с крестовиной,
Заплетенным паутиной,
Спит с сигаркой на губе,

Видит сон про птицу райскую,
Про свою вину хозяйскую
Перед Богом и женой,
Про невзбитую подушку,
Непечатую чекушку
И про тот платок цветной.

* * *

Ночью медленно время идет.
Завершается год високосный.
Чуют жилами старые сосны
Вешних смол коченеющий лед.

Хватит мне повседневных забот,
А другого мне счастья не надо.
Я-то знаю: и там, за оградой,
Чей-нибудь завершается год.

Знаю: новая роща встает
Там, где сосны кончаются наши.
Тяжелы черно-белые чаши,
Чуют жилами срок и черед.

ЗИМА В ЛЕСУ

Свободы нет в природе,
Ее соблазн исчез,
Не надо на свободе
Смущать ноябрьский лес.

Застыли в смертном сраме
Над собственной листвой
Осины вверх ногами
И в землю головой.

В рубахе погорельца
Идет мороз-Кощей,
Прищелкивая тельца
Опавших желудей.

А дуб в кафтане рваном
Стоит, на смерть готов,
Как перед Иоанном
Боярин Колычев.

Прощай, великолепье
Багряного плаща!
Кленовое отрепье
Слетело, трепещи,

В кувшине кислорода
Истлело на весу...
Какая там свобода,
Когда зима в лесу.

МАРТОВСКИЙ СНЕГ

По такому белому снегу
Белый ангел альфу-омегу
Мог бы крыльями написать
И лебяжью смертную негу
Ниспослать мне как благодать.

Но и в этом снежном застое
Еле слышно о непокое
Сосны черные говорят:
Накипает под их корою
Сумасшедший слезный разлад.

Верхней ветви — семь верст до неба,
Нищей птице — ни крошки хлеба,
Сердцу — будто игла насквозь:
Велика ли его потреба,—
Лишь бы небо впору пришло.

А по тем снегам из-за лога
Наплывает гулом тревога,
И чужда себе, предо мной
Жизнь земная, моя дорога
Бредит под своей сединой.

* * *

Я тень из тех теней, которые, однажды
Испив земной воды, не утолили жажды
И возвращаются на свой кремнистый путь,
Смущая сны живых, живой воды глотнуть.

Как первая ладья из чрева океана,
Как жертвенный кувшин выходит из кургана,
Так я по лестнице взойду на ту ступень,
Где будет ждать меня твоя живая тень.

А если это ложь, а если это сказка,
И если не лицо, а гипсовая маска
Глядит из-под земли на каждого из нас
Камнями жесткими своих бесслезных глаз?..

* * *

С безымянного пальца кольцо
В третий раз поневоле скатилось,
Из-под каменной маски светилось
Искаженное горем лицо.

Никому, никогда, ни при ком
Ни слезы, среди людей как в пустыне,
Одержимая вдовой гордыней,
Одиночества смертным грехом.

Но стоит над могильным холмом
Выше облака снежной колонной
Царский голос ее, просветленный
Одиночества смертным грехом.

Отпусти же и мне этот грех.
Отпусти, как тебе отпустили.
Снег лежит у тебя на могиле.
Снег слетает на землю при всех.

МАНЕКЕН

В мастерской живописца сидит манекен
Деревянный, суставчатый, весь на шарнирах,
Откровенный как правда, в зияющих дырах
На местах сочленений локтей и колен.

Пахнет пылью и тленом, пахнёт скипидаром,
Живописец уже натянул полотно.
Кем ты станешь, натурщик? Не все ли равно,
Если ты неживой и позируешь даром,

Ах, не все ли равно. Подмалевок лилов,
Черный контур клубится под кистью шершавой.
Кисть в союзе с кредитками, краска со славой.
Нет для смежных искусств у поэзии слов.

Кто хозяин твой? Гений? Бездарность? Халтурщик?
Я молве-клеветнице его не предаю,
Потому что из глины был создан Адам.
Ты — подобье Адама, бесплатный натурщик.

Кто я сам, если плачут и ходят окрест
На шарнирах и в дырах пространство и время,
Многозвездный венец возлагают на темя
И на слабые плечи пророческий крест?

* * *

Тот жил и умер, та жила
И умерла, и эти жили
И умерли; к одной могиле
Другая плотно прилегла.

Земля прозрачнее стекла,
И видно в ней, кого убили
И кто убил: на мертвой пыли
Горит печать добра и зла.

Поверх земли мнутся тени
Сошедших в землю поколений;
Им не уйти бы никуда
Из наших рук от самосуда,
Когда б такого же суда
Не ждали мы невесть откуда.

* * *

В последний месяц осени,
На склоне
Горчайшей жизни,
Исполненный печали,
Я вошел
В безлиственный и безымянный лес.
Он был по край омыт
Молочно-белым
Стеклом тумана.
По седым ветвям
Стекали слезы чистые,
Какими
Одни деревья плачут накануне
Всеобесцвечивающей зимы.
И тут случилось чудо:
На закате
Забрезжила из тучи синева,
И яркий луч пробился, как в июне,
Из дней грядущих в прошлое мое.
И плакали деревья накануне
Благих трудов и праздничных щедрот
Счастливых бурь, клубящихся в лазури,
И повели синицы хоровод,
Как будто руки по клавиатуре
Шли от земли до самых верхних нот.

* * *

Сколько листвы намело. Это легкие наших деревьев,
Опустошенные, сплюснутые пузыри кислорода,
Кровли птичьих гнездовий, опора летнего неба,
Крылья замученных бабочек, охра и пурпур надежды,
На драгоценную жизнь, на раздоры и примиренья,
Падайте наискось наземь, горите в кострах, дотлевайте,
Лодочки глупых сильфид, у нас под ногами. А дети
Северных птиц улетают на юг, ни с кем не прощаясь.
Листья, братья мои, дайте знак, что через полгода
Ваша зеленая смена оденет нагие деревья.
Листья, братья мои, внушите мне полную веру
В силы и зренье благое мое и мое осязанье,
Листья, братья мои, укрепите меня в этой жизни,
Листья, братья мои, на ветвях удержитесь до снега.

* * *

А все-таки я не истец,
Меня и на земле кормили:
— Налей ему прокисших щец,
Остатки на помойку вылей.

Всему свой срок и свой конец,
А все-таки меня любили:
Одна: — Прощай! — и под венец,
Другая крепко спит в могиле.

А третья у чужих сердец
По малой капле слез и смеха
Берет и складывает эхо,
И я должник, а не истец.

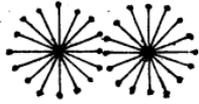
* * *

Бабочки хохочут, как безумные,
Вьются хороводы милых дур
По лазурному нагромождению
Стереометрических фигур:
Учит их всей этой математике
Голенький и розовый амур.

Хореографическим училищем,
Карнавальным молодым вином
Отдает июньская сумятица
Бабочек, играющих с огнем,
Перебрасывающихся бисером
Со своим крылатым вожакom.

И уносит их ватагу школьную,
Хрупкую, бездумную, безвольную,
Ветер, в жизнь входящий напролом.

ПОЭМЫ

Зрачок слепца мутней воды стоячей,
Он пылью и листвою запылен,
На роговице, грубой и незрячей,
Вращающийся диск отображен.
Кончался день, багровый и горячий,
И солнце покидало небосклон.
По городу, на каждом перекрестке,
На всех углах шушукались подростки.

2

Шумел бульвар, и толкотня росла,
Как в час прибоя волны океана,
Но в этом шуме музыка была —
Далекий перелет аэроплана.
Тогда часы, лишённые стекла,
Слепец, очнувшись, вынул из кармана,
Вздыхнул, ощущал стрелки, прямо в гул,
Направил палку и вперед шагнул.

3

Любой пригорок для слепца примета.
Он шел сквозь шу-шу-ну и бу-бу-бу
И чувствовал прикосновенья света,

Как музыканты чувствуют судьбу,—
Какой-то облик, тремоло предмета
Среди морщинок на покато лбу.
К его подошвам листья прилипали,
И все ему дорогу уступали.

4

Ты помнишь руки терпеливых швей?
Их пальцы быстрые и целлулоид
Ногтей? Ужель подобия клещей
Мерцающая кожа не прикроет?
В тугих тисках для небольших вещей
Иголка надломившаяся ноет,
Играют ногти, движутся тиски,
Мелькают равномерные стежки.

5

Коробка повернется костяная,
Запястье хрустнет... Но не такова
Рука слепца, она совсем живая,
Смотри, она колеблется едва,
Как водоросль, вполсвета ощущая
Волокна волн мельчайших. Так жива,
Что через палку свет передается.
Слепец шагал прямой канатоходца.

6

А был бы зрячим — чудаком сочли
За белую крахмальную рубашку,
За трость в руке и лацканы в пыли,
За высоко надетую фуражку,
За то, что, глядя на небо, с земли
Не поднял он рублевую бумажку,—
Пусть он на ощупь одевался, пусть
Завязывал свой галстук наизусть.

Не путаясь в громоздкой партитуре,
 Он расчленил на множество ключей
 Зыбучий свист автомобильных фурий
 И шарканье актеров без речей.
 Он шел, как пальцы по клавиатуре,
 И мог бы, не толкая скрипачей,
 Коснуться пышной шушеры балета —
 Крахмальных фей и серпантина света.

Так не пугай ребенка темнотой:
 На свете нет опасней наказания.
 Он в темноте заплачет, как слепой,
 И подберет подарок осязанья —
 Умеешь глаз надавливать рукой
 До ощущенья полного сиянья.
 Слепцы всегда боялись глухоты,
 Как в детстве мы боимся темноты.

Он миновал гвоздикой населенный
 Цветочный домик посреди Страстной¹
 И на вертушке в будке телефонной
 Нащупал буквы азбуки стальной.
 Слепец стоял за дверью застекленной.
 Молчала площадь за его спиной,
 А в ухо цела нежная мембрана
 Немного глухо и немного странно.

Весь голос был почти что на виду,
 Почти что рядом — на краю вселенной.

¹ Стр а с т н а я — теперь Пушкинская площадь в Москве (здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примеч. А. Тарковского. — *Ред.*),

— Да, это я,— сказал слепец.— Иду.—
Дверь отворил, и гул многоколенный
На голоса — на тубу, на дуду,
На сотни флейт — распался постепенно.
Слепой лицом почувствовал: емо
В руках прохожих тает эскимо.

11

Он тронул ребра душного трамвая,
Вошел и дверь задвинул за собой,
И сразу, остановки называя,
Трамвай скользнул по гладкой мостовой.
С передней встали, место уступая.
Обиженный обычной добротой,
Слепец, садясь, едва сказал «спасибо»,
Окаменел и рот открыл, как рыба.

12

Аквариум с кисельною водой,
Жилище рыб и спящего тритона,
Качающийся ящик тепловой,
Колокола и стоны саксофона,
И желтый свет за дверью слюдяной —
Грохочущий аквариум вагона.
И в этой тесноте и суете
Был каждый звук понятен слепоте.

ЧУДО СО ЩЕГЛОМ

(Поселковая повесть)

Врач: Я две ночи нес наблюдение вместе с вами, но не вижу ни малейшего подтверждения вашему рассказу. Когда она бродила последний раз?

Придворная дама: С тех пор, как его величество выступил в поход, я видела не однажды, как она вставала, накидывала на себя ночной халат...

...Смотрите, вот она идет!

Шекспир. Макбет

1

Снимал я комнату когда-то
В холодном доме на Двдцатой
Версте ¹, а за моей стеной
Нескромно со своей женой
Питомец жил консерваторский,
Пел, как Шаляпин и Касторский,
Но громче и, как Рейзен, в нос.
В передней жил облезлый пес,
Пушком его звала хозяйка,
Она была, как балалайка,

¹ Двдцатая верста — подмосковная станция Белорусско-Балтийской железной дороги, ныне станция Бажовка Московской железной дороги.

Вся — вниз. Вверху торчал пучок
Величиною с пяточок,
Седой, но рыжей краской крашен.
Лба не было, и чем-то страшен
Был осторожный, будто вор,
Хозяйки ящеричий взор.
Со всею желтизной своею
Лицо переходило в шею
И, чуть расширившись в плечах,
Как вдоль по грифу, второях
Внезапно раздавалось тело
И доходило до предела
Своих возможностей. Она
Была смертельно влюблена
В соседа моего — из класса
Вокального — красавца баса.

2

Ах, Шуберт, Шуберт! Твой «Двойник»¹
В раструб души ее проник,
И рокотал, и сердце ранил,
И душу страстную тиранил.
Хозяйка бедная всю ночь
Глядит на дверь певца — точь-в-точь
Злосчастный евнух, страж гарема,
Стоит и всхлипывает немо,
Сжимает кулаками грудь,
И только в горле бьется ртуть.

Я что ни день твердил соседям:
— Друзья, давайте переедем.
Не соблазняйте малых сих
Пыланием сердец своих.—
А бас и хрупкое сопрано
В ответ со своего дивана
Хохочут так, что спасу нет,
Кричат:

— Да ну тебя, сосед!

---

¹ «Двойник» — песня Фр. Шуберта на слова Г. Гейне.

Однажды, синий от мороза,
Я брел со станции домой.
Добрел, и тут же за Ломброзо¹,
Сижу, читаю...

Боже мой!

Свечи мигающее пламя
Ужасный образ создает:
С его нечистыми глазами,
С его петлистыми ушами,
Как в гробовой сосновой раме,
В дверях Преступный Тип встает.
— Налоги за истекший год
И за дрова внести мне надо.
Я получить была бы рада
Не то чтоб за февраль вперед,
Хоть за январь мне заплатите,
Коль нежелательных событий
И впрямь хотите избежать.
Итак, я жду. С вас двадцать пять.

О, эта жизненная проза
И уши — две печати зла!
Антропология Ломброзо
Вдруг подтверждение нашла.
Хозяйка хлопнула дверями
И — прочь! Колеблемое пламя
Слетело с фитиля свечи,
Свеча погасла, и завыло
Всё окаянное, что жило
Внутри нетопленной печи —
Те упыри, те палачи,
Что где-то там, в ночи унылой,
Терзают с неизбывной силой
Преступных Типов за могилой.
А за окошком тоже выло:

---

¹ Чезаре Ломброзо (1836—1909) — итальянский психиатр, антрополог и криминалист, основатель антропологической школы в науке уголовного права. Его работу «Преступный человек» (1876) в переводе на русский язык читал персонаж поэмы, от лица которого ведется повествование.

Плясала по снегу метель,
Ее дурманил свежий хмель,
Она плясала без рубашки,
Бесстыже выгибая ляжки,
Снежинки из ее баклажки,
Как сторублевые бумажки,
Метались, клювами стуча
В стекло.

Где спички? Где свеча?

4

Я — к двери баса и сопрано.
Казалось мне, что я кричу,
А я едва-едва шепчу:
— Кто у меня задул свечу?
Кто спички выкрал из кармана?
Кто комнаты сдает внаем,
А в комнатах температура
Плюс пять? Преступная Натура
Нарочно выстудила дом:
Ангина хватит, а потом
Прости-прощай колоратура.
Все — Балалайка! У нее
В буфете между чайных ложек
Отточенное лезвие
Захоронил сапожный ножик.
Она им режет кур. Она
В уме совсем повреждена.
В ее глазах горит угроза
Убийства. От ее ушей
Злодейством тянет. Сам Ломброзо
Ушей петлистей и страшней
Вовек не видел. Бойтесь мести!
На почве зла родится зло.
Бежим! Бежим! Я с вами вместе!
Увязывайте барахло!

Тут я упал в передней на пол.
Не знаю, сколько я лежал,
Как долго пес лицо мне лапал
И губы языком лизал.

Меня в постель перетасили.
Хинином душу мне глушили,
Гасили снегом жар во лбу,
А я лежал как труп в гробу.

Моя болезнь гнилой горячкой
Слыла тому сто лет назад.
Стояла смерть в углу за печкой,
И ведьмы обложили сад,
И черти по стене скользили,
Усевшись на свои хвосты,
И с непомерной высоты
К постели жмурики сходили:
— Погибли мы и ты погиб!
Угробит всех Преступный Тип!

5

Зима прошла. Весною ранней
Очнулся я — один, один,
Без помощи, в сплошном тумане,
В дурмане, без гроша в кармане...
За стенкой — тихо на диване,
И всюду тихо. Из глубин
Души нахлынув, слезы льются...

Дверь настезь! Вижу донце блюда
И руку. Слышу:

— Гражданин!

Возьмите огурец соленый! —
И блюде брякнулось на стул,
И все затихло. Пораженный
Явленьем жизни возрожденной,
Не выплакавшись, я заснул.

Соседка с мужем возвратилась
Домой, когда уже в окне
Луна сквозь облачко светилась.
И что она сказала мне?
— Какая радость! Ваша милость
Для новой жизни пробудилась!
Ура, ура! Мы с муженьком
Сейчас напоим вас чайком.

Весна была, как Боттичелли,
И лиловата, и смутна.
Ее глаза в мои глядели
Из приоткрытого окна,
Ополоумев, птицы пели,
Из сада муравьи ползли.
Так снизошло к моей постели
Благословение земли.

6

Настал июнь, мой лучший месяц.
Я позабыл угарный чад
Своих январских куролесиц,
Метелей и ломброзиад.
Жизнь повернуло на поправку:
Я сам ходил за хлебом в лавку,
На постном масле по утрам
Яичницу я жарил сам,
Сам сыпал чай по горсти в кружку
И сам себе добыл подружку.

Есть в птичьей горлышке вода,
В стрекозьем крылышке — слюда, —
В ней от июня было что-то,
И после гласных иногда
В ее словах звучала йота:
— Собайка.

Хлеб.

Цветы.

Звезда.

Звучит — и пусть! Мне что за дело!
Хоть десять йот! Зато в косе
То солнце ярко золотело,
То вспыхивали звезды все.
Ее душа по-птичьи пела,
И в струнку вытянулось тело,
Когда, на цыпочки привстав,
Она вселенной завладела
И утвердила свой устав:
— Ты мой, а я твоя.—

И в этом

Была основа всех основ,

Хрустела глина в переулке,
Свернулась жухлая листва,
В канавах вымерла трава,
А в небо так забили втулки,
Что нам из влажных недр его.
Не доставалось ничего.
Зной, весь в дыму, стоял над миром,
И был похож окрестный мир
На рыбу, прыщущую жиром,
В кипящий свергнутую жир.
Но зною мы не поддавались,
Водою с милой обдавались,
И пили чай, и целовались
(Мы, и целуясь, пили чай
Полуодетые). И это
Был островок в пожаре лета,
И это было суший рай.

Но, занятые чаепитьем,
Мы, у соседей за столом,
Потрясены одним событием
Однажды были вчетвером.
Вошла хозяйка. Страшным взглядом,
Как Вий, окинула певца.
Глаза, впечатанные рядом
В пергамент желтого лица,
Горели отраженным ядом,
И нож сверкал в руке. Она
Была почти обнажена.
Не скрыв и половины тела,
Хламида на плече висела,
Распущен был седой пучок,
Пот по увядшей коже тек.
Она воскликнула:

— Зачем он

В мой дом проник с женой своей?
Оставь, оставь ее, мой Демон!
А ты сокройся от очей,
Змея, чернавка, сербиянка,
Цыганка, ведьма, персиянка,
И подходить к нему не смей!
Что сделал ты со мной, злодей?
Кто я теперь? Двойник, воспетый
Тобой самим в проклятый день!

Меня казнят — и пусть! За Летой
С тобой моя пребудет тень.
Умри ж! —

На стул хозяйка села,
И нож сапожный уронила,
И в сторону сползла со стула,
И на пол замертво упала.
Тогда с лицом бледнее мела,
Дрожь от ужаса, певец
Вскочил и крикнул:

— Я подлец!

Она моей любви хотела,
А я плевал на это дело,
И вот теперь она мертва! —
А милая моя сидела,
Она ничуть не побледнела,
Чай допила, калач доела
И молвила:

— Она жива.

Вскричал певец:

— Что делать будем?

Как я теперь — источник зла —
Посмею показаться людям?!

Моя подружка изрекла:

— Давайте куйвим ей щегла!

9

Дождь грянул наконец. Он длился,
Как птичья песнь. Он так плясал
И так старался, так резвился,
Что мир окрест преобразился
И засверкал, как бальный зал.
Гром, как державинская ода,
По крыше ямбом грохотал;
В поселке ожила природа,
С омытых листьев пыль стекла,
И блеск хрустального стекла
Приобрели углы и грани
Прекраснейшего из числа
Неисчислимых мирозданий.

Ушли Стрелки-Громовики,
Дождь перестал. Переходили
Потоки вброд и воду пили
В кустах смородинных жуки,
И без мучительных усилий
Росли грибы-дождевики.

Хозяйка наша в это время
Сидела в комнате своей.
Ее не тяготило бремя
Былых томительных ночей
И дней безрадостных. На темя
И стан ее, согнав печаль,
Слетела розовая шаль
Спокойствия и упований,
Хозяйке неизвестных ране.
И что теперь ей до того,
Кто спит с женою на диване,
Не видя больше никого?
Она не держит на заметке —
Ушел певец или пришел, —
Повержен ревности престол:
Перед лицом хозяйки в клетке
Поет и прыгает щегол!
Он для нее слагает стансы,
С утра впадает в забытье,
И в забытьи поет романсы,
Танцует танцы для нее.
Щегол хорош, как шелк турецкий!
Чуть он прищелкнет:

— Цо-цо-цо! —

Заулыбается по-детски
Порозовевшее лицо.
Прищелкнув, засвистит, как флейта:
— Фью-фью! —

И глянет: каково?

Что басовитый голос чей-то
В сравненье с дискантом его?
Чушь, чушь!

А в комнате порядок,
Блестит зеркальным огоньком
Комод с фарфоровым котом,
Натерты крышки всех укладок
Полировальным порошком;

Кругом крахмал и ни пылинки,
А что за платье в будний день!
А розочки на пелеринке —
Как было вышивать не лень!

'Ах ты, щегол, колдун, волшебник,
Носитель непонятных сил!
Какому ты — живой учебник —
Хозяйку счастью научил!
С тобою белый день белее,
А ночью белого белей
Свободно плещут крылья феи
В блаженной комнате моей.

ИЗ ПОЭМЫ «СОРОК ДЕВУШЕК»

(По мотивам каракалпакских
народных сказаний)

ПЕСНЯ ПЕРВАЯ

Говори, струна со струной,
Пой, кобыз¹ громозвучный мой,
О родной стороне,
О седой старине,
О делах старины седой!

Звездный кружится небосвод.
Вслед за годом уходит год.
Вслед за родом уходит род.
Вслед за словом слово идет.

Зиму побеждает весна.
Дивно преображается степь.
Кони ржут, звенят стремяна.
Травами украшается степь.

Расселяются племена.
Умножаются города.

В стародавние времена,
В незапамятные года
Жил в Саркопе-городе бай,
Знаменитый на целый край.

---

¹ К о б ы з — музыкальный инструмент.

Был богат и годами стар
Именитый бай Аллаяр.
Накопил он много добра;
Тысячи агачей¹ земли
Он пометил знаком своим;
Горы золота-серебра
Под руками его росли;
Тучный скот четырех родов
Тьмы покорных ему рабов
На поемных лугах пасли;
Старый бай шестерых сынов —
Удальцов
И сорвиголов,
Приумножив свой род, имел
И, на зависть отцам другим,
Дочь красавицу Гулаим —
Цель забот своих и щедрот,
Сердца верный оплот — имел;
И росла день за днем она,
Как среди облаков луна,
Словно ловкая лань, легка,
Словно пвовый прут, гибка.

Мы сравним
Красу Гулаим
С талисманом золотым.

Было ей четырнадцать лет.
Весть о ней облетела свет:
Гулаим — как пери была.
Речь — неспешная,
Стан — стрела,
Рот — наперсток,
Румянец — мак,
Косы — змеи,
Губы — каймак²,
Зубы — жемчуг,
Стыдливый взор,
На голове — золотой убор.

Была и скромна и стройна Гулаим,
Джигитов пленявшая взглядом одним,

¹ А г а ч — земельная мера.

² К а й м а к — топлёные сливки.

И слава о дивной ее красоте
Как гром прокатилась по странам земным.

Блеснет ли ее золотое кольцо,
Сверкнет ли ее молодое лицо,
Джигиты готовы и славу и жизнь
Отдать за ее дорогое словцо.

Она поначалу не знала сама,
Что каждого встречного сводит с ума.
Когда открывались глаза Гулаим,
В рассвет превращалась безлунная тьма.

Была Гулаим как стоцветный веноч,
И если бы солнечный пламень поблек,
Лица ее луноподобного свет
Залить бы до края вселенную мог.

Словно горя на свете нет,
Гулаим, не зная забот,
Прожила пятнадцать лет;

Как пошел шестнадцатый год —
Пыль клубится, и кони ржут,
Сваты в юрте уж тут как тут;
У высоких ее дверей
Больше негде ставить коней,
И конями площадь полна.
Байский сын ли за Гулаим
Заплатить намерен калым, —
Усмехаясь в ответ, она
Выпробаживает послов,
Не сказав и нескольких слов,
С малых лет Гулаим была
Несговорчива и смела.

День настал, когда Гулаим
Сорок девушек созвала;
Научась на любой вопрос
Без запинки отвечать,
Поклялась Гулаим: без слез
И без страха врага встречать,
Поклялась: прекрасных волос
По плечам не распускать,

Настоящим джигитом стать,
Храбрецам-джигитам под стать.

Пожелала Гулаим
Разлучиться с отцом родным,
Жить от братьев милых вдаль.
И любимой дочери в дар
Престарелый бай Аллаяр
Отдал остров Миуели.
И, в поступках своих вольна,
Возвела кибитку она
Посреди своей земли
И двенадцати —
Из числа
Аллаяровых мастеров —
Повеление отдала
Стену выстроить,
Вырыть ров.

Встала бронзовая стена,
Ров глубокий пред ней пролегал,
Кузнецы из чугуна
Крепкий выковали порог.
Как взялись мастера за труд —
Льют свинец,
По железу бьют,
Сталь куют
И песни поют.

День проходит,
Проходит год,
Год проходит,
Идет второй —
И готовы створы ворот,
Изукрашенные резьбой,
Удивительной высоты,
Ослепительной красоты.
Чтобы им из века в век
Охранять Миуели,
Триста тридцать человек
Поднимать ворота пришли;
Приклепали к створам замок
О пяти золотых ключах;
И тогда с весельем в очах

Подошла к воротам стальным
И замкнула их Гулаим,
Повернула в замке все пять
Золотых чеканных ключей,
Отдала приказ распахать
Все холмы на земле своей,
Из быстротекущей реки
Воду щедрую провести,
На седые солончаки
Удобрения привезти.

Быстро дни за днями прошли.
Превратился Миуели
В несравненный зеленый сад:
Розы алые расцвели,
Соловьи засвистали в лад,
И — венчающие труды —
Созревающие плоды
Отразились в глади воды.

Полюбив неробкой душой
Шум и удаль игры мужской,
Гулаим устроила той¹
С козлодраньем и борьбой,
Повела за собой
Подруг
На широкий зеленый луг,
Завязала потешный бой.

Кони быстрые горячи,
А в девичьих руках — мечи.

Вот разумница Гулаим
Говорит подругам своим:

«Плачу я, подруги, плачу — слезы лью.
Снег пойдет зимою в дорогом краю.
Сорок вас, подруги, сорок милых мне,
И от вас тревоги я не утаю.

Добрый конь арабский бросится в полет,
Из-под черной гривы заструится пот...
Что ж теперь почувал конь мой Актамкер?
Все дрожит, косится, крепкий повод рвет...

¹ Т о й — пир, пиршество.

Ночью слышу частый стук его копыт,
Звучно камень черный под конем звенит.
Отчего ушами Актамкер прядет?
Почему на месте конь мой не стоит?

Актамкеру плетка больше не страшна,
Добрая хозяйка больше не нужна.
Отчего, скажите, конь копытом бьет,
Почему дрожит он и не ест зерна?

Почему сегодня быстроногий мой
Не остановился конь перед стеной?
Птицей через стену он перелетел,
Чтобы там, на воле, мять ковыль степной.

Может быть, он чует приближенье бед?
Мне тревога злая застит белый свет.
Если не сегодня, то уж не позднее,
Чем под вечер завтра, дайте мне ответ!»

Стали держать совет,
Услышав такие слова,
Сорок девушек удалых.
Как под зимней бурей трава,
Загорелые лица их
Пожелтели от крепких дум.
Но ответ не пришел на ум
Ни единой из сорока.
Оседлали они коней —
Мол, родная степь широка,
Не найдется ль разгадки в ней?
Из сорока девиц
Самой младшей была
Смуглолицая Сарбиназ.
Ни одна из старших сестриц
Вровень стать не могла
С младшей сестрицею — Сарбиназ.
Из сорока соколиц
Самой смелой была
Соколицею Сарбиназ.

Сарбиназ —
Отрада глаз —
В каждом споре была права,

Словно жемчуг были слова
У разумницы Сарбиназ.
На родном
Раздолье степном
День и ночь провела в седле,
Стала девушкам вожаком
И назад в предрассветной мгле,
В благодатный, прохладный час
Привела подруг Сарбиназ;
И, поклон Гулаим отдав,
В ясной памяти удержав
Всех вчерашних вопросов нить,
Взор потупила Сарбиназ.
Гулаим дала ей приказ
Без утайки все говорить;
Та, скромна и взором светла,
Вот какую речь повела:

«Я весною цветы собираю в саду,
Я вослед за тобой и на смерть пойду.
Принесла я ответ тебе, о сестра,
Хоть большую тебе он сулит беду.

Ты за дело взялась, как прямой батыр.
Ты готовишься к битвам, хоть любишь мир.
Чтоб клинки не заржавели, ты в ножны
Терпеливо втираешь смолу и жир.

Ты подругам вручила мечи, уча
По-мужски нападать и рубить сплеча,
Чтобы дорого враг нашу кровь купил,
Не ушел от девического меча.

Так разумно ты действуешь потому,
Что грядущее зримо порой уму.
Принесешь ты спасенье от рабства нам
И отечеству милому своему.

На крутом берегу Ак-Дарьи живет
Хан калмыцкий, терзающий свой народ.
Ровно через шесть лет грабежом-войной
На Саркэл этот хан Суртайша пойдет.

О трех тысячах юрт ак-дарьинский стан.
Тьмы батыров помчит за собою хан.

Он осадит Саркоп; загремят бои,
Хлынет красная кровь из горячих ран.

Будет крупною дрожью земля дрожать,
Будут кони усталые громко ржать,
На гнедом скакуне твоего отца
Будет черный чекмень в день беды лежать.

Ты наденешь кольчугу, подымешь меч,
Сорок дев поведешь по дороге сеч,
Будут звонкие стрелы железо рвать,
Будут головы вражьи катиться с плеч.

Но когда по золе, по родной земле
Кровь рекой разольется в кромешной мгле,
Не споткнется о трупы твой верный конь,
И удержишься ты в боевом седле.

Конь ушами прядет и копытом бьет,
Чует сердцем стремительных стрел полет,
Слышит ржанье калмыцких лихих коней —
И не хочет зерна, и воды не пьет.

Вот и все, что я знаю, сестра, мой свет,
Я даю на вопросы прямой ответ.
За недобрые вести прости меня.
Мне от горьких предчувствий покоя нет».

И, подругой младшей горда,
Гулаим обняла тогда
Прозорливую Сарбиназ,
И вложила по связке роз
В обе смуглых ее руки,
И, целуя в обе щеки,
Милой умницей назвала,
В юрту белую повела
И ее усадила там,
И сложила к ее ногам
Вороха нарядов цветных —
Ярко-красных и золотых;
Обошла с корзиной сады,
Принесла подруге плоды;
Остальных, стоявших вокруг,
Угостила медом подруг;

Подарила всем сорока
Платья, радующие глаз;
Нарядила подруг в шелка, —
И поставила выше всех
Прозорливую Сарбиназ.
И счастливую Сарбиназ
Прославляли сорок подруг,
Пели песни, венки плели
Из цветов родимой земли,
За крепостной
Крепкой стеной
В белых юртах Миуели
Отдыхая перед войной.

ПЕСНЯ СЕМНАДЦАТАЯ.

Эй, друзья, садитесь в кружок,
Слушайте певца, и — молчок!

Жил да был в Саркопе батыр
По прозванию Отбаскан.
Был он, словно тополь, высок,
Словно горный утес, плечист
И, как месяц, пригож лицом,
Да не очень-то был речист
И поспать безмятежным сном
Дней по десять подряд любил.
Он подобен верблюду был:
В снег заляжет верблюд,
И тут
Зря погонщики слезы льют,
Зря его понукают-бьют —
Не желает верблюд вставать.
Точно так же и Отбаскан:
На кошму завалится спать —
Тут уже его не поднять.

В спячке он пребывал, когда
Навалилась на эль¹ беда
И прекрасный город Саркоп
Захлестнул кровавый потоп.

---

¹ Эль — страна, народ.

Спит батыр,
А в юрту к нему
Ворвались калмыки ордой,
Мягкую, точно пух, кошму
Тащат из-под него долой.
Крик да шум кругом,
Гам да гром —
Спит батыр непробудным сном.

Вынули калмыки ножи,
Резать спящего принялись —
Равномерно дышит батыр,
Ничего не слышит батыр.
Кинули калмыки ножи,
За секиры свои взялись:
Пот горячий льют,
В сто секир,
Ухая, батыра секут;
Порассекли кожу, и тут,
Наконец, проснулся батыр,
Крякнул, потянулся батыр,
Глянул —
Небо над головой!
Остов юрты цел,
Да на нем —
Ни кошмы!
А кругом — разбой!
А кругом — враги!
Вскочил,
Точно потревоженный лев,
Отбаскан — саркопский батыр,
Впал в великий гнев и схватил
Звонкий многопудовый меч,
Меч свой добрый за рукоять
И пошел пришельцев кромсать,
Головы разбойные сечь.

Целую неделю батыр
За родимый эль воевал,
Целую неделю весь мир
Доблестью своей удивлял,
А когда неделя прошла,
Кровь из холодеющих ран
У него перестала течь,

И коснулась его чела
Длань изнеможенья,
И он
Уронил свой тяжелый меч
И упал на землю ничком.

Торжествуя, калмыцкий хан
Взять его повелел живьем,
И — как над подстреленным львом
Обнаглевший мушиный рой —
Засновали враги над ним,
И забился в петле тугой
Отбаскан, великий батыр.
Тут, никем не руководим,
Потеряв последний оплот,
С песней горестной на устах
Безоружный восстал народ.

За темничной крепкой стеной
Изнывает батыр в цепях,
И народ растоптан пятой
Окаянного Суртайши.
Длится в городе волчий той,
И разбой идет,
И грабеж.
И лютует калмыцкий хан,
По Саркопу гуляет нож,
Вьется гибкой змеей аркан,
Рыщет ханский насытый взор
По загонам да по дворам,
Прядает калмыцкий топор
По воротам да по дверям.

Превращает калмыцкий хан
Жителей Саркопа в рабов,
Город — в дымный пламень костров.
Светлые мечтанья — в дурман,
Шелест шелка — в кандалный звон,
Слово «родина» — в тяжкий стон.
Днем и ночью гонит калмык
Пленников своих на восток.

С цветником расстался цветок,
С соловьем расстался цветник,

С песней разлучился язык,
Звезды — с небом,
С луною — ночь,
Конь — с приколом,
Лебедь — с гнездом,
Со вдовицей-матерью — дочь,
Сирий сын — со вдовым отцом.

Видя это, хан ликовал.
И руками, как в барабан,
Бил в трясущийся свой живот,
Хохотал, похвалялся хан,
Говоря:
«В счастливый час
Во главе несметных сил
Я покинул, ополчась,
Стольный город свой Мушкил.

Я откормленным коням
Не давал передохнуть,
По горам и по степям
Проложил широкий путь.

Я для вражеских племен
Стал вершителем судеб,
Неказненных — взял в полон,
Несожженный отнял хлеб.
На Саркоп я бросил рать,
Я поверг в огонь и лед
И заставил трепетать
Голодающий народ.

Как пшеницу жеребец,
Я его батыров грыз,
И над множеством сердец
Мой кровавый меч навис.

Я над миром длань простер.
По ложбинам кровь течет,
Кровь течет по склонам гор,
По вершинам кровь течет.

Будто ангел Азраил,
Стадо пленных на убой

В стольный город свой — Мушкил
Я гоню перед собой.

Всех оставшихся в живых
Приведу на Ак-Дарью,
Утолю я кровью их
Жажду лютую свою».

Слыша эту похвальбу,
Истомившийся народ,
Бьющийся, как сокол в сетях,
Переменчивую судьбу
Проклинал в бескрайных песках,
Проклинал врагов,
Стенал,
Брел в цепях по степям седым,
Горевал народ, вспоминал,
Призывал свою Гулаим,
Говоря:

«Девуца она,
А уж как смела и сильна!
Средь своих сорока девиц,
Как тарлан-орлица она
В стае молодых соколиц.
Если разъярится она —
Гору перерубит клинком.
На коне примчится она —
Суртайшу потопчет конем».
И народ расспрашивал птиц,
Улетающих на юг:

«Скоро ли своих соколиц,
Сорок милых своих подруг,
Дочь моя на бой поведет?
Скоро ли спасения мед
Поднесет к моим устам?
Скоро ли на грудь мне прольет
Свой целительный бальзам,
Возвратит плененных сирот
К незабвенным их очагам,
Приведет моих сыновей
В город молодости моей?»

Отвечали птицы:

«Не плачь,
Не рыдай, гонимый народ, —
Солнце и для тебя взойдет.
Сорок дочерей твоих
На конях —
Где вскачь,
Где влет —
Поспешат по твоим следам,
И клинки мечей боевых
Зазвенят-заблестят в ночи,
Вражью кровь на песок прольют...
А когда совершится суд,
Эти доблестные клинки
Трижды благословит певец.
Хану — смерть,
И плену — конец.
Ты восставишь высокий кров
И затеплишь яркий очаг
На священной земле отцов.
Мир тебе во веки веков,
И да будет проклят твой враг!»

Скованный по рукам и ногам,
На убой гонимый, как скот,
Но непокоренный народ
По глухим пескам,
По немых тропам
Шел, сопротивляясь врагам,
Задыхаясь от жгучих слез,
Ждал народ свою Гулаим
И в истерзанном сердце нес
Веру в будущее свое.
Измывался палач над ним,
Но не мог его побороть,
И впивались в живую плоть
То стрела,
То меч,
То копьё...

Расстелила смерть по земле
Цепкую и крепкую сеть,
Души ловит в беззвездной мгле, —
Душам не уйти от ловца.

Горько, горько, друзья мои,
О страданиях народа петь, —
И немеет язык певца..

ПЕСНЯ ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Нам запевки петь — недосуг,
Мы помчимся, друзья мои,
В горы, на заснеженный луг;
Возвратимся, друзья мои,
В тесный круг
Сорока подруг,
Сорска сестер Гулаим;
Подивимся, друзья мои,
Силе и красоте ее.

Травы приминая в степях,
Снежный прах
Взметая в горах,
Сорок дней и сорок ночей
Вдалеке от своей земли
Сорок девушек провели.
Сорок дней и сорок ночей
Радовались воле своей,
Закаляя борзых коней
И участь науке войны.

Молвит, наконец, Гулаим:

«Ну-ка, милые, поглядим —
Хорошо ли закалены
Ваши резвые скакуны,
Поглядим — на что вы годны!
Время ветру подставить грудь,
Время, сестры, в обратный путь!»

Мчатся девушки на конях,
Привставая на стременах,
Стрелы звонкие вдаль меча,
Плотный воздух рубя сплеча.

Мчится Гулаим впереди,
Актамкера камчой¹ хлещца,

¹ Камча — плетка.

И неведомо ей самой,
Отчего у нее в груди
Сердце храброе, трепеща,
Полнится тревожной тоской,
Отчего за слезой слеза
Набегает ей на глаза?

Чем быстрее скачет она
И чем ближе город Саркоп,
Тем сильнее плачет она,
И горит Гулаим, бледна,
Словно утренняя луна,
Бьет ее озноб,
Влажен лоб,
Руки у нее — точно лед;
Стонет Гулаим, слезы льет...
Сорок девушек ей кричат:

«Что с тобой, сестра, погоди!»
Мчится Гулаим впереди,
Не оглядывается назад,
Сорок девушек мчатся в ряд
И не могут ее догнать.
Лебеди в Египет летят
И не могут ее догнать.
На чужбину издалека
Снежные бегут облака
И не могут ее догнать.
Конь храпит, грызет удила —
Хоть устал, да не пристаёт;
Гулаим не сходит с седла,
Не дает коню отдохнуть.
Пышет запад красным огнем —
Гулаим продолжает путь.
Молкнет степь, ни души кругом,
Стелется вечерняя мгла —
Гулаим не сходит с седла.
Ночь-вдовица черным платком
Занавешивает небосвод —
Гулаим не сходит с седла.
Мучась нетерпеливой тоской,
Бьет коня камчой,
Слезы льет...

Конь дрожит, на дыбы встает,
Чует запах крови людской.
В льдистом вихре, в снежной пыли
Первый луч сверкнул над землей.
Гулаим на Миуели
Прискакала ранней зарей.

Огляделась она вокруг —
Вскрикнула...
Прямой, как стрела,
Стан ее согнулся, как лук.
Стремена потеряла вдруг,
Выронила поводья из рук
И, лицом, словно снег, бела,
Замертво упала с седла.

Здесь был враг.

Песок перерыл
Множеством копыт.
У ворõt
Раздувает ветер степной
Черный иноземный шатер.
На воротах стальной запор
Весь в царапинах.
Вбит в замõк
Иноземный кривой клинок
И оставлен так.
Враг не мог
Сбить замок и запор сломать,
Крепость Гулаим разметать,—
Загрязнил островной песок
И ушел без добычи вспять.

Здесь был враг.
Словно труп
На земле Гулаим лежит,
С лепестков побелевших губ,
Со стрельчатых ее ресниц
Резкий ветер сдувает снег.

Чу! Земля дрожит!
Сорок посестрим,
Сорок соколиц Гулаим

Серебристый взметают прах,
Прилетают в снежных столпах,
Спешиваются на скаку
И, ломая руки, в слезах
Окружают Гулаим,
Распростертую на снегу:

«О сестра, очнись, отзовись!
Горе нам!
В Саркопе враги!
Черный день пришел!
Помоги,
Помоги нам, сестра!
Очнись!»

Девушки рыдают,
Скорбя
О родимом крае своем.
И, услышав стенанья их,
Причитанья-рыданья их,
Забытье свое одолев,
Гулаим приходит в себя,
И все ярче огнем живым
Разгорается взор ее.
Озирается, словно лев,
Опирается на копьё,
Подымается Гулаим
И с увещеваньем таким
К сорока подругам своим
Обращается, говоря:

«Не беда,
Если плачет кровью джигит
И на сечу потом спешит,
А беда, говорят, когда
У джигита не кровь-руда,
А вода по жилам бежит!
Хан — отсохни его рука! —
Вбил в замѡк воровской клинок,
Выбейте клинок из замка!
Отомкните замок тугой,
Отведите засов стальной,
Распахните створы ворот
И в твердыню Миуели

Чередой
Войдите за мной.

Здесь мужажи мы и росли,
Чтобы лечь костями за народ,
Здесь, вдали от зла, провели
Не один безмятежный год.
Земно поклонитесь гнезду,
Где окрепли ваши крыла,
Крепости воздайте почет,
Сорок верных моих подруг;
Выкопайте стрелы в саду
И возьмите из тайников
Сорок драгоценных кольчуг,
Сорок несравненных клинков,
Сорок золотых шишаков,
Сорок луков, сеющих страх,
Бьющих за девятьсот шагов,
Сорок седел о стременах
Среброзвучных, как соловьи,
Снаряжайтесь в дальний поход
И — вперед, орлицы мои,
Милые сестрицы мои,
На врага, за родной народ!»

Девушки в ворота вошли,
Поклонились Миуели,
Корму задали коням,
Сорок тысяч стрел принесли,
Ополчились на страх врагам,
Снарядились в дальний поход.

«Помните! — батырам своим
Гулам сказала еще. —
Тот, чье сердце не горячо,
Кто на поле чести не смел,
У кого ни меча, ни стрел —
Тот не настоящий батыр.
Кто во славу земли своей
Кречетом не кинется в бой —
Тот не настоящий батыр.
Кто не глух, но для чьих ушей
Слово «родина» звук пустой —
Тот не настоящий батыр.

Кто не слеп, но для чьих очей
Степи отчие не милей
Зарубежных тучных полей —
Тот не настоящий батыр!»

Ярко блещут шпшаки,
На ветру щиты гудят —
Через Красные Пески,
Строй держа по восемь в ряд,
Сорок соколиц летят,
Сорок девушек верхом
Следом за своим вожаком
Скачут в город напрямик
И широкие пески
Озирают из-под руки.

Погулял с топором калмык
По широким Красным Пескам,
С кровью красной пополам
Красный прах смешил —
И ушел.
Не было здесь прежде холмов,
Место было ровным, как пол,
А теперь —
Не пройти коням:
Воронье снует по холмам,
Сложенным из мертвых голов,
Мясо мертвое клювом рвет,
Очи мертвые жадно пьют,
Бьет крылом
О кровавый лед
И шакалов на той зовет...

Здесь — растоптанные конем,
И обугленные огнем,
И заколотые копьем
Крепко спят на мерзлой земле.
Там, как тополя на юру,
Чуть покачиваются на ветру
Задохнувшиеся в петле.
Там — белеют кости в золе...

Не тарлан-орел,
Озирая дол
С победоносной высоты,

Острым взором ищет врага,
Побелевшие свои
Гулаим сжимает персты,
Онемевшие свои
Гулаим кусает персты,
Острым взором ищет врага.

От Саркопа за три версты
Осадив коня на скаку,
Гневом заглушая тоску,
Гулаим с высоты седла
Смотрит на сожженный дотла,
Мертвый, разоренный Саркоп,
На пустынные берега
Сонной, обмелевшей реки,
Где тому сорок дней назад
Пели у костров рыбаки;
На заброшенные луга,
Где не видно более стад,—
Смотрит Гулаим на Саркоп,
Острым взором ищет врага.

Враг ушел и угнал народ.

И на стременах привстает
Гулаим,
И на стременах
Сорок девушек привстают,
Кони их за единый мах
Три последних версты берут.

Здесь был город.
Во всю его ширь
Протянулся пустырь сплошной.
Щебнем завалило пустырь,
Занесло зыбучей золой.
Где саркопцы?
Где кузнецы,
Гончары,
Батыры,
Купцы,
Медники,
Оружейники,
Знать?
Ни души нигде не видать.

Только псов одичалых вой
Да шакалов унылый плач
Нарушают мертвый покой
Круглой площади городской...
Здесь кровавой своей рукой
Невиновных казнил палач.

И негромкий шорох шагов
Гулаим услышала вдруг,
И потряс ее этот звук.
Услышала людскую речь
И схватилась она за меч —
И увидела стариков,
Шедших с заступами в руках
И носилками на плечах
Предавать земле мертвецов.

В этих выходцах из могил
Гулаим признала живых,
И, носилки наземь сложив,
Старики потянулись к ней,
Будто ветра слабый порыв
Листья желтые сбил с ветвей
И погнал по нищей земле,
По земле родной,
По крови людской,
По золе...

Горше несмышленных детей
Старики рыдали, прильнув
К маленьким рукам Гулаим —
Белым голубкам Гулаим,
К розовым перстам Гулаим —
Десяти цветкам Гулаим,
И, прильнув к рукам Гулаим —
Аравийским львам Гулаим,
К молнийным перстам Гулаим —
Десяти мечам Гулаим,
Старики обратились к ней
Со словами таких речей:

«Гулаим, о Гулаим,
Сколько мощи в твоих руках!
Будь защитой нам,

Отомсти врагам,
Сокрушившим твой город в прах!
Всеблагой аллах головой
Выдал нас калмыцким богам.

Погляди на город Саркоп:
Здесь гулял Суртайша в гостях,
Пировал на людских костях.
Свист разбойный да конский топ
Не смолкают у нас в ушах.
Всех угнал Суртайша в Мушкил,
Нами только и пренебрег,
Храбрости джигитов лишил
И согнул их в бараний рог.
Веришь ли ты нам, Гулаим?
Львы Саркопа, наши сыны —
Саимбет-стрелец,
Еримбет-храбрец,
Шеримбет-гордец,
Баимбет-батыр, муж войны,—
Говоря:
«Мы побеждены»,
Голову склонили пред ним.
Так воскликнули старики,
Руки над головой воздев.

Гулаим сказала в ответ:

Оскорбленной земли своей
Грудью не заслонившим —
Позор!
Отчему народу мечом
В битве не послужившим —
Позор!
Отступившим перед врагом,
Меч свой уронившим —
Позор!
Трусам, сдавшимся в плен живьем,
Родине изменившим —
Позор!

Поздним вечером Гулаим
Знак дружинницам подала
Мановеньем белой руки —
Прянул Актамкер, как стрела...

Глянули вослед старики —
Никого, кроме них, кругом, —
Голубая клубится мгла,
Мелкий снег мелькает во мгле.
Спит Саркоп непробудным сном,
Спит, как мертвые спят в земле...

ПЕСНЯ ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Жизнь — как мед, сладка,
Смерть — как желчь, горька,
Ханский плен —
Что могильный тлен,
Горше смерти злая тоска.
Кто погиб за народ — блажен.
Степь весенняя — хороша,
Хороша, пестра и светла...

Но еще метель мела,
Степь еще нема и бела,
И страшна была.
Суртайша
Торопился в город Мушкил
И, полуослепших от слез,
Гнал саркопцев...
Пушистым льдом
Цепи их покрывал мороз,
Ветер их опалил огнем,
Смерть над ними склоняла лик...
И однажды, меркнувшим днем,
Хан столицы своей достиг.

Сотни сотен голов скота
Суртайша с разбою пригнал,
Много пленных в свои места
Он перед собою пригнал;
Много утвари золотой,
Много шелка-парчи привез,
И от радости выл, как пес,
И великий устроил той.
И на той батыров позвал,
И стрелков позвал, и борцов,
И дутарщиков, и певцов.
Пировал и торжествовал,

Ликовал
Суртайша — бахвал,
И сказали гости ему,
Поглядев на пленный народ:

«Суртайша, скажи, почему
Не народ
У ворот,
А сброд?
Эти люди больны, бледны,
Босы, полуобнажены,
Лица — ветром опалены,
Руки — за спину сведены.
Ты позвал нас в Мушкил на той,
Мы похвалим твой дастархан ¹,—
В чем, скажи вперед, пред тобой
Провинились они, о хан?
Разве этот мирный народ
Мог бороться с твоей ордой?
Плач сирот тебе нипочем,
И певец тебя назовет
Кровопийцей и палачом.
Отвечай, Суртайша, не трусь:
Разве человек — это гусь?
Подстрелю его,
Ощиплю,
Изрублю его,
Посолю,
Испеку, мол, и есть примусь?
Ты и нам, неправедный хан,
Жизнь устроил хуже тюрьмы.
Испокон веков Астархан ² —
Рыбаки — бороздили мы;
Скотоводы — свои стада
Мы пасли в привольных степях,
А с тобою — пришла беда,
Привела за собою страх.
С наших обнаженных степей
Ты не сводишь насытых глаз.
Тяжко нам под пятой твоей,
Ты поборами душишь нас.

¹ Д а с т а р х а н — скатерть; в переносном смысле — угощение.

² А с т а р х а н — Каспийское море.

Рыбаков ты лишил сетей,
Скотоводов —
Последних стад,
У голодных наших детей
Отнял ты ягнят и козлят;
Кровь с мечей
Твоих палачей
Хлещет с шумом, как водопад.
Мы — народ калмыцкий,
Ты — хан,
Мы — душа и плоть,
Ты — шайтан,
Вот что про тебя говорят.
Отпусти саркопцев, не то
К праотцам отправишься в ад!»

Обезумел калмыцкий хан,
Услыхав такие слова;
Стала у него, как шаман
Под венцом, трястись голова,
Заплясал язык между губ,
Засверкали волчьи клыки,
Посинел Суртайша, как труп,
Выронил бунчук из руки,
Ловит воздух открытым ртом,
Словно сом
На песке сухом.

Отдышался хан, заорал:

«Я на той вас, кажется звал,
Вы же, выродки, ишаки,
Распускаете языки!»

Крикнул Суртайша:

«Палачи!»

Гикнул Суртайша:

«Палачи!»

И умылся кровью народ,
Льющейся и днем и в ночи.

А когда утомился хан,
Под престол повалился он
И заснул...
И увидел сон.

Хан проснулся —
Темен дворец.
Ужаснулся:
«Ужель конец?»

Разрывает вóрот рука,
Кровь клокочет,
Слюна горька,
Бьется в горле тугой комок...

С пола встал, на ложе прилег.
Но не спится хану никак,
Все клубится кровавый мрак,
А в ушах неотступный звон...
Звон темничных ключей,
Звон цепей,
Звон мечей...

И призвал гадателя он
И сказал:

«Этой ночью мне
Сам шайтан явился во сне.
Душит,
Мучит,
Мясо крошит,
Ногти рвет
И кости крушит.
Вдруг я вижу птицу-орла:
По лицу меня полоснув,
Плещут яростные крыла,
Пред глазами —
Раскрытый клюв.
Чудище потом приползло,
Голову мне стало глотать...
Кликнул я родимую мать —
Ни души кругом, как назло.
Тут мне руки-ноги свело,
Пот холодный хлынул рекой...
Что за сон ужасный такой?»

Побелел гадатель как снег,
Взял кобыз дрожащей рукой,
С ханом затворясь ото всех,—

И пошел крутиться юлой,
И глазами дико вращать,
И по-страшному верещать.
А когда вошел в него джинн,
Он издал пронзительный стон
И воскликнул:

«Мой господин!

Я могу разгадать твой сон!

Могучий властитель затеял войну,
Саркоп разорен, и саркопцы в плену,
Тебя неотмщенные слезы сирот
Душили, когда отошел ты ко сну.

Орел распростер над тобою крыла.
Премудрый мой хан! То не птица была:
Отвага саркопских батыров тебе
Представилась в грозном обличье орла.

Батыры тебе отомстят, отомстят,
Они, как самум, на тебя налетят,
Их кони крылаты, их копыя остры,
Щиты и кольчуги, как солнце, блестят.

А чудище — черная совесть твоя,
Она и глодала тебя, как змея.
Прости, о пресветлый, раба твоего,—
Он плачет, кровавые слезы лия...»

На себе халат
Разодрав от горла до пят,
Хан рычит,
И дворец дрожит,
А гадатель навзничь лежит,
И протянут ко лбу его
Желтый указательный перст,
Гневом хан объят,
Красный зев отверст
Шире адских врат.

Люди говорят,
Что и утром хан бушевал,
Что и в полдень ярился он,
А в обед палача позвал,
И гадатель был умерщвлен.

День проходит, другой идет,
Хан меж тем не ест и не пьет,
Хан не ест, не пьет и не спит,
Бьет, как в бубен, в свой круглый щит —
И военачальников рой
На тревожный призыв спешит.
Суртайша говорит им так:

«Хочет враг
Мой ханский очаг
Ханской кровью моей залить,
Мозгом ханских моих костей
Волчий голод свой утолить,
Дорогих моих сыновей
Отчего престола лишить.
Будто я не великий хан,
А дитя колыбельных лет,
Будто наш воинственный стан
Бледной немочью обуян
И в Мушкиле батыров нет...

Слушайте мой ханский фирман: ¹

«Собирайте мои войска,
И да будет спутником вам
Слава моего бунчука:
Послужите мощи моей,
Мчитесь вихрем по берегам
Астархана — венца морей —
И, достигнув Дербент-горы,
Ждите: скоро нагрянет враг.
Сойдите под горой до поры,
От горы назад — ни на шаг.
Я изменников не прощу,
С трусов по три шкуры спущу,
Страшной пыткой буду пытать,
Страшной мезтью отомщу».

И войска на Дербент пошли.

Содрогаются грудь земли,
Ходят вихри, вьется снег,
Ничего не видать вдали...

---

¹ Ф и р м а н — указ.

Говорит кобызу певец:

«Пой, кобыз громовитый мой,
О страданиях земли родной,
Пой, кормилец верных сердец!

Я с тобой —
Средь мертвых живой,
Без тебя —
Средь живых мертвец».

Лад найду.
Певучую речь
О былых делах поведу...

По степям седым,
По тропам глухим,
Где по снегу, а где по льду
Вспять уходит от жарких сеч
Дикая орда Суртайши.

День пришел, когда Гулаим
Вкруг мушкильских высоких стен
Шумный свой раскинула стан.

Стан раскинув, девы-стрелки
Сыплют стрелы на Мушкил.
Стены высоки,
Враг незрим.
Тих Мушкил.
Бог весть:
Много ли у калмыков сил?
Как счастье?

Молнии мечà из глаз,
Гулаим отдает приказ:

«На коней!
На этот раз
Враг не скроется от нас!»

Натиск был горяч и смел,
Грозен сорокогорлый крик.

Встреча стрел.
Встреча пик.
Встреча мечей.
Встреча кольчуг,
Встреча очей,
Рук,
Плеч.
Сеча вокруг —
Сеча из сеч,
Встреча смертей,
Той силачей.

Мертвому негде лечь.
Пал
Крепостной вал.
Встал
Черногранитный утес.
Арыслан мечом его снес.

Новая преграда встает:
Створы черночугунных ворот
На чернодубовых столбах
Загораживают проход
В город, где спасигелей ждет
Суртайшой казнимый народ.
Спешившись, утес берет
В руки мощные Арыслан,
И утес у него в руках
Превращается в таран.
И ворота гудят, гудят
И качаются на столбах —
Гнутся то вперед, то назад;
Свод небесный гудит им в лад,
Ад гудит им в лад,
И вот
Лопаются створы ворот,
Только мелкие черепки
Разлетаются дождем...

И калмыцкие стрелки
От чугунного дождя
В юрты прячутся, отойдя.

Гулаим говорит:

«Войдем!»

Много, много на свете зла!

Далее уже не могли

Ханские полки отступать.

Шел

Бой

За каждую пядь

Каменной мушкильской земли,

Сталь не уставала сверкать,

Красные потоки текли...

И говорит Гулаим

Сорока подругам своим:

«О мои бесстрашные львы!

Суртайша, кровавый зверь,

Станет буйствовать теперь.

Не бездействуйте и вы.

Захватите город весь,

Дайте всем и пить и есть,

И пускай из веси в весь,

В град из града

Весть идет,

Что на свете правда есть,

И пускай вокруг меня

Собирается народ:

Вместе будем супротив

Злого хана воевать,

Да не будет мучитель жив!

Да исчезнет кровавый тать!»

Смуглолицая Сарбиназ

Двинулась выполнять наказ,

Тридцать девять других —

За ней

Устремили своих коней.

И остались на месте том

Арыслан с Гулаим вдвоем,

Первый раз —

Вдвоем с Гулаим...

В сладкий час —

Вдвоем с Гулаим...

Побелел Арыслан лицом,

А потом

Горящим крылом
Нетерпенье забило в нем,
И огонь забурился в крови,
И, не сдерживая любви,
Он прекрасную Гулаим
Заклучил в объятья свои.

Вдруг раздался гром в тишине:
На кудлатом скакуне,
Завывая, будто шакал,
Взвизгивая, как пес,
Предстал
Перед ними хан Суртайша,
Пасть разинул во весь оскал,
Захихикал, смрадно дыша,
И такие слова сказал:
«Я — хан Суртайша. Обойдите весь свет —
Сильнее меня повелителя нет.
Эй вы, голубки! Бросьте ласки свои!
Под виселицей целоваться не след!»

Грянул гром,
Раскололся мир,
И от милой своей батыр
Прочь отпрянул,
А Гулаим,
Белого полотна белей,
Алого кумача алей,
К Суртайше подошла,
Грозные глаза подняла,
Глянула на него —
И хан
Закачался, злобой горя,
И, собрав остаток сил,
Захихикал, и загнусил,
Непристойно говоря:

«Эй ты, пери Гулаим!
Может быть, повторишь со мной
То, что делала ты с ним?
Чем ходить на меня войной,
Лучше стать моей женой,
Понапрасну сил не трать,
Приходи ко мне во дворец,

Дай мне ручку, рядом сядь,—
Вот и будет вражде конец!»
Гулаим побелела так,
Будто выпили кровь ее,
И сказала:

«Ты — мой враг,
Ты — позор и горе мое!
Кровью ты залил город мой,
Душу мою окутал тьмой,
Дом соловьиный — вешний сад
Преобразил в крошечный ад.
Стужей дохнул на мои цветы...
Вот что со мною сделал ты.

Стала я пламенем, чтобы в нем
Испепелить тебя живьем.
Вор, ты украл у меня семью,
Родину сладостную мою,
Молодость радостную мою.
Ты обездолил мой народ,
Сделал вдовицей мою страну,
Держишь, кровавый сумасброд,
Горькую душу мою в плену.
Раб суеты,
Отец нищеты,
Вот что со мною сделал ты!

Я утолю жажду степей
Кровью нечистой твоей,
Смертной мукой тебя изведу,
И сокрушу твой престол во прах,
И растопчу твою орду!»
Суртайша при этих словах
То как мел
Становился бел,
То краснел,
Словно камень-лал;¹
Он и холодел,
И пылал,
И такие слова,
Наконец, сказал:

---

¹ Л а л — самоцвет алого цвета; рубин.

«Ты права,
Я твой город сжег,
Я оставил много сирот,
Я насытил кровью песок,
Обездолил я твой народ.

Все же я не трус, Гулаим,
И не спрячусь я во дворце,
А с девичьим войском твоим
В спор вступлю о смертном конце.

Дай мне сроку ровно семь дней,
А когда настанет восьмой,
Сорок дев сажай на коней,
Начинай наш последний бой!»

Благородная Гулаим
Суртайше отсрочку дала.
И, пригнувшись к луке седла,
Смерив деву взглядом косым,
Хан со зла —
Как хлестнет коня!
Кровь потоком с камчи бежит;
Мчится хан —
И земля, как щит,
Поворачиваясь, гудит,
Стремена трещат, звеня...

ПЕСНЯ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Вы не спрашивайте, друзья,
Можно ли две жизни прожить,
Можно ли прожить хоть одну,
Чтобы никогда не тужить?

Лучше вы спросите, друзья,
Кто, злосчастный, в ханском плену
За пятью замками сидит,
Девятью цепями гремит,
Ничего не ест и не пьет,
Взор вперяет в камень-гранит,
Указательный перст грызет:
Пыткам перенесенным счет,
Как доходам — купец ведет,

Как заимодавец, не спит,
Потеряв покой, как скупец
Копит жадно казну обид?
Вы спросите так,
И певец
Волю даст кипучим словам,
Струнным звоном ответит вам,
К состраданию воззовет,
Громким голосом запоет,
Имя славное —
Отбаскан —
Троекратно произнесет, —
Ибо это он,
О друзья! —
Он из каменного мешка
Молотом своего кулака
Извергу Суртайше грозит,
Он, трехпрозвищный Отбаскан —
Отбаскан-Затопчи-Огонь,
Отбаскан-Саркопа-Не-Тронь,
Отбаскан-Стальная-Ладонь,
Он, батыр, в калмыцком плену
За пятью замками сидит,
Девятью цепями гремит
И хоть клонит его ко сну,
Он седьмые сутки не спит,
Пересчитывает в уме
Золотую казну обид.
Взором воспаленных очей
Света ищет в каменной тьме,
Самому себе говорит:

«От бичей
Лихих палачей
Дух скорбит,
Плоть болит,
Кровь кипит.
Хочешь есть —
Еды не дают,
Хочешь пить —
Воды не дают,
Хочешь спать —
Под топор кладут,
Тонят воск

И на раны льют,
Жгут огнем,
Лежачего бьют,
Кровь из жил сосут...

Совершается черный суд:
Кривда правду казнить велит...

Тесное у тебя, джигит,
Темное у тебя жилье:
Холод этих гранитных плит
Проникает в сердце твое...

Слишком рано тебя, джигит,
Смертное долит забытье...

Здравствуй, матушка моя месть!
Помоги мне цепи разбить,
Возврати мне волю и честь,
Дай мне горе мое избыть!»
Стелется багряный туман.
Забывается Отбаскан.

Крепких засовов лязг!
Белого дня блеск!
Огненных крыльев плеск!

От материнских ласк
Сердцу тепло,
Взору светло,
Нежное сысподу крыло
На глаза батыру легло.

Месть говорит:

«Встань, встань, встань,
Ты должен встать,
Я — твоя родимая мать,
Трубы трубят,
Войска идут,
Свершается правый суд.
Встань, встань, сынок,
Ты должен встать!
Я — твоя родимая мать.

Раненого сердца не рань,
Перестань его растревлять,
Не тужи, мой кормилец, встань!
Встань, встань, встань,
Ты должен встать!
Я — твоя родимая мать.

Разве жажда моя слабей
Преходящей жажды твоей?
Разве голод мой не сильней
Голода твоего стократ?
Разве нет у тебя друзей
И не любит тебя народ?
Веют стяги,
Трубы трубят,
В руки свобода булат берет!
Не разрежет алмаза нож.
Не осилит истины ложь.

Встань, встань, встань,
Встань, батыр!
Ты должен встать!
Я — твоя родимая мать.
Грянь, грянь, грянь,
Грянь, железный гром!
Разразись, гроза, над врагом!
В бой, непобедимая рать!»

Так воскликнула месть.
Грянул гром.
Отбаскан вскочил.
Стены заходили кругом.
Оглушил Отбаскана плеск
Яркоблещущих крыл,
Ослепил нестерпимый блеск
Тяжкоплещущих крыл...

Трубы трубят,
Стяги шумят,
Конные мчатся за рядом ряд,
Снежная вздымается пыль,
Сходится с метелью метель,
С крепкой сталью — крепкая сталь,
Конь — с конем,

Клинок с клинком,
Щит — со щитом,
С броней — броня.

Воет ветер Судного дня.

Катится кожаный щит колесом.
Падает первый убитый с коня.
Смерть его голову ловит, как мяч.
Раненый молит: «Добейте меня!»
Круглые головы катятся с плеч.
Гнется копьё.
Завывает праща.
Кони встают на дыбы, вереща.
Меч Гулаим, будто солнечный луч,
Блещет,
И трубы рокочат,
И клич
Клич заглушает.
Горячая кровь
Путь пролагает —
Где прямо, где вкривь —
Под гору,
По снегу,
По колеям,
К тем ли седым астагханским струям,
К тем ли далеким рыбачьим ладьям,
Чтобы клубиться в воде ледяной,
Чтобы смешаться с кипучей волной...

Бьются насмерть добро и зло,
Землю мерзлую бременя.
Тяжело земле, тяжело,
И содрогается земля.
Воет ветер Судного дня,
Наземь сражающихся валя.
Кроет солнце черная тень,
И уходит ужасный день.
Этот огненно-красный день,
День кровавый, и сыт и пьян,—
Продолжается грозный той,
Не кончается тяжкий бой.

Гул да звон,
Да протяжный стон...
Длится сеча,
Как страшный сон.

Сорок соколиц Гулаим,
Сорок смелых ее подруг;
Бьют врага с сорока сторон;
Им сопутствуют сорок вьюг
И прислуживает Азраил.
Совершается правый суд;
Воздух ночи на клочья рвут
Сорок пар серебряных крыл —
Рукава боевых кольчуг.

Встало солнце в тройном венце —
Красном, желтом и золотом,
И на огненном жеребце
Облетело степи кругом,
Потеряло тройной венец
В сизой мгле,
В дыму снеговом...

О, веселье храбрых сердец,
Поле чести!
Ты, как магнит,
Их притягиваешь к себе.
Не страшит их твой грозный вид;
Веселясь, бросает храбрец
Горделивый вызов судьбе
И с улыбкою на устах
Погибает за край родной...

Тучей кружится снежный прах,
И поет, поет ледяной
Бесприютный ветер степной
У бойцов двух ратей в ушах.
По широкой степи кругом
Ходят вьюжные столбы,
Чередой влекутся часы,
День сменяется новым днем —
Не колеблются весы
Неуступчивой судьбы.
Для нее Саркоп и Мушкил

Равный груз на чашах весов;
Не хватает у хана сил,
Чтобы Гулаим одолеть,
И не может Гулаим
Пересилить ханских бойцов.

Между тем калмыцкий народ
Глухо волновался,
Гоща
На властителя своего,
Угнетателя, палача
И мучителя своего.
И когда миновал седьмой
День сраженья,
И день восьмой
Наступил,
И сам Азраил
Тяжкий меч на снег уронил
И смежил крыла за спиной,—
Угнетенный народ восстал,
Оружейный склад разгромил,
Превратил золотой дворец
В груды пепла, в кучу камней,
Десять тысяч ханских коней
Оседлал,
Покинул Мушкил
И оружие обратил
Против ханских войск.
Вот когда
Дело мести пошло на лад!

Тут, прокляв свой черный удел,
Хан поверх кольчуги надел
Золото-парчовый халат,
Сел на своего скакуна,
Ноги сунул в стремяна,
Тронул повод,
Поскакал
И павлином золотым
Неожиданно предстал
Пред очами Гулаим,
Говоря:

«Батыром прямым
Ты себя считаешь зря,

Ты не лев.
Ты — муха.
Гляди,
Попадешься мне под ладонь,
То-то взмолишься:
«Пощади!»
То-то затоскуешь:
«Не тронь,
Я у матери, мол, одна,
Сердце, мол, у меня в груди
Меньше макового зерна...»
А и казнь тебе поделом:
Не равняйся, муха, со львом!
Вспомни, глупая, кто твой хан,
Глянь-ка на меня, Гулаим!
Я батыр, а не ты,
Я лев!
И мушиным жальцем своим
Ты, коварная, как шайтан,
Угрожаешь мне, опалев,
Залетаешь в мой гюлистан¹,
Оскверняешь мои цветы,
Похищаешь мой сладкий мед.
Как ты смеешь — злодейка ты! —
Переманивать мой народ?
Лучше брось такие дела,
Убирайся отсюда прочь,
А не то — как выхвачу меч —
Мигом вылетишь из седла!»

И в ответ ему — Гулаим:

«Ты не лев, Суртайша, не хан,
Ты — бахвал, бурдюк, барабан,
Тепь шайтана,
Шайтан-левша,
Вот кто ты такой, Суртайша!
Тем, что под высокий мой стяг
Твой народ, восстав, перешел,
Самого себя укоряй.
Кто калмыкам был первый враг?»

---

¹ Г ю л и с т а н — букв.: «розовый сад»; в переносном смысле — прекрасная страна, земной рай,

Чей мучительный произвол
В нищету поверг этот край?
Кто невинных казнил?
Кто всласть
Кровь народную пил?
Чья власть
Разъедала, точно парша,
Плоть народа твоего?
Ты всему виной, Суртайша,
И теперь твое хвостовство
Не спасет тебя от суда.
Ты по горло погряз во зле
И не спрячешься никуда,
Места нет тебе на земле!

Знаю, Суртайша, для чего
Ты в седло столь поспешно сел
И стремглав поскакал в мой стан.
Страшен вору его удел,
И тебе, самозванный хан,
Сеча эта не по нутру:
Чуешь, видно, ее исход!
Кто с огнем затеет игру —
Пальцы на огне обожжет.

Но — пусть будет так.
Прекратим
Этот кровопролитный бой.
Разрешим батырам своим
На кругу бороться сам-друг.
Вызываю тебя на круг:
Я хочу схватиться с тобой,
Выбить меч у тебя из рук,
Вырвать напрочь твои клыки,
Раздробить тебе позвонки,
Растоптать твой ханский бунчук!»

Трубы медные трубят,
Стяги пестрые шумят,
Кони ржут
Медным трубам в лад,
Удила грызут,
Пятятся назад.
Кони пятятся назад,

Стремена звенят;
Звучно стремепа звоят,
Расступаются войска,
Строятся за рядом ряд.

Глянешь вверх —
Там белым-бело,
Вьются снежные облака,
Ворон — сломанное крыло
По небу летит тяжело...

Глянешь вдаль —
Там белым-бело,
Не видать под снегом песка;
Конь калмыцкий без седока,
Захромав, потеряв седло,
По снегу бежит тяжело...

Глянешь прямо перед собой —
Круг очерчен, утоптан снег,
А в кругу стоит великан,
Полузверь-получеловек:
Стан — что карагач вековой,
Шерсть на груди,
Хвост позади,
Правая —
Львиная нога,
Левая —
Тигриная нога,
Правая рука —
Острога,
Левая рука —
Кочерга,
Клепаная голова,
Уши —
Мельничные жернова,
Ступы каменные
Вместо глазниц,
Стрелы пламенные —
Вместо ресниц,
Гот клыкастый —
Адская пещь,
Нос не нос,
А рыба-лещ,

Неумыт, волосат, космат,
Медными гвоздями оббит,
Крепкими цепями обвит,
В бубенцах с головы до пят.

Трубы грубят,
Стяги шумят,
Начинается правый бой —
Рубится Гулаим с Суртайшой.

Искры вспыхивают, роясь, —
Рубится с ханом Гулаим
И прислушивается, рубясь,
К возгласам своего меча,
И зазубривается, звуча,
Меч ее, как серп,
И другой
Меч зазубривается, чертя
В воздухе дугу за дугой,
За удар ударом платя.

У батыров глаза, как жар,
Ярой ненавистью горят.
Звон,
Свист,
Лязг,
Удар — за удар!
И осколки стальных мечей
Сыплются, словно частый град;
Силы рубящихся — равны.
Трое суток рубка идет,
Верха ни один не берет.

Ветви огненной купины,
Выращенной лязгом клинков,
Доросли до горных высот.
И рычат батыры, гневясь,
И бросают мечи в ножны.

Нетерпением обуян,
Целью в тысячу три звена
Грешко свой неохватный стан
Олоясывает хан.

Трубы трубят,
Стяги шумят,
Начинается борьба,
И глядит на борцов судьба,
И железо сплетенных рук
Раскаляется докрасна́,
И в один слепительный круг
Дни сливаются...
Таает снег,
И сменяет зиму весна;
Степь цветет,
И птицы поют,
И, в зеленой траве шурша,
Пестрые букашки снуют;
И осиливает Суртайша
Благородную Гулаим,
И, подняв ее к небесам,
К этим голубым, золотым,
Трепетным небесам,
К облакам,
На ветру играющим,
Там
Заставляет ее стонать.

Ветер у нее на челе
Осушил проступивший пот.
И швырнул ее Суртайша
Наземь,
И стоял небосвод
Под ногами у Гулаим,
И летела она к земле
Сквозь гудящую пустоту,
Как падающая звезда,
А когда
В трех аршинах земля была,
Вывернулась на лету,
Стала на ноги и пошла
На врага, словно лев, смела,
К солнцу Суртайшу подняла,
И метнула вниз,
И в песок
Вбила вниз головой по крестец.
Тут ему и пришел конец,
И навек забудем о нем!

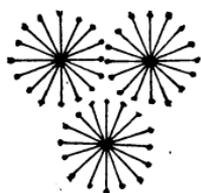
Лучше, милые, поглядим,
Как над степью солнце встает!
Поглядим, как за пядью пядь
Молодая трава растет,
Поглядим, как старуха мать
Обнимает Гулаим,
Как спасенный ею народ
Плачет,
И смеется,
И льнет
К дочери любимой своей;
Взглянем на хорезмийского льва,
Милого супруга ее,
И на сорок ее подруг;
И с любовью благословим
Благородную Гулаим.
Да ликует ее супруг,
И да будет она жива
В песнях и в потомстве своем!

Трубы трубят,
Стяги шумят,
Струны звенят;
Струнам в лад
Мы славу поем.

Меч народа — непобедим!
Дух народа — несокрушим!

Слава,
Слава,
Слава тебе, Гулаим!

Переводы

ИЗ АРАБСКОЙ ПОЭЗИИ

АБУ-ЛЬ-АЛЯ АЛЬ-МААРРИ

(973—1057)

* * *

Восковая свеча золотого отлива
Пред лицом огорчений, как я, терпелива.

Долго будет она улыбаться тебе,
Хоть она умирает, покорна судьбе.

И без слов говорит она: «Люди, не верьте,
Что я плачу от страха в предвиденье смерти.

Разве так иногда не бывает у вас,
Что покатятся слезы от смеха из глаз?»

* * *

Я множество дорог оставил за спиною,
И плачут многие, разлучены со мною.

Судьба гнала меня из края в край вселенной,
Но братьев чистоты любил я неизменно.

Друзьями стали мне года разлук с друзьями.
О расставания, когда расстанусь с вами?

* * *

Горделивые души склонились к ногам
Беспощадных времен, угрожающих нам.

Даже капля единая слезного яда
Опьяняет сильнее, чем сок винограда.

О душа моя, жизни твоей не губя,
Смерть не тронула крыльями только тебя.

Поражают врага и копьем тростниковым,
Сердце кровоточит, уязвленное словом.

Подгоняя своих жеребят, облака
Шли на копыта трепещущего тростника,

Или то негритянки ходили кругами,
Потрясая под гром золотыми жезлами?

Если кто-нибудь зло на меня затаит,
Я, провидя коварство, уйду от обид.

Потому что мои аваджийские кони
И верблюды мои не боятся погони.

* * *

Жизнью клянусь: мне уехавшие завещали
Незаходящие звезды великой печали.

И говорил я, пока эта ночь продолжалась:
«Где седина долгожданного дня задержалась?

Разве подрезаны крылья у звезд, что когда-то
Так торопились на запад по зову заката?»

* * *

Скажи мне, за что ты не любишь моей седины,
Постой, оглянись, я за нею не знаю вины.

Быть может, за то, что она — как свечение дня,
Как жемчуг в устах? Почему ты бежишь от меня?

Скажи мне: достоинство юности разве не в том,
Что мы красотой и приятностью внешней зовем, —

В ее вероломстве, ошибках, кудрях, что черны,
Как черная участь разумной моей седины?

КОЛЬЧУГИ

1

Кто купит кольчугу? По кремке кольчуга моя
Тверда и подобна застывшему срезу ручья.

Кошель за седлом, где в походе хранится она,
Как чаша, которая влаги прохладной полна.

Расщедрится кесарь и князю пошлет ее в дар.
Владельцу ее смертоносный не страшен удар.

Он сердцем влечется к струящимся кольцам ее
И пить не желает; ее красота — как питье.

Меня заставляет расстаться с кольчугой моей
Желанье одаривать хлебом голодных людей.

2

Она и в знойный день была как сад тенистый,
Который Сириус поит водою чистой.

Я приоткрыл суму с кольчугою моей,
Что всадника в седле на перст один длинней.

Увидела она кольчугу и сначала
Сережки из ушей и золото бросала,

Потом запястья мне и кольца принесла.
Кольчуга все-таки дороже мне была.

Отец твой мне сулил своих верблюдов стадо
И лучшего коня, но я сказал: не надо.

Мужчине продал бы — и то кольчуге срам.
Неужто женщине теперь ее продам?

Хотела опить вином темно-багряным,
Чтоб легче было ей кольчугу взять обманом.

Я не пригубил бы и чаши тех времен,
Когда своей лозой гордился Вавилон.

Ресницы подыми, весна уже вначале,
И голуби весны окрест заворковали.

Мне самому еще кольчуга по плечу,
Когда я пастухам на выручку лечу.

Сулейму бедную одна томит остуда,
Что ни жиринки нет в горбу ее верблюда.

Забудь о нем и взор на мне останови:
Я вяну, как побег. Я гибну от любви.

Она пугливее и осторожней лани,
Убежище ее — в тенистой аладжане¹.

Когда от Йемена к нам облака идут,
Найдет обильный корм на пастбище верблюдов.

---

¹ А л а д ж а н а — кустарник в Аравийской степи.

* * *

Человек благородный везде отщепенец
Для своих соплеменников и соплеменниц, —

Он вином темно-красным их не угощает
И неопытных девственниц не обольщает.

Наилучшая доля на свете — смиренность:
Даже хлеб наш насытней — благое даренье.

Рассыпается пеплом сгоревшая младость,
И чертоги средь звезд человеку не в радость.

На любовь я отвечу любовью по чести,
Буду льстить, и любовь ослабеет от лести.

Завершается детство к пятнадцатилетию,
К сорока увлеченья не кажутся сетью.

Ты навряд ли доволен одеждой простою,
Но глупцом прослывешь без абая¹ зимою.

Возрастает на этой земле каменистой
Защищенный шипами терновник душистый.

Нет еще окончанья Адамову роду,
Но женитьбой свою не связал я свободу.

¹ А б а й (аба) — плащ из грубой шерстяной ткани; верхняя одежда бедняка.

'Амр зевает, и Халид¹ зевнул большеротый,
Но меня миновала зараза зевоты.

Крылья знаний меня от людей отлучили,
Я увидел, что люди — подобие пыли.

Опален мой камыш и подернут золою,
И теперь я бессилен исправить былое.

Пред судьбою склоняется лев, не противясь,
Держит страх куропатку степную, как привязь.

Радва² и не заметила воинств на склонах,
А Кубба³ захлебнулась в походных знаменах.

Преступленья свершает отец, порождая —
Все равно — мудреца иль правителя края;

Чем твой сын даровитей, тем выше преграда
Между вами, тем больше в душе его яда:

Тьмы загадок на сына обрушил ты разом,
Над которыми тщетно терзается разум.

Днем и ночью писателей алчная стая
Завывает, к обману людей призывая.

Смерть таится средь скал и в долинах просторных
И на поиски жертв посылает дозорных.

Лев дрожит, если близко мечи зазвенели.
Как судьбы не страшиться пугливой газели?

---

¹ Амр, Халид — мужские имена.

² Радва — город в Тихаме (Аравия).

³ Кубба — место около Медины на пути в Мекку.

* * *

Молюсь молитвой лицемера, прости, мой боже!
Но лицемерие и вера — одно и то же.

Порою человек бывает приятен с виду,
А слово молвив, заставляет глотать обиду.

Твердить без веры божье имя и лгать о боге —
Нам с лицемерами такими не по дороге.

* * *

Побольше скромности! Я людям не судья.
Не покриви душой — себя судил бы я.

Когда нам, господи, забвенье ниспошлют
И мы в земле найдем последний свой приют?

Но не спешит душа из-под недвижных век:
Вплоть до истления страдает человек.

* * *

За ночью день идет, и ночь сменяет день.
Густеет злой судьбы губительная тень.

В могилах без числа почивают хаджарийцы¹
И Йемена² цари — святые и убийцы.

Былым правителям давно потерян счет,
А вот Египет — цел, и Аль-Ахса³ живет.

Будь проклята, земля! Пред нами ты в ответе.
Исчадья подлости подлее всех на свете.

О горе, мать-земля! Поистине сама
Ты наставляла нас, и лгут, что ты нема.

На что нам Сахр ибн Амр⁴, иссохший, как Сахара?
Быть может, Аль-Ханса блуждает ланью старой.

Твой океан кипит. Плывающих по волнам
Терзают сто страстей. Куда причалить нам?

И если ты, земля, когда-нибудь любила,
То в гневе своего избранника губила.

---

¹ Хаджарийцы — жители города Хаджара, располагавшегося в Восточной Аравии на побережье Персидского залива.

² Йемен — область Южной Аравии, славившаяся в древности богатством и плодородием земель.

³ Аль-Ахса — область в Восточной Аравии на побережье Персидского залива.

⁴ Сахр ибн Амр — погибший в сражении брат известной древнеарабской поэтессы Аль-Ханса; в своих элегиях она оплакивала смерть братьев, призывая соплеменников к мщению.

Бьет ненависть в чело и валит с ног живых,
И дикость кровь струит из вен отверстых их.

Да не смутит тебя ни вид их величавый,
Ни власть мгновенная, ни блеск их дутой славы!

Не много радостей извели они,
И не по воле их пришли дурные дни.

* * *

Когда присмотришься к живущим на земле —
Что человек, то прав. Но все равны во зле.

И если на меня похожи дети Евы,
То что вы стóбите? Да пропадите все вы!

Как бейт ¹ с неправильным по метрике стихом,
Как вздор, написанный неграмотным писцом,

Так ваша близость мне под жалкой вашей сенью.
Пора недужный дух предать уединенью.

Хоть до Лива ар-Рамль ² ты, странник, не дошел,
Довольно, отойди! Засох древесный ствол.

И на висках твоих в напоминанье света
Белеет старости печальная примета.

И веки у тебя слезятся потому,
Что жаль последних звезд, чуть брезжущих сквозь тьму.

---

¹ Бейт — двустопишие.

² Лива ар-Рамль — название местности. Смысл фразы — «не достиг желаемого».

* * *

От взора свет бежит. Сиянье меркнет: Вера —
Вооружение лжеца и лицемера.

Ужель прольется дождь небесных благ для тех,
Кто забывает стыд среди земных утех?

О лживый мир! А мы не знали, что в мечети
Безгрешны все подряд, как маленькие дети!

О жалкая земля, обитель горя, плачь!
Тебя хулил бедняк и посрамлял богач.

О вы, обман и ложь призвавшие в подмогу!
Поистине, из вас никто не близок богу.

Когда бы по делам господь судил людей,
Не мог бы избежать возмездия злодей.

А сколько на земле мы видели пророков,
Пытавшихся спасти людей от их пороков,

И все они ушли, а наши беды — здесь,
И ваш недужный дух не исцелен поднесь,

Так предопределил господь во дни творенья
Созданьям рук своих, лишенным разуменья.

* * *

Восславим Аллаха, кормильца земли!
Отвага и стыд от людей отошли.

Для щедрого сердца в смертельной болезни
Могильный покой всех бальзамов полезней.

Опеку возьму я над опекуном —
Душой, обитающей в теле моем.

И денно и ночью в толпе правоверных
Искал я молящихся велицемерных.

Нашел я, что это бессмысленный скот,
Который вслепую по жизни бредет.

А кто половчей, тот с повадкой пророка
В гордыне великой вознесся высоко.

Посмотришь, одни — простецы и глупцы,
Другие — обманщики и хитрецы.

Безропотность за благочестье сочли вы?
Тогда и ослы ваши благочестивы,

Чесоточные, под ветрами степей,
Они, безглагольные, вас не глупей.

Мы нищие души: то рвань, то заплаты...
Но всех на поверку беднее богатый.

Мы смерть ненавидим и в жизнь влюблены,
А радостью любящих обойдены.

При жизни мы верных друзей не встречали,
По смерти мы внемлем притворной печали.

Познало бы солнце, что блещет впотьмах,
Жалело бы о расточенных лучах.

* * *

Я горевал, когда под оболочкой дня
Все больше голова белела у меня.

Но чернота волос... быть может, это грязь?
И зубы чистые блестят, как день, светясь.

Мы любим эту жизнь, подобную любви
Тем, что сердца у нас и от нее в крови.

Стенает человек: «Продлись!» А жизнь — в ответ:
«Ни часа лишнего! Теперь на мне запрет».

Когда же кончится безвременье разлук
И встретит жизнь свою ее влюбленный друг?

Не раз твой верный щит спасал тебя от стрел.
Смирись и брось его, когда твой час приспел.

Я не похож на тех, кто, чуя смерти сеть,
Твердит, что все равно — жить или умереть.

Молитву совершать приходится, когда
Для омовения принесена вода.

Решимости былой тебя лишает ночь.
Друзья-созвездия спешат тебе помочь.

О верные друзья моих незрячих глаз,
Ведите и меня встречать последний час!

Нет горше ничего, чем жизни маета.
А горек твой глоток, так выплюнь изо рта.

* * *

Что со мною стряслось? Я сношу терпеливо беду,
Бейтам Рубы¹ под стать, перемены судьбы я не жду.

Стал я точным подобием слабого звука в глаголе.
Над врачами смеются мои застарелые боли.

Жизнь моя затянулась, пора мне домой из гостей,
Мать-пустыня взыскует моих долгожданных костей.

Разве я из-за пьянства дойти не могу до постели?
От ночных переходов колени мои ослабели.

Надоела мне жизнь, истомил мою душу народ,
Чей правитель нещедрый лишил его добрых забот.

Говорят, что правитель — народу слуга и защита,
А у нас попеченье о благе народа забыто.

Убедился я в том, что не вдосталь еды у людей,
Что подлейших из подлых писатели наши подлей.

То и дело хадисы² твердят напзусть грамотей,
А богатство их сделало крыс ненасытных жаднее.

Преступи хоть на палец предел установленных прав,
Отвернется твой друг, отщепенцем тебя обозвав.

---

¹ Руба ибн аль-Аджжадж — арабский поэт VIII в. В данной строке содержится, очевидно, намек на однообразие его стихотворных форм.

² Хадисы — предания о жизни и речах основоположника ислама пророка Мухаммеда.

Так размеренный стих, измени в нем единое слово,
Даже букву одну, — от себя отвращает любого.

Спящий сном любовался, а жизнь безвозвратно прошла.
Чем же сон одарил его, кроме убытка и зла?

Славь деянья создавшего землю тебе на потребу,
Над которой созвездия пламень проносят по небу!

Знает зависть и конь, на чужую косится судьбу
И завидует тем, что со звездочкой белой во лбу.

Жизнь — как женщина в дни очищенья: желанна,
Да помочь нам не может. Но жизнь такова постоянно.

Не пресытившись ею, от жизни уходит богач;
Бедный тоже уснет и не вспомнит своих неудач.

Спорят, ссорятся жизнелюбивые законоведы,
Ищет мудрость их мнимая славы и легкой победы.

Я пристрастие к жизни хотел бы себе запретить,
Но лица не могу, не могу от нее отвратить.

* * *

Ученых больше нет, и мрак объемлет нас,
А человек простой в невежестве погряз,

Приметных некогда, как вороные кони,
Наставников лишась в годину беззаконий.

И жены и мужи, мы все до одного —
Рабы ничтожные для бога своего.

Ему подвластно все: и месяц, и Плеяды,
И полная луна, и горные громады,

Звезда Полярная, созвездье Льва, заря,
И солнце, и костер, и суша, и моря.

Скажи: «Велик господь, руководитель света!» —
Тебя и праведник не упрекнет за это.

О брат, недолго мне терпеть земную боль.
У неба испросить прощенья мне дозволи!

Ты скажешь: праведность. Но это только слово, —
Есть лица, имена — и ничего иного.

Хадисы вымыслил обманщик в старину,
Чтоб ради выгоды умы держать в плену.

Взгляни на сонмы звезд. По мне узоры эти —
Судьбою над людьми раскинутые сети.

Дивлюсь: невыносим судьбы железный гнёт,
Один ее удар сильнейшим спину гнет,

А людям невдомек, что смерть играет ими,
Когда горбы могил встают над их родными.

Неправда на земле царит с начала дней
И в ярости казнит мудрейших из людей.

От смерти, Асами, бежать не стоит в горы:
Непререкаемы у смерти приговоры.

Четыре составных ¹ слились в живую плоть,
Одна стремится часть другие побороть;

Здорова плоть, когда в ладу они друг с другом,
А несогласье их предшествует недугам.

Наш век и нем и груб; напрасно хочешь ты
Понять невнятные сужденья немоты.

Жизнь — полосы ночей, сменяющихся днями:
Змея двухцветная, ползущая за нами.

Пред смертью мы в доягу; в определенный час
Займодавица всегда находит нас.

Из чистого ключа спешит напиться каждый
С тех пор, как в бны дни погиб Кааб от жажды ².

И лилии садов, и мирные стада,
И стаи хищные равно поит вода.

Когда бы дел своих последствия мы знали,
Как воду, кровь тогда мы лили бы едва ли.

Кто сострадателен от первых лет своих,
Тот сострадания достойней остальных.

---

¹ Четыре составных — средневековые арабы полагали, что весь материальный мир состоит из комбинации четырех стихий, борющихся между собой: огня, воздуха, воды и земли.

² Согласно легенде, некий Кааб пренебрег источником и погиб в пустыне от жажды.

Мы правды не хотим и гневно хмурим брови,
Когда нам говорят, что грех у нас в основе.

Адам, я вижу твой поросший шерстью лоб
И Еву из числа пятнистых антилоп.

Мы — пища времени. Никто в заботах света
Не плачет над конем разбойного поэта ¹.

Мир в замешательстве, как зверь в морских волнах,
Как птица в грозовых кипящих облаках.

Душистый аль-бахар ², питомец мирной лени,
Шипами защищен от наших покушений.

Жизнь — быстролетный миг, и мало пользы в том,
Что колют нас копьем и рубят нас мечом.

В ком сердце черное, тот черен сам и слуха
Лишен, тогда как я — всеслышащее ухо.

Ты выпустил стрелу, попала в цель стрела,
Зато душа твоя до цели не дошла.

Рок благородного ввергает в море бедствий.
Амр ³ матери своей лишился в раннем детстве.

Главою крепости был Самуил-поэт,
Она еще стоит, а Самуила нет.

На собеседника Плеяда перст уставит,
И смерть ваш разговор прервать его заставит.

Персты шести Плеяд, причастных небесам,
О силе божией свидетельствуют нам.

---

¹ Конь разбойного поэта — имеется в виду древнеарабская легенда о кобылице, принадлежавшей древнеарабскому воину-разбойнику Сулейку ибн ас-Салаку.

² Аль-бахар — вид растения с приятным запахом.

³ Амр ибн-Дарма — знаменитый древнеарабский бедуинский воин.

Разумный человек — безумного подобье,
Все беды для него судьба готовит в злобе.

В могиле мать и дочь. Коса расплетена,
Коса заплетена... Но смерти смерть равна.

Видения весны крошечной белизною
И дикой чернотой подменит время зноя.

Пересекающий безводные края,
Ведущий к смерти путь возненавидел я.

Окрест ни пороха, ни дружественной речи.
Мой путь — двуострый меч, всегда готовый к сече.

Зачем же благ земных не делит с бедным тот,
Кто вдоволь ест и пьет и в роскоши живет?

* * *

Живу я надеждой на лучшие дни.
Надежда советует: «Повремени!»

Душа моя тешится горьким вином,
Доколе мне смерть не прикажет: «Идем!»

* * *

Добивается благ только тот, кто привык
И в горячке держать за зубами язык.

Обернется грехом торопливая речь,
А молчанью дано от греха уберечь.

Если низкий вознесся превыше горы,
То высокий — посмешище смутной поры.

Ты, что хочешь бежать от невзгод, не спеши!
Что ни дом — ни одной беспечальной души.

Нет под кровлями необещенных жен,
Сын Адама багряным вином опьянен.

Скоро в нищей одежде правитель страны
Снидет в царство, где нет ни дворца, ни казны.

* * *

Дочерей обучайте шитью да тканью, а письму
Или чтению внятному их обучать ни к чему.

Сила женских молитв — добродетель и память добра,
А Коран не для них: что им Юнус и что Бараа?¹

Ты певец из-за полога слышишь, и видит твой взор,
Как бездушную ткань сотрясает и морщит позор.

---

¹ Ю н у с — название 10-й суры Корана. Б а р а а — название 9-й суры Корана,

* * *

Когда в науке нет ни сердцу обороны,
Ни помощи уму — пускай умрет ученый!

Судьбы не изменить: ее судил Аллах,
И мудрость мудрецов развеялась, как прах.

Не может человек бежать велений бога,
От неба и земли отвлечься хоть немного.

По торному пути покорным чередом —
Потомки умерших — мы к пращурам идем.

Давно я не дивлюсь тому, что пресыщенье
И муки голода — в противоположенье.

Стреляю, но врага щадит моя стрела,
Зато стрела судьбы мне прямо в грудь вошла.

В побеге лиственном сокрыта кость людская,
И кровь от корня вверх течет, не иссякая.

Зло не смыкает глаз и головы сечет,
Как предугадывал разумный звездочет.

Растратив золото на щедрые даянья,
Великодушие лишается признанья.

Жизнь порождает страх, и люди как во сне
Летят во весь опор у страха на спине.

Проснитесь наконец, обманутые дети!
Вы слепо верите лжецам былых столетий.

Корыстолюбие, не знавшее препон,
В могилу их свело, и умер их закон.

Они твердили вам, что близок день последний,
Что свет кончается — но это были бредни,

Но это ложь была! Не слушайте речей
Извечной алчностью палимых главарей!

И ближний, как чужак, порой наносит рану.
Благоразумие да будет вам в охрану.

Я сердце оградил от радостей земных,
Когда увидел смерть в числе врагов своих.

* * *

О, земные цари! Вы мечтаете смерть обмануть,
Но единым злодейством означили жизненный путь.

Что же истинной доблести вы не спешили навстречу?
Даже баловень женский порой устремляется в сечу.

Люди верят, что будет наставник ниспослан судьбой,
Чья высокая речь зазвучит над безмолвной толпой.

Не томись в ожиданье, надежду оставь, земножитель!
Для тебя твой рассудок — единственный руководитель.

Он во благо тебе, чти его справедливый устав
И в скитаньях своих, и на якорь у пристани став.

Это множество сект для того существует на свете,
Чтоб царей и рабов завлекать в хитроумные сети.

Люди чашами пьют наслаждений губительный яд,
Ни смиренницы юной, ни гордой жены не щадят,

Как восстания зинджей¹ жестокий главарь или злобный
Вождь карматский... Поистине, все на земле им подобны.

Удались от людей, только правду одну говорящий,
Ибо правда твоя для внимающих желчи не слаще.

---

¹ Восстание зинджей — восстание чернокожих рабов в Южном Иране и в Хузистане (869—883 гг.). Предводитель зинджей Али ибн Мухаммед создал государство зинджей в Южном Ираке, провозгласив себя в 879 г. халифом.

* * *

Ни на один приказ, ни на один совет
Мне от моей души в ответ ни слова нет.

В ошибках каяться? Но поглядите сами:
Числом они равны песчинкам под стопами.

Существование не стоит мне забот.
Не все ли мне равно, кто хлеба принесет

И кто мне уделит от своего запаса —
Плеяды, Сириус иль звезды Волопаса?

* * *

О, сердце, горсть воды, о, сердце наше, где
Причуды мечутся, как пузырьки в воде!

Что изменяет их, и что там колобродит,
И что Асму и Хинд¹ в минувшее уводит?

Словарь — что человек: в нем и добро и зло.
В составе нашем все, что мрачно и светло.

Мы будем времени служить питьем и пищей,
Доколе в богача не превратится нищий.

Как сокол — кроликов, лишенный прежних сил,
В несчастье Кайс² врагов о милости просил.

По мне к достойнейшим такой не сопричтется:
Душе пристало пить из чистого колодца.

---

¹ Асма, Хинд — женские имена.

² Кайс (Имрулькайс) — знаменитый древнеарабский поэт VI в. Сын вождя племени асад, он, поссорившись с отцом, отправился странствовать, но, узнав о судьбе отца, убитого соплеменниками, поклялся отомстить за него. Он обращался за помощью к вождям аравийских племен, правителю гассанидского княжества и даже к византийскому императору Юстиниану.

* * *

В Египте — мор, но нет на свете края,
Где человек живет, не умирая.

Рассудок наш у смерти на виду
Пытается предотвратить беду.

Какой араб, иль перс, иль грек лукавый
В расцвете сил, величия и славы —

Пророк иль царь — остался невредим,
Когда судьба открылась перед ним?

Закон стрелы: лететь быстрее, чем птица,
Щадить стрелка и крови не страшиться.

Своей спиной, как пленные рабы,
Мы чувствуем следящий взор судьбы.

* * *

Разумные создания бессмертного творца
Идут путем страдания до смертного конца,

И смертным смерть вручает подарок дорогой:
Наследникам — наследство, покойнику — покой.

* * *

Говорящим: «Побойся всезрящего бога!» —
Отвечай: «Хорошо, погодите немного!»

Семизвездью, играющему в буккару¹,
Уподоблю цветы и траву на ветру.

Но никто из живых ни в почете, ни в славе
Уподобиться канувшим в землю не вправе.

Я другим подражаю, стараюсь и я
Приспособиться к путанице бытия.

Многим смысл бытия разъясняет могила,
А меня жизнелюбие опустошило.

Мне, по правде сказать, не опасен сосед,
Я и знать не желаю — он друг мне иль нет,

Потому что моя пекрасива невеста
И насущный мой хлеб не из лучшего теста.

---

¹ Буккара — детская игра.

* * *

Одно мученье — жизнь, одно мученье — смерть.
Но лучше плоть мою прими, земная твердь!

Пуста моя рука и небо пересохло,
Но жадно смотрит глаз и ухо не оглохло.

Глядите: человек выходит со свечой,
Чтоб высоко поднять огонь во тьме ночной.

Ему потребен врач, он тешится надеждой
Насытить голод свой и плоть прикрыть одеждой.

Но тот, кто спит в земле, избавясь от забот,
Ни разорения, ни прибыли не ждет.

Копье, петля и меч ему всю жизнь грозили,
Он покорялся их неодолимой силе,

Но не страшится он в объятиях земли
Ни длинного копья, ни шелковой петли,

Ни острого меча. Лишившемуся тела
До кличек и обид нет никакого дела.

За брань и похвалы, покинув этот свет,
Он благодарен всем. Но мертвым счастья нет!

Пускай завистники своей достигнут цели,
Чтоб смерть у мертвецов отнять не захотели,

Душа-причудница служанку-плоть бранит,
А плоть покорствует и верность ей хранит

И каждый замысел своей хозяйки вздорной
Спешит осуществить исправно и покорно.

Растение плоду все соки отдает,
А человек ножом срезает этот плод.

И кто-то седину закрашивает хною;
Но как же быть ему со сгорбленной спиною?

И кто-то вздор несет, рассудок потеряв,
Пока не хватит смерть безумца за рукав.

Все на одно лицо: исполненный гордыни
Сын знатной женщины и жалкий сын рабыни.

Смерть приготовила напиток для меня
И сохранит его до рокового дня.

Хоть время говорит отчетливо и внятно,
А все же речь его не каждому понятна.

И тлен и золото — у времени в руках.
Где прежде был дворец, там вьется мелкий прах.

Обитель райская открыта человеку,
Зане он совершил паломничество в Мекку!

* * *

Довольствуй ум досужий запасом дум своих,
Не обличай порока, не укоряй других.

Своей бедой не надо судьбе глаза колоть,
Когда преступно сердце и многогрешна плоть.

Хоть привяжись он втайне веревкою к звезде,
От смерти злой обидчик не спрячется нигде.

Разит, как рот девичий, смертельное копьё,
Меж ребер клык холодный — и ты в руках ее.

Она и без кольчуги — что дева без прикрас.
Хинд и Зейнаб — вот поле ее войны сейчас.

Верблюд изнемогает и дышит тяжело,
А смерть опять бросает добычу на седло.

Повержен храбрый воин, и кровь, как водомет,
Шипит в глубокой ране и прямо в небо бьет.

Теперь его согбенной не выпрямят спины
Ни конь великолепный, ни трубный клич войны.

* * *

Ты в обиде на жизнь, а какая за нею вина?
Твой обидчик — ты сам. Равнодушно проходит жена,

И у каждого сердце палящей любовью объято,
Но красавица в этом пред встречными не виновата.

Говорят, что — бессмертная — облика ищет душа
И вселяется в плоть, к своему совершенству спеша.

И уходит из плоти... По смерти — счастливым награда
В благодатном раю, а несчастным — страдания ада.

Справедливого слова не слышал питомец земли,
Истязали его, на веревке по жизни влекли.

Если мертвая плоть не лишается всех ощущений,
То, клянусь тебе, сладостна смерть после стольких
мучений.

* * *

От мертвых нет вестей, ушли, не кажут глаз,
Но, может быть, они богоугодней нас?

В неотвратимый час душа дрожит от страха.
Но долголетие... уж лучше сразу — плаха.

Все люди на земле сойдут в могильный прах —
И здесь, в родном краю, и там, в чужих краях.

Обречена земля искать питья и пищи;
Вода и хлеб ее — то царь, то жалкий нищий.

Нам солнце — лучший друг, а мы бесстыдно лжем,
Что поделом его бранят и бьют бичом¹.

Во гневе месяц встал, едва земля заснула;
Но и его копые с налету смерть согнула.

Всевидящий рассвет уже заносит меч,
Чтоб людям головы сносить наотмашь с плеч.

---

¹ Нам солнце — лучший друг... — имеется в виду исламское поверье, будто солнце каждый раз противится восходу и ангелы с бранью поднимают его насильно.

* * *

Подобно мудрецам, и я теперь обрушу
Разгневанную речь на собственную душу.

Из праха плоть пришла и возвратится в прах,
И что мне золото и что стада в степях?

О низости своей толкует жизнь земная
На разных языках и, смертных удивляя,

Разит без промаха своих же сыновей.
Мне, видно, суждено не удивляться ей.

Я жил — и жизнью сыт. Жизнь — курица на блюде,
Но в сытости едой пренебрегают люди.

У жизнелюбия — причина слез во всем:
И в солнечных лучах, и в сумраке ночном.

От вздоха первого в день своего рожденья
Душа торопится ко дню исчезновенья.

Верблюды и быки спешат на водопой
Прямой, проверенной и правильной тропой.

И как путем кривым идти не страшно людям
Под копытами судьбы, нацеленными в грудь им?

“ Мне опротивел мир и мерзость дел мирских,
Я вырваться хочу из круга дней своих.

Отбрось тяжелый меч и щит свой бесполезный.
Смерть опытней тебя. Она рукой железной

И голову снесет, и в цель стрелу пошлет,
И распылит войска — непрочный твой оплот.

Она взыскует жертв и насыщает щедро
Телами нашими земли немые недра.

---

* * *

Никогда не завидуй избранникам благополучия.
Жизнь их тоже смертельна, и все мы зависим от случая.

Чувства тянутся к миру, и страждет душа неразумная.
Есть у времени войско, а поступь у войска — бесшумная.

Если б знала земля о поступках своих обитателей,
Верно, диву далась бы: на что мы свой разум растратили?

Лучше б не было Евы с повадкой ее беспокойною.
Влажность ранней весны превращается в засуху знойную.

О невыгодном выборе ты не жалеешь пока еще,
Но ты сломлен, очищен и ветвью поник увядающей.

Не для мирной молитвы ты прячешься в уединении,
Ты себя устыдился, бежал от стороннего мнения.

Мне — душа: «Я в грязи, я разбита и обезоружена!»
Я — душе: «Примиришь! Эта кара тобою заслужена».

* * *

На свете живешь, к наслаждениям плоти стремясь,
Но то, что приносят тебе наслаждения,— грязь.

Измыслил названия, сушу и воды нарек,
И месяц, и звезды... Но как ты солгал, человек!

Тот взор, что на солнце порочная плоть возвела,
К земле на поверку притянут веревками зла.

* * *

Муж приходит к жене, ибо страсть отягчает его,
Но от этого третье родится на свет существо.

И пока девять месяцев будут друг друга сменять,
Истомится под бременем тяжким страдалица-мать.

К тем извечным стихиям она возвратится потом,
От которых мы все родословные наши ведем.

* * *

Так далеко зашли мы в невежестве своем,
Что мним себя царями над птицей и зверьем;

Искали наслаждений в любом углу земли,
Того добились только, что разум растрясли;

Соблазны оседлали и, бросив повода,
То вскачь, то рысью мчимся неведомо куда.

Душа могла бы тело беречь от всех потерь,
Покуда земляная не затворилась дверь.

Учи тому и женщин, чье достоянье — честь,
Но будь поосторожней! Всему границы есть.

Прелюбодейка спрячет под платом уголь глаз,
И верная откроет свое лицо подчас.

Дни следуют за днями, а за бедой — беда.
От зла на белом свете не скрыться никуда.

Гостить у нас не любят ни тишь, ни благодать:
Того, что ненавистно, от нас не отогнать.

Порой благоденье ущерб наносит нам,—
Тогда врагов разумно предпочитать друзьям.

Приди на помощь брату, когда он одинок.
Душе во благо веет и слабый ветерок.

* * *

В обиде я на жизнь иль не в обиде,
Но смерть свою приму я, ненавидя.

В ожесточенье ждет моя природа
Ее неотвратимого прихода.

Но я столь грозной силе не перечу
И терпеливо движусь ей навстречу.

Уйду — и все несчастья и тревоги
Останутся на жизненной дороге.

Я — как пастух, покинутый в пустыне,
Забочусь о чесоточной скотине.

Как дикий бык, лишенный прежней мощи,
Ищу губами хоть травинки тощей.

Но вскоре у забвения во власти
Я распадусь на составные части.

Не знаю дня такого, чтобы тело
Помолодело, а не постарело.

И у меня, о дети Евы, тоже
Проходит страх по ежащейся коже.

Непритуплённый меч, готовый к бою,
Навис и над моею головою.

Удар меча тяжел, но смерть в постели,
А не в сраженье во сто раз тяжеле.

С природой нашей вечное боренье
Приводит разум наш в изнеможенье.

Я заклинаю: встань, жилец могилы,
Заговори, мой брат, немой и хилый.

Оповести неопытного брата —
Какими хитростями смерть богата?

Как птичьей стаей сокол бьет с налета,
Так на людей идет ее охота.

Как волк бродячий режет скот в загоне,
Так смерть — людей в юдоли беззаконий.

Ее клеймо — на стае и на стаде,
Она не слышит просьбы о пощаде.

Я думаю, все небо целокупно
У смерти под рукою неподкупной.

Настань их время — звезд не сберегли бы
В своих пределах ни Весы, ни Рыбы.

Все души зрит ее пустое око
Меж точками заката и востока.

Подарком не приветив человека,
Смерть входит в дом араба или грека

И, радуясь, не отвращает лика
От смертной плоти цвета сердолика.

Она — любовь. У любящих в природе
Пренебрежение к прежней их свободе.

Ушедших не тревожит посетитель:
Удалена от мира их обитель.

И я гордился черными кудрями,
Как вольный ворон черными крылами.

Но жизнь прошла, и старость поразилась:
Как в молоко смола преобразилась?

Бурдюк с водой — и ничего иного
Нет у меня для странствия ночного.

* * *

Рассудок запрещает греховные поступки,
Но к ним влечет природа и требует уступки.

В беде житейский опыт не может нам помочь:
Мы доверяем кривде, а правду гоним прочь.

* * *

Я мог на гòре им увлечь их за собой.
Дорогой истины иль близкой к ней тропой.

Мне надоел мой век, я веку надоел.
Глазами опыта я вижу свой удел.

Когда придет мой час, мне сам собою с плеч
Седую голову снесет индийский меч.

Жизнь — верховой верблюд; мы держимся в седле,
Пока воровка-смерть не спрячет нас в земле.

Аль-мутака̀рибу¹ подобен этот мир,
А на волне его я одинок и сир.

Беги, утратив цель! С детьми Адама связь
Наотмашь отруби, живи, уединясь!

Сражайся иль мирись, как хочешь. Друг войны
И мирной жизни друг поистине равны.

---

¹ Аль-мутака̀риб — один из стихотворных размеров арабской поэзии. Здесь: символ однообразия.

* * *

Лучше не начинайте болтать о душе наобум,
А начав, не пытайте о ней мой беспомощный ум.

Вот прощенья взыскав, человек многогрешный и слабый
Носит крест на груди иль целует устои Каабы¹.

Разве скину я в Мекке невежества душный покров
Средь паломников многих из разноязыких краев?

Разве чаша познания для уст пересохших найдется
У паломников йеменских, не отыскавших колодца?

Их пристанища я покидаю, смиренен и тих,
Чести их не задев, не унизив достоинства их.

Молока не испив, ухожу, и погонщикам стада
Слова я не скажу, будто мне молока и не надо,

И в могиле меня обоймет утешительный плен,
Не разбудит в ночи завывание псов и гиен.

Тьмы рабов у тебя, ты несметных богатств обладатель,
Но не рабской неволей ты столь возвеличен, Создатель!

---

¹ Кааба — главное мусульманское святилище в Мекке с находящимся там священным «черным камнем».

* * *

О, племя писателей! Мир обольщает ваш слух
Напевом соблазнов, подобным жужжанию мух.

Кто ваши поэты, как не обитатели мглы,—
Рысучие волки, чья пища — хвалы и хулы.

Они вредоносней захватчиков, сеющих страх,
Как жадные крысы, они вороваты в стихах.

Ну что же, примите мои восхваленья как дань:
В них каждое слово похоже на резкую брань.

Цветущие годы утратил я в вашем кругу
И дней моей старости с вами делить не могу.

Уже я простился с невежеством ранним своим,
И хватит мне петь племена ар-рабаб и тамим¹.

---

¹ Ар-рабаб и тамим — бедуинские племена древней Аравии.

* * *

Сколько было на свете красавиц, подобных Плеядам,
А песок и для них обернулся последним нарядом.

Горделива была, отворачивалась от зеркал,
Но смотреть на нее — другу я бы совета не дал.

* * *

Поистине, восторг — души моей природа,
Я лгу, а ложь душе — напиток слаще меда.

Есть у меня господь, и, если в ад сойду,
Он дьяволу меня терзать не даст в аду

И жить мне повелит в таких пределах рая,
Где сладкая вода течет, не убывая.

Тогда помои пить не мне в аду на дне,
Смолу на темя лить никто не будет мне.

* * *

На волю отпущу, поймав блоху, затем,
Что воля — лучший дар, чем нищему дирхем¹.

Как чернокожему из Кинда², что в короне,
Так этой черненькой, что на моей ладони,

Мила́ земная жизнь: и у нее одна
Душа — не более горчичного зерна,

---

¹ Дирхем — мелкая монета.

² Чернокожий из Кинда — прозвище родоначальника
и вождя одного из южноаравийских бедуинских племен.

* * *

Вино для них светильники зажгло.
Что им копьё, уздечка и седло!

Они встают с постелей в поздний час.
Вино блестит, как петушиный глаз.

Под кожей пальцев их, как муравьи,
Ползет — и разбегается в крови,

Освобождает разум от забот
И горести нежданные несёт.

Пьют — и судьбы не ведают своей,
Лишившей их дворцов и крепостей.

И благородства первую ступень
Преодолеть не потрудились лень.

А жизнь моя проходит, как в аду,
И от нее подарков я не жду.

Одна теперь надежда у меня
На господина звездного огня.

* * *

Он юлит и желает успеха во всем.
Было б лучше тебе повстречаться со львом!

Обманули тебя: ничего, кроме зла,
Эта дружба коварная не принесла.

Если ты не бежишь от людей, почему
При тебе ни лисицы, ни волка в дому?

Не теряй головы при нашествии бед.
Ты преступней, чем твой многогрешный сосед;

Ты встаешь на рассвете для мерзостных дел,
Хоть немало в ночи совершить их успел.

Море зла на погибель нам сотворено:
Умирая от жажды, уходишь на дно.

* * *

Я не спугнул ее, но птица улетела,
И я доверился крылам ее всецело¹.

Мне проповедники разнообразных вер
И толкователи с их бредом — не в пример.

«Плоть — в землю, а душа — куда спешит из плоти?»
У них на свой вопрос ответа не найдете.

Когда наступит срок, хотим иль не хотим,
Душа, полна грехов, пойдет путем своим.

Избрали бы грехи другую оболочку —
Судья простил бы их и нам не ставил в строчку.

---

¹ Намек на распространенное среди арабов гадание по полету птиц, для чего птицу надо было непременно спугнуть.

* * *

Ты болен разумом и верой. Приди за словом,
И тело снова станет сильным и дух здоровым.

Не убивай того, кто в море нашел жилище,
Четвероногих плоть живую не делай пищей.

Красавиц молоком животных поить не надо:
Чем обворованное вымя утешит чадо?

Не нападай врасплох на птицу, не грабь крылатой:
Насилье — тяжкий грех, который грозит расплатой.

Пчелиного не трогай меда: из дола в долы
За ним к цветам благоуханным летали пчелы

И не затем даянья утра слагали в соты,
Чтоб мы благодарили сборщиц за их щедроты.

Слезами руки отмываю. Зачем же ране —
До седины — не понимал я своих желаний?

Ты разгадал ли, современник, мой брат случайный,
Оберегаемые мною простые тайны?

О заблудившийся во мраке, подобно тени!
Ты не спешил на светлый голос благих стремлений.

Но проповедник заблуждений пришел — и сразу
Ты предал совесть, покорившись его указу.

Взгляни на собственную веру: в ее пустыне
Увидишь мерзость лицемерья и срам гордыни.

Прозрев, не окропляй булата росой багряной,
Не заставляй врача склоняться над свежей раной.

Пришелся бы и мне по праву служитель бога,
Когда б из твоего достатка не брал так много.

По правде, тот хвалы достойней, кто ранней ранью
Встает и трудится до ночи за пропитанье.

Не помышлял для благочестья бежать в обитель,
Среди людей, как бедный странник, ходил Спаситель.

Зарой меня, когда почувешь зловонье тлена,
Иль пусть зловонная схоронит меня гиена.

А кто свои страшится кости смешать с костями,
Тот вживе сам — что кость сухая в могильной яме.

Дурной обычай: мы приходим в одежде черной
И с плакальщицами согласно скорбим притворно.

Я накануне рокового переселенья
Врагу и другу отпускаю их прегрешенья.

Твоей хвалы не принимаю: и лучший воин
Похвал моих за подвиг ратный не удостоен.

Моя душа — верблюд надежный в краю песчаном,
Еще по силам ей угнаться за караваном.

Под тяжестью плиты могильной былую силу
Не восстановит щедрый ливень, омыв могилу.

Была б вода живой водою, тогда бы люди
Дрались из-за могил в болотах, молясь о чуде.

* * *

Удивляюсь тому, кто кричит: «Я не пью!» —
И вином угощает подругу свою.

Отхлебнула немного — и навеселе
Вкось да вкривь побежала по ровной земле.

И до этого глупой была, но питье
Совершенно лишило рассудка ее.

Заикалась и прежде она за столом,
А теперь мы ни слова ее не пойдем.

* * *

Я́ одинок, и жизнь моя пустынна,
И нет со мной ни ангела, ни джинна.

Сгубило время трепетных газелей,
И лишь места их пастбищ уцелели.

Душе нельзя остаться беспорочной:
Порочна плоть, ее сосуд непрочный.

Кто не избрал подруги в дни расцвета,
Тот одинок и в старческие лета.

Я шел путем смиренья и печали,
Я звал людей, но люди опоздали.

* * *

Нет на свете греха. Что же мы осуждаем его?
Право, было бы лучше свое упрекать естество.

Вот лоза, вот вино. Если ты от вина опьянел,
Кто виновней из вас: винопийца? вино? винодел?

* * *

На погребальные носилки слепому лечь —
Ногам его не спотыкаться, слезам не течь.

Не странно ли — старик столетний, горбат, как лук,
И слаб, как тень, дрожит на солнце, бредет — и вдруг

Бросается в обход мечети, и напрямик
Через пустыню за подачкой бежит старик.

* * *

Если корень зачах, то скажите: понятно ли вам,
Что листвою никогда не покрыться голодным ветвям?

Если брат восстает против единокровного брата,
Как согласия законов нам требовать от шарията?

Не бранись, увидав, что скупится иная рука:
Может статься, что вымя уже лишено молока.

Обращайся к беспечным, об истине напоминая:
Без поливки развиться не может и зелень земная.

Как, наследники Евы, от вас мне себя уберечь,
Если злобой у вас переполнены сердце и речь?

Не нужны ни кольчуги, ни шлемы, ни дерзкая сила,
Если вправду исполнится то, что судьба вам сулила.

«Час придет, — говорю, — время всадника сбросит с коня».
Я пугаю сердца. Впрочем, кто побоится меня!

* * *

Твори добро без пользы для себя,
В нем благодарность за него любя.

Хоть землю всю обшарь за пядью пядь,
Души благочестивой не сыскать.

Здесь подданным цари внушают страх.
Как ястребы добыче в их когтях.

Царь у одних достойный, у других
Подлее в притязаниях своих.

Наш обобрал до нитки свой народ,
И слезный дождь из глаз людских идет,

Не размягчая каменных сердец
Придворных, переполнивших дворец,—

Грабителей мечетей и шатров,
Которым гнет — веселье и покров.

* * *

Он взял себе жену и трех в подмогу ей.
«Довольствуйся одной из мужних четвертей», —

Так первой он сказал. Но та нашла замену,
И муж побил ее камнями за измену.

Наследования неявственный закон
И при двубрачии не будет соблюден.

Ты ослабел умом и стал игрушкой сплетни,
Как семилетний — ты, семидесятилетний!

И ты несправедлив и злобой обуян,
И ты, подобно всем, преступник и тиран,

И радуешься ты, что пусто в доме брата,
А у тебя в дому и сытно, и богато.

Когда бы жадности ты не был верный раб,
Ты сжег бы свой колчан и лук из древа наб¹.

---

¹ На б — род дерева, идущий на изготовление луков.

* * *

Сердца у вас — кремень, в чертах лица уныние,
Рты перекошены, глаза от злобы синие.

Я сил не соберу, чтоб странствовать отправиться,
Мне, старому слепцу, не светит даль-красавица.

Забрезжил новый день, и разлетелись вóроны,
И голуби стремглав метнулись во все стороны.

И я в дороге был, домой в изнеможении
Принес бесстыдства кладь и груз неразумения.

Да не сочтешь наград за верность беспорочную,
За искренность молитв на сторону восточную!

Земные твари прочь бегут при блеске молнии,
И сводит смерть с ума их души, страха полные.

О птица! О газель! Не бойтесь ни величия,
Ни мудрости людской: меж нами нет различия.

* * *

Зардели сонмы звезд на ясных небесах,
И веры темный плат разорван в ста местах.

Нет царства, коему не угрожают страсти.
Все, что составилось, рассыплется на части.

Вероучения — плоды земных забот
И себялюбия. Кто к этому придет,

Пусть побоится тот и своего дитяти,
Как высекший огонь бежит его объятий.

Мы — зло. Но не о вас, о люди, говорю:
На секты розные со страхом я смотрю.

Не жди от ближнего ни добрых чувств, ни блага,
Хоть по щекам его бежит смиренья влага.

Но из врагов твоих опасней всех — душа,
Она покинет плоть, изменою греша.

Почившего царя, дарившего улыбки,
Мы за ягненка счесть готовы по ошибке.

О вере не пытай наставников общин:
От каждого из них услышишь вздор один.

Быть может, мнимому дивлюсь я урожаю:
И сад еще не цвел, а я плоды срываю.

Как часто уходил от воздаянья вор
И честная рука ложилась под топор.

Жемчужница сдалась ныряльщику на милость,
А сколько времени на дне морском таилась.

Все время люди лгут, во лжи не видят лжи
И, ложь обосновав, за ложь идут в ножи.

Не стоит спрашивать: «Где ум твой, земножитель,—
Твоих безумных снов напрасный посетитель?»

Еды отведавшим не избежать беды,
Воды возжаждавшим нет в засуху воды.

И черными смотреть иль синими глазами,
Чтоб этот мир понять, кружащийся пред нами?

А вы келейники... вам снится не игра
В уединение, а золота гора!

* * *

Толкуют, что душа легко и смело
Переселяется из тела в тело.

Не принимай суждений ни о чем,
Когда проверить их нельзя умом.

Что тело? Пальма с гордою главою;
Она — трава и сменится травой.

Ты должен мысль от лишнего беречь:
При полировке тает лучший меч.

* * *

Звезды мрака ночного — живые они или нет?
Может быть, и разумны, и чувствуют собственный свет?

Говорят: «Воздаяние ждет за могилой людей».
Говорят и другое: «Мы сгинем, как злаки полей».

Я же вам говорю: «Совершайте благие дела,
Не бегите добра, сторонитесь неправды и зла!»

Мне воочию видно: пред тем как начать переход,
Покаянные слезы душа истомленная льет.

Наши души заржавели в наших телах, как мечи,
Но вернется их блеск, столь же яркий, как звезды в ночи.

* * *

Вы скажете: «Премудр податель бытия!»
«Вы правы,— я скажу,— согласен с этим я».

Тут вы добавите: «В числе его примет
Не только времени, но и пространства нет».

А я скажу в ответ, что это спор пустой:
Проникнуть в суть его не может ум людской.

* * *

Если воли свободной преступник лишен,
То его не по праву карает закон.

Вседержитель, когда он руду создавал,
Знал, что эта руда превратится в металл.

Чем убийца коня подковал? Из чего
Меч, румяный от крови, в руках у него?

Ты на пламень сомнений летишь, — не спеши!
Опасайся пожара смятенной души!

* * *

Пойми значение сменяющихся дней.
Чем ты внимательней, тем речи их слышней.

Все, что случается, поистине похоже
На то, что видел мир, когда он был моложе.

* * *

Умы покрылись ржавчиной порока и разлада.
Когда проржавел меч насквозь, точить его не падо.

Жизнь обещала праздники, а слова не сдержала.
Как ни обидно, истины в хадисах наших мало.

Из множества наставников я лишь рассудку внемлю.
Земное бремя тяжкое повергну я на землю,

На путь добра спасительный ступлю, расправив спину,
Покину мир губительный и суету отрину.

О эта жизнь коварная, царящая над нами,
Столь цепкая веревками, столь крепкая цепями!

Мы в пору созревания встречаемся для боя,
Потом, под старость, прячемся в одной тени от зноя.

А кто живет умом своим, спокоен сердцем, зная,
Что и любовь и ненависть — равно тщета пустая.

* * *

У добродетели две степени. Иль три?
Без предпочтения на спорящих смотри.

В день Страшного суда Аллаху станет жалко
Прилежных тружениц, склонявшихся над прялкой.

Душеспасителен их заработок был.
Терпенье в слабости — залог избытка сил.

Из нитей солнечных носили покрывала,
А пряжу нищете их щедрость раздавала.

Делились крохами опресноков сухих,
И възыщет их судья и возвеличит их.

Комар, которого Всевышний не осудит,
Слоно индийскому по весу равен будет.

Когда земля, трясясь, качнулась тяжело,
Горчичное зерно идущего спасло.

От мук обиженных проистекают муки
Того, кто кровью их свои окрасил руки.

Изгнанник застонал, и, потеряв престол,
Несправедливый царь в изгнание побрел.

* * *

Понятна разумному наша природа.
Достойный правитель — прислужник народа.

Спокойней правителя нищий живет:
Без денег, зато и без лишних забот.

На время пускают в мирскую обитель:
Придет, поживет и уйдет посетитель.

Скорбишь, потому что ушел он сейчас;
Потом не припомнишь закрывшихся глаз.

Приди добровольно в державу разлуки —
Себе я изгрыз бы в раскаянье руки.

Не плачь: разбудивший вернет забытье;
Воздвигший Каабу — разрушит ее.

* * *

Когда тебе жену и впрямь избрать угодно,
Останови, мой друг, свой выбор на бесплодной.

Смертелен каждый путь, каким бы ты ни шел,
Но путнику прямой особенно тяжел.

Так создан этот мир: один подходит к дому,
И дом освободить приходится другому.

* * *

Пора бы перестать печалиться о том,
Что истинных людей не сыщешь днем с огнем.

Ирак и Сирия — добыча разоренья,
И нет правителя, достойного правленья.

У власти дьяволы, и каждая страна
Владыке-сатане служить обречена.

Царь объедается и пьет из чаши винной,
Пока голодный люд терзается безвинно.

Присваивает грек и портит наш язык;
От речи прадедов араб-тайит ¹ отвык.

В бою килабский лис ² достиг такой сноровки,
Что копыя у него обвисли, как веревки.

Когда же наконец объявится имам,
Который цель и путь укажет племенам?

Молись как вздумаешь, теперь не станет хуже
Стране, загаженной, что твой загон верблюжий ³.

---

¹ Араб-тайит — бедуин из племени тай.

² Килабский лис — имеется в виду племя бану килаб, одно из южноаравийских племен.

³ Речь идет о захватнической политике Византии.

* * *

О, ранней свежести глубокие морщины,
Эдема юных лет сухие луговины!

Цель молодой души — утеха и отрада,
Но трудным временам пустых забав не надо.

Надежда смелая беспечный нрав утратит,
Когда ее, как стих, подрубят или схватят.

Неутомима жизнь в изобретенье горя,
А мы свои сердца вверяем ей, не споря!

Давно уже меня газели не страшатся,
Когда в моей степи, насторожась, ложатся.

Оставь, о человек, имущество пернатым,
Не тронь снесенного и будь им старшим братом.

Причесывается, торопится умыться,
Но пусть уходит прочь красавица певица.

Один ей снится сон: струящиеся платья,
Купанье в золоте и жадных рук объятья.

Твой урожай велик: ты вырастил пороки,
Но не поместится число их в эти строки.

А Кайсу волосы укладывали девы,
И тешили его их нежные напевы.

О всадник, ты в седле на несколько мгновений,
Гляди, слетишь с коня безудержных влечений!

Ты полон свежести, тебе прикрас не надо:
Что краше чистоты потупленного взгляда?

Отдай просящему последнюю монету —
Все собранное впрок рассеется по свету.

Пускай горят ступни от зноя Рамадана¹ —
Плоть умиряй постом. Все — поздно или рано —

Закроются глаза, земное в землю канет,
Но небо звездами блистать не перестанет.

Пророки умерли, но западает в души
Остаток их речей, хоть и звучит все глуше.

Я вижу: прошлое — сосуд воспоминаний,
Открытый памятью для дружеских собраний.

Хосроев² больше нет, но летопись осталась,
А там забвение изъест и эту малость.

Лети, когда крылат, не бойся непогоды!
И коготь речета обламывают годы.

Припомни, сколько птиц в дни поздней их печали
К насестам клеток их навечно привязали.

Хоть разум и велик в суждениях о боге,
Но мал окажется у бога на пороге.

Ложь в сердце у того, а правды нет и тени,
Кто лечит шариат лекарством рассуждений.

Судьба по правилам видения склоняет —
То подымает их, то снова опускает.

Вот облаков судьбы проходит вереница,
И разум кроткого бушует и мутится.

---

¹ Рамадан — девятый месяц мусульманского лунного календаря — время поста.

² Хосрой — имя царей из династии Сасанидов.

И в споре доводы рождаются без счета,
Мгновенно лопаюсь, как пузыри болота.

Быть может, каждого почившего могила
За жизнь безумную сполна вознаградила.

Нет следствий без причин, и я скажу: едва ли,
Когда бы не болезнь, мы, люди, умирали.

Вода уходит вглубь, а прежде на просторе
За плещущим дождем шла напролом, как море.

* * *

Как море — эта жизнь. Среди бурных волн плывет
Корабль опасностей, неверный наш оплот.

От страха смертного неверующий стонет,
Клянет всеобщий путь и в черной бездне тонет.

Когда б он только знал, что вера для него
Была бы горестней, чем смерти торжество!

Я тщетно прятался, как труп в немой могиле:
Меня и под землей обиды посетили.

Чутье не приведет ко мне гиен степных:
Дыханье лет сотрет следы ступней моих.

ИЗ ПОЛЬСКОЙ ПОЭЗИИ

АДАМ МИЦКЕВИЧ

(1798—1855)

ШАНФАРИ¹

Поднимите верблюдов на резвые ноги!
Покидаю вас, братья, для бранной тревоги.
Время в путь. Приторочены вьюки ремнями,
Ночь тепла, и луна заблестала над нами.

Как в защиту от зноя есть тень у колодца,
Так для мужа укрыть от срама найдется,
И добро ему, если спасет его разум
От лукавых соблазнов и гибели разом.

Отыщу я друзей, незнакомых с изменой,
Буду рыскать по следу с голодной гиеной,
С пестрым барсом и волком охотиться вместе.
Нет меж них недоумков, забывших о чести,
Тайны друга хранить не умеющих свято
И коварно в беде покидающих брата.

За обиду они добиваются крови,—
Храбрецы! Все же я и храбрей и суровей.
Первый мчусь на врага и отставших не кличу,
Но стою в стороне, если делят добычу:
Жадность тут во главе со сноровкой своею;
Я же скромно довольствуюсь тем, что имею,
И ни с чьим не сравнится мое благородство,
И достойно несу я свое превосходство.

Меч за поясом шитым с цветной бахромою...
Тот ли лук мой точеный с тугой тетивою,
Что, стрелу отпустив, стонет грустно и тонко,
Словно мать, у которой отъяли ребенка.

---

¹ Ш а н ф а р и — арабский поэт-лирик V—VI вв. Изгнанный из родного племени, вел жизнь одинокого кочевника, занимался разбоем. Был захвачен в плен и казнен.

Не хозяйка мне алчность, что в прахе влачится
И, вспугнув жеребенка, доит кобылицу;
Я не трус, что за женским подолом плетется
И без женской подсказки воды не напьется;
Непугливое сердце дано мне: от страха
Не забьется оно, словно малая птаха;
Я чуждаюсь гуляк, до рассвета ~~не~~ спящих,
Завивающих кудри и брови сурмящих.

Разве ночь хоть однажды с пути меня сбила,
Окружила туманом, песком ослепила?
На верблюде лечу — кипяток под ногами,
Щебень брызжет, вздымаются искры снопами,
И о голоде лютом средь жгучей пустыни
Я вовеки не вспомню в надменной гордыне,
Утоляю свой голод клубящейся пылью,
Чтобы он своему подивился бессилью.

Я имел бы, коль в нашем остался бы стане,
И еды и напитков превыше желаний,
Но душа восстает в эту злую годину
И покинет меня, если вас не покину;
Жажда мести мне печень скрутила в утробе,
Словно нить, что прядильщица дергает в злобе.
Я чуть свет натошак выхожу, как голодный
Волк, глотающий ветер пустыни бесплодной,
За добычей спешащий в овраг из оврага
Осторожный охотник, бездомный бродяга.

Воет волк. Он устал. Он измучился, воя.
Вторит брату голодному племя худое,
И бока их запавшие вогнуты, точно
Еле видимый в сумраке месяц восточный.
Лязг зубов — будто стрел шевеленье сухое
Под рукой колдуна иль пчелиного роя
Шум, когда он как черная гроздь с небосвода
Упадет на решетку в саду пчеловода.

Злобно блещут глаза, ослабели колена,
Пасть разверста, подобно расщепу полена;
Воет волк, вторят волки на взгорье пустынном,
Словно жены и матери над бедуином.
Смолк — другие умолкли. Ему полегчало,
И приятен был стон его стае усталой,

Будто в общности голода есть утоление...
Воеет снова — и вторят ему в отдаленье.
Наконец обрывается жалоба волчьего.
Чем напрасно рыдать, лучше мучиться молча.

Еду, жаждой томимый. За мной к водопою
Мчатся страусы шумной вестройной толпою.
Не обгонит меня их вожак быстроногий, —
Подъезжаю, — они отстают по дороге.

Дале мчусь. Птицы рвутся к воде замутненной.
Зоб раздут, клюв, над желтой водою склоненный,
Служит вестником жалкой их радости. Мнится,
На привале, шумя, караван суетится.
То в пески отбегут, то опять у колодца
Окружают кольцом своего полководца;
Наконец, из воды клювы крепкие вынув,
Удаляются, точно отряд бедуинов.

Мне подруга — сухая земля. Не впервые
Прижимать к ее лону мне плечи худые,
Эти тощие кости, сухие, как трости,
Что легко сосчитать, как игральные кости.

Снова слышу призывы военного долга,
Потому что служил ему верно и долго.
Как мячом, моим духом играет несчастье,
Плоть по жребию мне раздирают на части
Все недуги, сойдясь над постелью моею;
Неотступные беды мне виснут на шею;
Что ни день, как припадки горячки, без счета
За заботой меня посещает забота;
Надо мною, как скопище птиц над рекою,
Вьется стая тревог, не дает мне покоя, —
Отмахнешься сто раз от крикливой их тучи,
Нападает опять караван их летучий...

В зной сную босиком по пескам этим серым,
Дочь пустыни — гадюка мне служит примером.
И в богатстве, и в неге я жил от рожденья,
Но возрос — и окутал одеждой терпенья
Грудь, подобную львиной; и обувь упорства
Я надел, чтоб скользнуть по земле этой черствой.
В жгучий зной без палатки, в ночи без укрытья —
Весел я, ибо жизни привык не падать я.

В пору счастья излишеств бежал я сурово,
Не был пойман я леностью пустоголовой.
Чутким ухом внимал ли я сплетне лукавой?
Клеветою борелся ли с чьей-нибудь славой?

Я ту черную ночь позабуду едва ли,
Столь холодную ночь, что арабы сжигали,
Греясь, луки свои и пернатые стрелы,
В бой спешил я среди мрака, могучий и смелый;
Пламень молний летел впереди как вожатый,
Были в свите моей гром и ужас крылатый.
Так — вдовство и сиротство посеял я щедро,
Ночь меня приняла в свои черные недра,
Утром я в Гумаизе лежал утомленный;
И бежала молва по стране опаленной,
Вражьи толпы шумели, друг друга встречая,
Вопрошала одна, отвечала другая:
«Вы слышали, как ночью ворчала собака,
Словно дикого зверя почуя среди мрака
Иль услышав, как птица крылами взмахнула?
Заворчала собака и снова заснула...
Уж не Див ли столь многих убил, пролетая?
Человек?.. Нет, немыслима ярость такая...»

Днем, когда небосвод полыхал, пламенея,
И от зноя в пустыне запрыгали змеи,
Снял чалму и упал я на гравий кипящий.
Мне на темя обрушился пламень палящий,
Космы грязных волос залепили мне веки
Колтуном, благовоний не знавшим веки.

Жестко лоно пустыни, лежащей пред нами,
Словно кожа щита. И босыми ногами
Я ее исходил без воды и без хлеба;
Видел скалы я там, подпиравшие небо,
И на скалы, как пес, я взбирался по щелбю;
Видел я антилоп, посещавших их гребни:
В белоснежном руне, словно девушки в длинных
Белых платьях, стояли они на вершинах;
И, пока я взбирался, хватаясь за камни,
Стадо их без тревоги смотрело в глаза мне,
Будто я их вожатый с рогами кривыми...
То крестца своего он касается ими,
То, за выступ скалы зацепясь на вершине,
Повисает на них в бирюзовой пустыне...

АЛЬМОТЕНАББИ ¹

О, доколе топтать мне песчаные груды,
За высокими звездами мчаться в тревоге?
Звездам ног не дано, не устать им в дороге,
Как в степи устают человек и верблюды.

Смотрят звезды — и нет у них вежд воспаленных,
Как тяжелые вежды скитальцев бессонных.

Лица наши обуглены солнцем пустынным,
Но не стать уже черными этим сединам.

Судия ли небесный к нам будет жесточе
Наших дольных, не знающих жалости судей?
Я не жажду в пути: дождь омоет мне очи
И воды мне оставит в дорожном сосуде.

Я верблюдов, не гневаясь, бью в назиданье:
Да поймут, что идут с господином в изгнанье.

Говорил я верблюдам, пускаясь в дорогу:
«Пусть нога подгоняет без устали ногу!»

И, покинув Египет, рванулся стрелою,—
Джарс и Аль-Элеми у меня за спиною.

Конь арабский за мною летит, но покуда
Голова его — рядом с горбами верблюда.

¹ Альмотенабби — знаменитый арабский поэт X в.

Знает стрелы дружина моя молодая,
Как ведун, что их сыплет на землю гадая.

Воин снимет чалму — выются волосы черной
Шелковистой чалмой, на ветру непокорной.

Первый пух над губою, — а если нагрянет —
Свалит всадника наземь, коня заарканит.
Большежданного войны взяли добычи,
Но несытую ярость я слышу в их кличе.

Мира, словно язычник, не хочет мой воин,
И, встречаясь с врагом, он, как в праздник, спокоен.

Копья, в сильных руках заиграв на раздолье,
Научились свистеть, словно крылья соколы,

А верблюды, хоть в пене, но жесткой стопою
Топчут Рогль и Янем, красят ноги травою.

От чужих луговин отдаляемся ныне,
Там — на дружеской — мы отдохнем луговине.

Нас не кормит ни перс, ни араб. Приютила
Дорогого султана Фатиха могила,

И в Египте подобного нет на примете,
И другого не будет Фатиха на свете.

Не имел ни сильнейших, ни равных по силе, —
С мертвецами Фатих уравнился в могиле.

Напрягал я мой взор, повторял его имя, —
Мир пустым пребывал пред глазами моими.

И увидел я снова дороги начало,
Взял перо и вступил с ним в былую забаву;
Но перо языком своим черным сказала:
«Брось меня и мечом зарабатывай славу.

Возвращайся ко мне после трудного боя.
Меч прикажет — перо не запросит покоя».

Так перо наставляло меня в разговоре.
Нужно было б от глупости мне излечиться,
Не послушался я — и мой разум не тщится
Опровергнуть, что сам он с собою в раздоре.

Можно цели достичь лишь оружием да силой,
А перо никого еще не прокормило.

Если только ты принял скитальческий жребий,
Для чужих ты — как нищий, молящий о хлебе.

Племена разделяет неправда и злоба,
Хоть единая нас породила утроба.

Буду гостеприимства искать по-другому,
И с мечом подойду я к недоброму дому.

Пусть железо рассудит, кто прав в этом споре:
Угнетатель иль те, кто извели горе.

Мы надежных мечей не уроним до срока:
Наши длани — без дрожи, клинки без порока.

Мы привыкнем глядеть на страданья беспечно:
Все, что въяве мы видим — как сон, быстротечно.

И не жалуйся: каждое горькое слово,
Словно коршуна — кровь, только радует злого.

Вера прочь улетела и в книгах осела,
Нет ее у людского реченья и дела.

Слава богу, что мне посылает в избытке
И труды, и несчастья, но также терпенье:
Я в изгнаньи моем нахожу наслажденье,
А другие в неслыханной мучатся пытке...

Удивил я судьбу, ибо выстоял гордо,
Ибо телом я тверже руки ее твердой.

Люди стали слабее метущейся пыли.
Жить бы древле, а ныне лежать бы в могиле!

Время смолоду наших отцов породило,
Нас — никчемных — под старость, с растроченной силой...

ИЗ ТУРКМЕНСКОЙ ПОЭЗИИ

МАХТУМКУЛИ (ФРАГИ) ¹

(XVIII в.)

ИЗГНАННИК

Я на родине ханом был,
Для султанов султаном был,
Для несчастных Лукманом ² был,
Одеянием рдяным был,
Жизнью был, океаном был —
Жалким странником ныне стал.

Для слепого я зреньем был,
Для немого реченьем был,
Дум народных кипеньем был,
Душ влюбленных гореньем был,
Пеньем был, угощеньем был —
Нищим я на чужбине стал.

Я, Фраги, ятаганом был,
Я червонным чеканом был,
Рощ небесных рейханом ³ был,
Над горами туманом был,
Был счастливым, желанным был,
Был дворцом — и пустыней стал.

---

¹ Фраги — псевдоним Махтумкули, букв.: разлученный.

² Лукман (Лухман) — мусульманский пророк, являвшийся, согласно преданию, также мудрецом и медиком.

³ Рейхан — базилик, душистая трава.

НАШЕСТВИЕ

Бежал хозяин лавки; моей торговле
Конец пришел до срока. Что делать мне?
Разбойник тепшит сердце кровавой ловлей
В убежище порока. Что делать мне?

Муж обернулся трусом, рабы — мужами,
Лев обернулся мухой, а мухи — львами,
Темница стала домом, часы — веками...
Пред полчищами рока что делать мне?

Что делать, если сердцу любви не надо?
Сорвали кизылбаши ¹ завесу ада.
Растоптана отчизна — моя отрада,
Мой сад — пятой жестокой. Что делать мне?

Лежит на пленном слове печать запрета.
Невольничьи базары шумят с рассвета.
Где честь народа? В саван душа одета
И страждет одиноко. Что делать мне?

Погублены врагами мои дестаны ²,
Наставники — в темницах. Слезами пьяный,
Фраги пытается ветер: где караваны?
Один в степи широкой... Что делать мне?

---

¹ К и з ы л б а ш и (букв.: красноголовые — от красных шапок, вокруг которых обматывалась чалма) — первоначально так назывались турки, поддерживавшие иранцев; позднее прозвище было перенесено на всех жителей Ирана, мусульман-шиитов.

² Д е с т а н — сказание, поэма.

СУДЬБА

Судьба! Что делаешь, судьба!
Свет у меня в глазах мутится;
Теснятся под землей гроба,
Глощает пленников темница.

Судьба, ты вышла на грабеж,
В твоей руке сверкает нож;
Терзаешь душу, тело жжешь,
И некого тебе страшиться.

Судьба, где твой попутчик — волк?
Мой разоренный край умолк;
На пепелищах вражий полк
Твоею помощью гордится.

Судьба, где брат Махтумкули?
Его на пытку повели,
Он мертв. Я трепещу в пыли —
Тобой подстреленная птица.

БЕДА

Меня беспощадный преследует рок,
Базар мой разграблен, доходы рассеялись.
Мой разум под гнетом беды изнемог,
Желанья, как вешние воды, рассеялись.

Смотрите: я сброшен с весов бытия,
Недужна любая кровинка моя.
Убийцы пришли в золотые края
И приняли власть, и народы рассеялись.

Упал на глаза мои сонный туман,
Сковал вдохновенные речи дурман.
Теплом отдаленный дохнул Дехистан —
Те ветры в часы непогоды рассеялись.

Фраги! Где крылатые струги твои?
С тобою остались недуги твои,
А счастье пропало; заслуги твои,
Надежды и лучшие годы — рассеялись.

ДНИ

Древнее вас, вершины гор,
Идут полуживые дни.
Возьмите, горы, мой позор,
Душе моей чужие дни!

Я горьким сиротою стал,
Я веткою сухою стал,
Безрадостной весною стал,
Встречая роковые дни.

Мамед-сапа и Абдулла
Исчезли; с ними жизнь ушла.
Невеселы мои дела,
И сумрачны пустые дни.

Потомство сгнуло мое,
Из рук я выронил копье;
В Тавризе б я нашел жилье,
Да помешали злые дни.

Махтумкули — безвольный прах.
О боже, я в твоих руках!
Гоклены¹, мой народ, в слезах:
Ведут врагов глухие дни...

---

¹ Гоклены (геклены) — одно из туркменских племен.

ЖАЛОБА

Я в державе страстей. Мне страдания сердце сожгли.
Счастьем я обойден. Мой престол истлевет в пыли.
Ежедневно сменяются гости на пире земли.
Где прямые мужи? Их следы затерялись вдали.
Где отец мой? Где брат мой? — Утратив друга друга,
ушли.

Онемели уста мои — в пальцах держу я слова;
Притупился мой слух — только дикая жажда жива.
На коне прилетела разлука, и я, как трава,
Как слуга, — перед нею склонился. Моя голова
Помутилась. Горючие слезы из глаз потекли.

Мир, безжалостный мир, погружаясь в туман, зарыдал;
Закатилась луна, и вдали океан зарыдал;
Разгадав мой недуг, равнодушный Лукман зарыдал;
Вспоминая богатство мое, Сулейман¹ зарыдал;
Жизнь тюрьмой обернулась, и мой приговор изрекли.

Онемел ураган, посетивший земные края,
И весна в этот год миновала притин бытия, —
Слишком яростен рок, я погибну, любовь затая,
Мой напиток — цикута, и саван — одежда моя.
Торжествует палач. Я — Меджнун, потерявший Лейли².

¹ Сулейман — арабская форма имени библейского царя Соломона; почитается в Исламе как пророк.

² Меджнун — букв.: безумный, одержимый; герой романа «Лейли и Меджнун», образ безумно влюбленного юноши.

Пред моими страданиями раем становится ад.
На почетных местах беззаконники злые сидят.
Подозрения полон бывшего попутчика взгляд.
Горький жребий мне выпал, и новые беды грозят.
Став незримыми, в жертву святые себя принесли.

И прибрежные камни уносит кипучий поток.
Где отец мой? Где мать? На земле я, как перст, одинок.
Петь не будет Менгли; ¹ сторожит ее крепкий замок.
Ибрагимом ², я стал и в любовном огне изнемог.
Пламя плещет в саду, где когда-то цвели миндали.

О друзья, пожалейте седины моей головы
И не делайте этих признаний игрушкой молвы,
Если в дружбе со мною остаться желаете вы;
Так велел Сулейман, — а его почитаете вы! —
Вот смиренная жалоба вашего Махтумкули.

---

¹ Менгли — имя возлюбленной Махтумкули; о ней говорится в целом ряде его стихов.

² Ибрагим — мусульманский пророк, соответствующий библейскому патриарху Аврааму.

КРУГ

Я в час, когда блеснул рассвет,
На Сонги-даг¹ ступил, о люди!
Потоки вод эренам² вслед
Я вброд переходил, о люди!

Я слушал клики лебедей,
Играющих среди зыбей;
Подругам юности моей
Я отдавал свой пыл, о люди!

Я рыскал по степи верхом,
Склонялся над степным цветком,
Я неимущих серебром
И золотом дарил, о люди!

Бежал я помыслов дурных,
Служил мне конь удач моих;
Абикевсерских³ вод хмельных
Я сорок чаш испил, о люди!

Я беден был, ходил в слезах,
А завтра — мерил в небесах
Просторы синие — размах
Моих могучих крыл, о люди!

На тетиве родной страны
Я был стрелой в часы войны;

¹ Сонги-даг — гора Сонги.

² Эрены — святые мусульманской церкви.

³ Абикевсер — «воды Кевсера», источника, протекающего, по представлению мусульман, в рай.

Из рая милой без вины
Я жизнью изгнан был, о люди!

Пускай ценители придут,
Суд надо мной произнесут,—
В огне страстном окреп мой труд:
Я двадцать лет любил, о люди!

Поет Фраги: моя спина
В горбатый лук превращена,
Я закатился, как луна,
Свой круг я завершил, о люди!

МЕДРЕСЕ ШИР-ГАЗИ ¹

Три года, что ни день, ты соль делил со мною,—
Прости, я уйду, прекрасный Шир-гази!
Ты мне приютом был зимою и весною,—
Прости, я уйду, прекрасный Шир-гази!

Господь мне подал знак, и завязал я пояс.
Я речь обрел, твоих сокровищ удостоюсь.
«Приди!» — сказали мне геркезы ², беспокоясь;
Прости, я уйду, прекрасный Шир-гази!

Я буду жить, врага и друга различая,
Мне истина теперь — союзница святая;
Была мне книга здесь открыта золотая.
Прости, я уйду, прекрасный Шир-гази!

Мой разум беден был, но чаша закипела,
И сердце замерло, душа моя запела...
..... ³
Прости, я уйду, прекрасный Шир-гази!

Мой дух разгневанный да не узнает страха,
Да не погрязнет он среди мирского праха!
Тобой воспитанный, он брошен в мир с размаха...
Прости, я уйду, прекрасный Шир-гази!

¹ Медресе — высшая мусульманская школа. В медресе Шир-гази, в Хиве, закончил свое образование Махтумкули.

² Геркезы — один из родов туркменского племени гоклен,

³ Соответствующий стих подлинника утрачен.

Нетерпеливый ум, лишенный света знаний,
Не раскрывая тайн, заблудится в тумане;
А для меня коня ты оседлал заране.
Прости, я уйду, прекрасный Шир-гази!

Я думал: и в песке я стану водолазом,
Беспечно воспарит мой окрыленный разум.
Да насладится мир, припав к моим рассказам...
Прости, я уйду, прекрасный Шир-гази!

Расцвета я достиг. А ныне злая сила,
Вручив мне посох мой, отца меня лишила,
С каабою моей жестоко разлучила.
Прости, я уйду, прекрасный Шир-гази!

Среди ревущих волн ищу желанной мели;
Я перешел Джейхун — и ливни зашумели,
Попал я в водоворот. Прости, приют веселий,
Прости, я уйду, прекрасный Шир-гази!

Не ранили души минутных бед уколы;
Наставников своих высокие глаголы
Любил Махтумкули. Прощайте, двери школы!
Прости, я уйду, прекрасный Шир-гази!

ПЕВЕЦ

Слушай, рок, слепец бездомный, —
Как свирель, мой стих поет;
Что ж глушит его твой темный,
Твой губительный полет?

Одного желанья мало,
Чтобы дело делом стало.
В сердце мне любовь запала,
Тяжек сердцу давний гнет.

Силе времени покорный,
Серебрится волос черный,
И охотника — озерный
Серый гусь давно не ждет.

Предстает мне мир базаром
С жалким нищенским товаром;
Царский кречет мой не даром
Сонных век не разомкнет.

Я скитался по юдоли,
Я искал счастливой доли;
Как боец на ратном поле,
Стрелы слов я слал в народ.

Нужен лев мирской пустыне,
Трон — властительной гордыне.
Вековечные твердыни
Подвиг мой переживет.

Сердца пламень сокровенный
Разольется по вселенной;
Мой дворец — мой труд нетленный, —
Что кременный кряж встает.

У светил — сиянье мира,
У меня — страданье мира,
В небесах — желанье мира —
Пленная Менгли живет.

В старом сердце — упованье,
Вера в дальнее свиданье;
В ослепительном сверканье
Рай на землю низойдет.

Мне судьба судила горе,
Я тону в любви, как в море,
Пусть пред милой в звездном хоре
Голос мой не пропадет.

Боже, где моя награда
За мученья горше яда?
Без подруги мне не надо
Мира этого щедрот.

Времена идут лихие,
Души мучатся людские,
И красавицы другие
Водят вешний хоровод.

Соловью — цветок любимый,
Мне, Фраги, — народ родимый;
Стих мой скромный, стих гонимый
Правнук мой произнесет.

ПЛАЧ

Я — погребенный в пустыне мертвец,
И мертвецами я буду оплакан.
Не насладившийся жизнью слепец —
Даже глушцами я буду оплакан.

Странник — весь мир обошел я кругом,
В городе горя остался — и в нем
Гибну. Голодным степным вороньем
И ястребами я буду оплакан.

Как мне воспрянуть? Я болен, я слаб,
В тяжких цепях истомился, как раб,
И на огне превратился в кебаб,
И вертелами я буду оплакан.

Сердце трепещет, и согнут мой стан,
Стоны мои поднялись, как туман,
Слезы в кипучий слились океан...
Всеми слезами я буду оплакан.

Лалы роятся в ущельях немых,
Ливни плодятся от жалоб моих,
Горы плывут — и в волнах смоляных
Тают. Камнями я буду оплакан.

Разум безмолвствует, Махтумкули.
Маются дети туркменской земли.
Пыры¹ толпятся, ишаны² пришли.
Даже врагами я буду оплакан.

¹ П и р — старец-духовник, духовный наставник, руководитель общины верующих.

² И ш а н — духовное лицо у мусульман, обычно глава общины дервишей (мусульманские мистики, своего рода монахи).

ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЕ

1. РАСКАЯНИЕ

Полвека на свете я прожил, друзья,
Со старостью совесть моя охладела.
И тает — о господи! — сила моя,
И точат несчастья недужное тело.

Мне горько — я истину мало любил.
Кончается жизнь, но не гаснет мой пыл,
И духом я тот же, что в юности был,
Да жаль: борода у меня поседела.

А сердце мирская влечет суета,
И очи мне женская жжет красота,
И кривдой мои одержимы уста,
И страсти толкают на черное дело.

И если откажет мне в помощи бог,
Куда мне бежать от предсмертных тревог?
Я — суетен, правде служить я не мог,
И ранняя вера моя оскудела.

Не верю звезде моего бытия,
Черна, словно уголь, недоля моя,
Покинуло счастье родные края,
Душа моя тщетно проснуться хотела.

Судьба моя бурной и страстной была,
Дурные порой совершал я дела;
Прости меня, боже, пока не дошла
Моя многогрешная жизнь до предела.

Фраги задыхается в лютом огне,
Скорбит о себе, как скупец о казне:
И страх и надежды гнезятся во мне.
Души моей жертвою ада не делай!

2. В МАЗАНДЕРАН¹

Да будет нам спутником отчий народ,
Когда мы и впрямь поведем караван!
Доверимся Ною среди пенистых вод,
Дорогу держа на седой океан.

Нам древние горы поклонятся вслед,
На родину ветер помчится чуть свет,—
Когда принесет он от милой ответ,
Певучее имя впишу я в дестан.

Я стар. Я поистине много скорбел.
Судьбою запродан мой светлый удел.
И те пятьдесят неминуемых стрел
Остались в душе, изнемогшей от ран.

Мне были примером Тахир и Фархад².
Безумец — я в пламя лечу наугад.
Крыла у меня за спиною горят,—
Умру — не узнает Менгли, мой султан.

Я славлю владычицу мира Менгли,
Я кличу подругу мою издали.
Страданья разлуки мне печень сожгли.
А слава Менгли полонила Иран.

В скитаниях помни родимый народ,
Язык обуздай, избегая длиннот;
Готовься, Фраги, собирайся в поход!
Кушцы направляются в Мазандеран...

---

¹ М а з а н д е р а н — одна из областей Ирана на побережье Каспийского моря.

² Т а х и р — герой сказания «Тахир и Зохре», образ безумно влюбленного юноши. Ф а р х а д — герой сказания «Фархад и Ширин», образ юноши, верного любви и дружбе.

СЕРДЦУ

Довольно, сердце! Разомкни свой круг:
Я стражду в нем, как жалкий пленник в яме.
Жестокое, избавь меня от мук,
Не дай мне, сердце, изойти слезами.

Мой век промчался, как единый миг.
Я видел цель, но цели не достиг;
Был одинок — смутился и поник,
Обманутый тобою и мечтами.

И, как слепой, склонив главу свою,
Поддерживая ближнего, пою,
И стоны шлю в зенит, и слезы лью,
Чуть белый свет забрезжит над степями.

Ты на дороге ждешь меня. Потом
С тобою мы извечный спор ведем,
И тяжело мне: я пьян твоим вином,
Я одинок, ты — что ни день — упрямей.

Но, может быть, иной понять готов
Беду мою и силу этих слов;
Мой голос прогремит среди холмов.
Суrow господь, и меч его — над нами.

Ни разума, ни глаз я не берег,
Желаниям препятствовать не мог,
И плачу я в сетях земных дорог,
А жизнь летит, как птица бьет крылами,

Бегу от гнета и горю в огне,
Я ликовал, служа твоей весне;
Был этот мир плохой опорой мне,
Остался я в пустыне с мертвецами.

Закрыв глаза, держал я путь в Иран;
Судьбой влекомый, я попал в Туран;
Трубит над миром вечный ураган,
Владеющий безумными сердцами.

Меня кружил и гнал великий страх,
Я золотом считал ничтожный прах,
Я видел гнет, я видел скорбь в домах,
Дела пустые были мне друзьями.

И жажду я и тщетно жду дождя,
И пламенеет месяц, восходя;
Года летят, за днями дни веда,
И я блуждаю, одержимый снами.

Мне кровь и желчь дают взамен питья.
И тяжело мне бремя бытия.
Я полюбил — и стал Меджнуном я,
Красой Лейли опутан, как цепями.

Зовешь ты, сердце, в Чин-Мачин, в Герат¹,
В подземный ад, где высится Сират...²
А родинка чернеет, и горят,
Горят глаза под круглыми бровями.

Напрасно я чистосердечен был:
Погашен роком юношеский пыл.
А все-таки я зла не полюбил —
День истины мне светит и ночами.

Но в море справедливости мой плот
Не движется. Летит за годом год;
Как дервиш, раб Махтумкули бредет
К далекой тайне узкими путями.

---

¹ Чин-Мачин — общее название для стран Дальнего Востока, для Китая, Восточного Туркестана и Индокитая. Герат — город в Афганистане.

² Сират — сказочный мост, перекинутый над адом. Согласно легенде, он тоньше женского волоса и острее лезвия меча. Грешники, которым в день Страшного суда предстоит пройти по Сирату, сорвутся с него и упадут в ад.

СМЕРТЬ ОТЦА

Рок, я встретил тебя, я искал тебя сам,—
Где очей моих свет, мой отец Азади? ¹
Я швырнул свое сердце неистовым псам.
Где сыновней державы венец — Азади?

Где имам? Я стою как пустая мечеть.
Где луна? Небесам не дано просветлеть.
Мне потока бездонного не одолеть:
Где спаситель мой, где тот пловец — Азади?

Стали речи мои, словно горький дурман,
Пожелтело лицо у меня, как шафран,
Пал на очи мои непроглядный туман.
Где алтарь мой, где мой образец — Азади?

Время, скалы расплавив, обуглило дол,
И живой отлетел, и усопший пришел;
Мертвецы окружили господень престол:
Где народа родного певец — Азади?

Земли стали морями и кровью — моря,
Хумы ² — чашами, чаши — загублены зря.
Ремесло мое — горе. Я гибну, горя.
Где покой и отрада сердец — Азади?

Обращается к господу мертвая плоть:
«Хоть единое слово промолви, господь!»

¹ Азади — псевдоним, которым подписывал свои поэтические произведения отец Махтумкули Доулет-Мамед.

² Хум — большой глиняный кувшин; сосуд для вина.

Не угодно создателю смерть побороть.
Где высокого духа творец — Азади?

Точит слезы Хизир¹, и скорбит Сулейман,
Иноверцы рыдают среди мусульман,
Белым паром на небо взошел океан:
Где опора гокленов, боец — Азади?

Рок! тебе ли моей торговать головой,
Иль на горло твое наступлю я ногой! —
Выходи, я тебя вызываю на бой!
Где рейхан мой, где сада жилец — Азади?

Божье ухо оглохло в мой горестный час,
Затвердела земля моя, словно алмаз...
О муллы без Корана, о пиры без глаз!
Где холм праведных, верный борец — Азади?

Рок! ты солнце мое черным платом забрал,
Ты веселье у бедного сердца украл.
Бога нет у Фраги, веру он потерял.
Где ты, честь моя, где мой отец — Азади?

---

¹ Х и з и р (Хызр — «зеленый») — почитаемый в Исламе святой, владетель источника живой воды и покровитель путников.

СТАРСТЬ

Из колен моих сила былая ушла,
И один я со старостью злою остался.
И в зрачках моих страсть догорела дотла,
И в холодной золе я золою остался.

Я скитался по Неджду, свой разум кляня,
И Меджнун меня проклял, в долину гоня;
Мертвецы умоляли о жизни меня;
Мир томиться над жалкой казною остался.

Я печали бежал, раздарил, что имел,
И, любовью пресытись, от слез онемел;
Мне на голову годы просыпали мел,
На морозе я мертвой лозою остался.

Телу — хлеб и одежда, джигиту — враги,
Песне — лучшее слово... О сердце, не лги!
Нет, не туром, а глупым телянком Фраги —
Растерявшимся над крутизною — остался.

СЫН

1. СМЕРТЬ

Скажите лжецам и глупцам —
Настало их подлое время.
Скажите безумным скупцам —
Казна — бесполезное бремя.

Скажите подруге моей —
Растерзан я на сто частей;
В песках раскаленных степей
Сгорело пшеничное семя.

Базар мой расхищен, я пьян,
Я болен, я гибну от ран,
Слепит меня горный туман
И грузом ложится на темя.

Мой сын не дождался меня:
Он мертв. Из Хивы я три дня
Скакал, и язвило коня
Мое сумасшедшее стремя.

Ты смотришь на лик восковой.
Фраги, в этот час роковой
Молчи. Твой язык огневой
Печалит родимое племя,

2. СЛЕЗЫ

Меня настиг мучитель-рок,
Тяжелая пора настала.
Я сына не сберег, друзья,
Душа моя, что рана, стала.

Оставила весна мой дол,
Повержен золотой престол,
Ветвь нежная, покинув ствол,
Добычей урагана стала.

Смерть невозможно обмануть.
Какой удар я принял в грудь!
Плоть жалкая моя тонуть,
Как челн среди океана, стала.

Терпенья нет, и воли нет,
Желанья жить в юдоли нет.
Мне вести ниотколе нет,
Пустыней жизнь так рано стала.

В огне скорбей и злых тревог
Трепещет сердце-мотылек;
Я сгорбился, я изнемог,
Слезка моя багряной стала.

Пью жгучей горечи настой.
Как жить у горя под пятой?
Мне все — тщетой и нищетой
Без моего султана стало.

Махтумкули, от слез больной,
Взывает: жгальтесь надо мной!
По воле рока в час дневной
Какая темнота настала!

3. СТРАНСТВИЕ

Душа моя пылает,
Метнувшись наугад.

Муфти¹ Коран читает,
От бога ждет наград.

У тех — дитя родится,
У тех — растет юница;
А тополь серебрится.
И рвется ветер в сад.

Лицо старуха прячет
И втихомолку плачет;
Джигит за славой скачет
Куда глаза глядят.

Те служат на чужбине
Наживе и гордыне,
А те свой дух в пустыне
Охотой веселят.

В дому нужда гнездится,
И слезы льет вдовица,
А в дверь мулла стучится:
То подать, то зекат².

Судьба грозит разлукой,
И вера стала мукой;
Завистник длиннорукий
На хлеб твой пялит взгляд.

Муж на коня садится
И мчится, словно птица,
Туда, где кровь струится
И стаи стрел свистят.

Махтумкули едино —
Гора или долина.
А руки ищут сына,
Обнять его хотят...

---

¹ Муфти (муфтий) — одно из высших лиц мусульманского духовенства, имеющее право выносить самостоятельные решения по вопросам ислама.

² Зекат — религиозная очистительная милостыня; взималась в обязательном порядке как подать, налог.

ФРАГИ

Что ты сделал, садовник-рок?
Лег на розы морозный иней.
Обмелел мой речной поток,
Нет горы моей на равнине.

Раб — хозяин и бек¹ теперь,
Вор — святой человек теперь;
На висках моих — снег теперь,
Нет времен моих и в помине.

Помоги мне в беде, пророк!
Сжал мне горло убийца-рок.
Трупы, трупы в пыли дорог...
Пребывает мой дух в кручине.

Плачет месяц во тьме ночей,
Ад бушует в стране моей.
У других — табуны коней,
А хромой — без коня в пустыне.

Рок меня уловил; он рад,
Что пред нищим разверзся ад.
Всюду сети его стоят,
Я лишен его благостыни.

Злые муки тебя сожгли,
Собеседники прочь ушли —
Плачь, несчастный Махтумкули,
Называйся Фраги отныне.

---

¹ Бек — дворянин, феодал; в ханствах Средней Азии — также правитель области, губернатор.

ВЛЮБЛЕННЫЙ

Зоhre ¹ небесная взошла,—
Совсем влюбленный пьян сегодня!
Земля тюльпаном расцвела,
Вселенная — рейхан сегодня!

Хмельные — в полузабытьи
Поют о розах соловьи.
Где слезы прежние твои?
Ты в жертву милой дан сегодня.

Отчизна меда пред тобой,
Цветочный мир, шатер цветной.
Пришел садовник молодой
И обнял гюлистан сегодня.

Возлюбленная, без подруг
Одна приди на вешний луг!
Безумной песни каждый звук
Тобою осиян сегодня.

Вчера еще причина слез,
Мне счастье шах любви принес;
В моих долинах столько роз!
В горах такой туман сегодня!

Как барс, добычу береги,
Народа верный сын — Фраги!
Больным любовью помоги:
Певец — для них Лукман сегодня!

---

¹ Зоhre — планета Венера; также излюбленное имя девушки. В переносном смысле — образ влюбленной девушки; героиня сказания «Тахир и Зоhre».

СКИТАЛЕЦ

Соль желаний всенародных,
Боль мечтаний полюбил я.
Розу лунную — в небесном
Океане полюбил я.
Соловей — и шум и ссоры
В гюлистане полюбил я;
Водоверть косы тяжелой
Как в дурмане полюбил я;
Степь меня околдовала:
Путь скитаний полюбил я.

Гнал меня жестокий жребий
Через реки и долины.
Преодо мною промелькнули
Горы Мекки и Медины;
Я блуждал в садах эдема,
Видел призрачные крины ¹,
И меня заплонили,
Привели в страну кручины;
Что мне делать? Сто печалей,
Сто страданий полюбил я.

Я один. В песках пустыни
Потонул мой взгляд. О горе!
Для чего ты стрелы мечешь?
Ранен твой Фархад. О горе!
Ты мне сердце истерзала.
В жилах — желчь и яд. О горе!
Ослепленные надежды
По ветру летят. О горе!

---

¹ К р и н — лилия.

Так — рыдая — уголь жаркий
Заклинаний полюбил я.

Что за море предо мною?
Что за дикие утесы?
Догорающее тело
Жалят огненные осы.
Кто ты: горлица? орлица?
Соловей сереброголосый?
По семидесяти тысяч
Жалких пленных губят косы.
Киноварный шелк на тонком
Стройном стане полюбил я.

Приходи! Иль ты не видишь,
Как влюбленный раб томится,
Как меня в неволю манит
Черных кос твоих темница?
Неужели в злое время
Не должно мне счастье сниться?
Нищета впиалась мне в душу,
Тело точит огневица:
От руки твоей недоброй
Смерть в аркане полюбил я.

Милая меня отвергла:
Не желает на поруки
Взять полуживое сердце
У тюремщицы-разлуки.
Тяжело мне в ожиданье
Вздрагивать при каждом звуке
И ломать при встречах руки...
Злых бровей крутые луки
И ресницы злые — сотни
Стрел в колчане — полюбил я.

Так Махтумкули влюбленный
Стал добычею обманов.
Разнесли мою державу
Кони вражеских султанов.
Сто столиц в державе было,
Были тысячи духанов...
Я исчез, убитый милой,
Став золой, под землю канув,
Потому что слишком сильно
Цель скитаний полюбил я.

ГЛАЗА МЕНГЛИ

Живую душу погубили
Два палача — твои глаза;
Опять немилостивы были,
Как два бича — твои глаза.

Одной тебе ходить не надо,
Крутую бровь сурьмить не надо,
На встречных наводить не надо
Два злых меча — твои глаза.

Пощады я прошу, стеная.
На мир ложится мгла ночная,
Разит влюбленного двойная
Твоя праща — твои глаза.

Горит Фраги, а в горнем стане
Царит смятенье: здесь, в Туране,
Поют не бога мусульмане,
А два луча — твои глаза.

ВОЗЛЮБЛЕННОЙ

Добро — не для вора. Оно
Прямыми мужами оценится.
Достоинство зрячих очей
Одними слепцами оценится.

В одном недоверье найдет
Безумное сердце оплот.
Наш слух в этом царстве невзгод
Глухими, не нами оценится.

Создатель того защитит,
Кто бережно тайну хранит.
Скрывающий силу магнит
Как должно купцами оценится.

Три радости жизни земной:
Сын, женщина, конь верховой.
Арван¹ на дороге степной
И нер² ездоками оценится.

Фраги затомила беда.
Да сгинет зима без следа!
Желанная, молви, когда
Любви моей пламя оценится?

---

¹ Арван — вьючный верблюд.

² Нер (нар.) — одногорбый верблюд, отличается большой силой и буйным нравом; обычное сравнение для сильного и непокорного человека.

ЖРЕБИЙ

Жертва истины небесной —
Дух мой, жизнь, моя казна;
А мечта из клетки тесной
В Хиндостан увлечена.

Жил я, пел и слезы лил я,
Отчий свой народ любил я,
И стихи ему дарил я
Слаще меда и вина.

Милой все, чем дорожило,
Это сердце подарило;
И лицо я скрыл от милой —
Боль была бы не видна.

Я сгорал вдали от рая,
По стране любви блуждая,
И душа моя живая
Под землей заточена.

Сам я принял жребий странный,
Сам вошел в огонь багряный,
Сам прославил эти раны,
Сам себя лишил я сна.

Жду, не находя исхода,
Исцеленья — от народа:
Где, друзья, моя свобода,
Мир, покой и тишина?

Я стрелою стал в кручине —
Цель ищу я в тверди синей;
По Меджнуновой пучине
Плот мой гонит вдаль волна.

Перед миром я в ответе:
Только милой — слезы эти;
И одна мне в целом свете
Пери стройная нужна.

Бьется сердце, словно птица,—
По своей Менгли томится,
И Махтумкули стыдится
Ран своих, моя страна!

ЛУНА

Когда блеснул твой лунный лик,
Я обезумел и, сгорая,
Душой трепещущей постиг
Невнятные напевы рая.

Приди, душе покой верни,
Моих соперников казни,
Побудь со мной в ночной тени,
В моей степи весной играя!

Я жду, а в сердце — вешний страх;
Я жду, как дикий тур в горах.
Поёшь — и соловьи в садах
Запеть не смеют, замирая.

Фраги, ты — раб крутых бровей
И глаз возлюбленной твоей!
Луна встает из-под ветвей,
Для жертвы жребий выбирая...

МОЛЬБА

Дух кипит. Я сгорел дотла. Я — зола.
Подари мне подругу мою, аллах!
Сердце мне отдала, моей не была,—
Подари мне подругу мою, аллах!

Мы любили, мы тайны делили с ней.
Кто желанной моей на земле верней?
Погубили меня, разлучили с ней.
Подари мне подругу мою, аллах!

Счастлив память утративший навсегда!
В эти злые года сгорю без следа,
Я в беде, и в неволе моя звезда.
Подари мне подругу мою, аллах!

Я к любимой пойду — не пускают: стой!
От моей дорогой отлетел покой,
Слезы льет рекой; я — болен тоской...
Подари мне подругу мою, аллах!

Были встречи и речи, как мед, у нас.
Мы не ждали печали в блаженный час.
Свет и счастье украли у страстных глаз,
Подари мне подругу мою, аллах!

О мой боже! Бесцельны мои дела;
Бьюсь на ложе: бессонница в дом вошла,
Скорбь моя эту жалобу принесла...
Подари мне подругу мою, аллах!

Бренный мир одряхлел, о Махтумкули!
Разве страсть не в обычае у земли?
Грешен я, ты — всеблаг. Любовь утоли,
Подари мне подругу мою, аллах!

НЕДУГ

Молодого здоровья держава,
Молодых наслаждений жемчуг,
И казна, и удача, и слава
Расточатся, уйдут из-под рук.

Человеческий дух от рожденья
Роковые томят заблужденья;
Расширяются плоти владенья —
Край посулов, условий, порук.

Лучше было б для сына Адама
Средь базарного крика и гама
Не касаться дешевого хлама,
Если вправду он истине друг.

Мы измыслили сто оправданий
Для преступных страстей и желаний;
Божьи слуги — и те как в дурмане
От соблазнов, кишащих вокруг.

Обуянная алчной гордыней,
Ты, душа, в безысходной кручине
В день возмездия бросишь в пустыне
Беспользый ослабленный лук.

Не служу я ни словом, ни делом
Прямодушным, достойным и смелым,
Не томлюсь я по райским пределам
Накануне последних разлук.

Я — Фраги, я немного стою,
Захлебнулся я горькой тоскою,
Оттого, что юдолюю мирскою
Завладела любовь, как недуг.

НИЩЕТА ВЛЮБЛЕННОГО

Истерзала меня любовь,
Вот начало начал,— клянусь.
Ранит насмерть черная бровь,
Одержимым я стал,— клянусь.

Миром правишь одна — ты, ты.
Золотая луна — ты, ты.
Рай, покой, тишина — ты, ты.
Слезы лить я устал,— клянусь.

Ты, затмившая блеск Лейли,
Движешь звездные корабли.
Не увидишь ты издали —
Я велик или мал,— клянусь.

За невесту платят калым.
Скорбь играет сердцем людским.
Я приду — нищетой гоним —
На последний привал,— клянусь.

Люди знают: ночью — темно;
Где река — там вода и дно;
Мусульманин, пьющий вино,
Для спасенья пропал,— клянусь.

Смерть придет за душой, как тать,
На уста наложит печать.
Не умеет слова держать
Малодушный бахвал,— клянусь.

Тигр охотится в камышах,
Роет червь отсыревший прах.
Тонет нищий в горьких слезах,—
Значит, к баям попал,— клянусь.

Если б руки твоей Менгли
Протянуться к тебе могли,
Ты воспрял бы, Махтумкули,
Выше гор, выше скал,— клянусь!

ОЖИДАНИЕ МЕНГЛИ

Твое подножье — мир земной,
Красавица с высоким станом;
Ты стала солнцем и луной,
Далеким звездным океаном.

Ты повелела мне сама —
Влюбленному — сойти с ума;
Твоих ресниц ночная тьма
Мне грозным кажется колчаном.

Я в полдень ждал тебя. Я гас
И вновь горел. Ушел из глаз
Безумный день. За часом час
Тянулся медленным туманом.

Такая боль мне сердце жжет,
Что день мой превратился в год;
Пока моя луна взойдет,
Я стану пеплом бездыханным.

Я бросил дом, забыл семью;
Заботы голову мою
Наполнили... В чужом краю
Я опьянен твоим дурманом.

Веселье у тебя в глазах,
А пленники твои — в слезах.
Защиты я искал в горах,
И обернулся дол курганом.

Согнулся гордый ствол в дугу,
Истлели травы на лугу,
Иссякли воды на бегу,
И море поросло бурьяном.

Бай превратился в бедняка,
И ханом стал бедняк — пока
Я ждал тебя, моя тоска,
Надежда, ставшая обманом.

Пока Махтумкули бродил
Меж румских¹ царственных могил,
Он жизнь до капли расточил,
Измученный своим тираном.

---

¹ Р у м — Византия; вообще страны Запада.

ПЕЧАЛЬ

Слезы жгучие пью: стал я братом печали сегодня.
Слишком злые обиды меня повстречали сегодня.

Уязвлен я любовью, исхода найти не умею,
Челн мой держит разлука на крепком причале сегодня.

Как непрошенный гость, посетил я державу любимой,
Где на вечное царство кого-то венчали сегодня.

Я сказал: «Здесь я брат, не считайте меня посторонним!»
И холодной усмешкой меня привечали сегодня.

Отыми у меня эту горькую душу, создатель!
«Нищий, дерзостный нищий!» — мне в уши кричали
сегодня.

Скорби этого дня ты, Фраги, никогда не избудешь,
Кривда, черная кривда у мира в начале сегодня.

ПОКЛОНЕНИЕ

Пламя слова, напев случайный,
Кровь живая — перед тобой.
Я погибну, жгучие тайны
Открывая перед тобой.

Рай земной — бесплодное древо,
Но и в день господнего гнева
Лик твой светлый прославлю, дева,
Догоряя перед тобой.

В бесконечной смене явлений
Гибнет лучший цвет поколений,
И становится на колени
Житель рая — перед тобой.

Грозен мир, беспутный и дикий;
Стих мой тонет в шуме и крике.
Как слуга, Сулейман великий
Пал, рыдая, перед тобой.

Царь свое покидает царство,
Рвется раб из цепей коварства,
Ждет Лукман твоего лекарства,
Умирая перед тобой.

Горы — кладбище отчей славы —
Покрывает туман кровавый...
Я забыл их, чашу отравы
Изярая, перед тобой.

Бранный мир обманул Рустема ¹,
Сердце Зала ² — глухо и немо.
Встали мертвые, сон эдема
Прерывая перед тобой.

Мир бежит покоя и мира,
Пал Мары ³ — повелитель мира,
Речь Фраги умолкает сирот —
Огневая — перед тобой.

---

¹ Рустем — герой иранского эпоса, образ непобедимого воина.

² Зал (Зал-Зер) — отец Рустема.

³ Мары — город в Туркмении, в прошлом Мерв, один из крупнейших центров Средней Азии.

РАЗЛУКА С МЕНГЛИ

Ты напала из-за угла,
Ты покой отняла, разлука.
Ты Менгли у меня взяла,
Горе мне принесла, разлука.

Раб, я сгину в твоём краю,
Обезволев, я слезы лью;
Стон вложила ты в грудь мою;
Длань твоя тяжела, разлука.

Я взываю — не внемлет шах.
Нет луны моей в небесах.
Горы плач мой разрушил в прах,
Мир дотла ты сожгла, разлука.

Но расскажет мой каждый стих
О жестоких делах твоих.
Нет у знахарей трав таких,
Чтобы ты отошла, разлука.

Зюльфикар¹ мой упал из рук.
Где защитник мой? Где мой друг?
Никого! Тишина вокруг:
Всех в Иран увела разлука.

---

¹ Зюльфикар — легендарный меч арабского халифа Али-Шахимердана (правил с 656 по 661 гг.), обожествляемого и почитаемого мусульманами-шиитами наряду с аллахом и пророком Мухаммедом.

Лук натянут, но пуст колчан.
Солнце кануло в океан.
Я, мой боже, умру от ран:
Беспощадна и зла разлука.

Горько плачет Махтумкули,
Вспоминает свою Менгли;
Слезы печень его сожгли.
О, крошечная мгла, разлука!

САДОВНИК

Не пресытился мир потаенною горечью слез,—
У меня в пламенеющем сердце сто тысяч заноз.

Слишком долго я спал, не гулял я в моем цветнике,
Поглядел поутру — не узнал увядающих роз.

И сказали мне розы: «Садовника мир полонил,
За высокие горы и синие реки унес».

И темницу его по горам я искал, как Меджнун,
И гонимую ланью с откоса взбегал на откос.

У темничных ворот, обессилев, упал я, и страх,
Словно ветер, коснулся моих поседевших волос.

И султану темницы я вымолвил: «Освободи!»
И слова его были исполнены ядом угроз.

И султан повелел: «Заточите раба моего!»
И Фраги захлебнулся нахлынувшей горечью слез.

СЕСТРЕ

О, помоги мне, Зюбейда!
Печаль в моих глазах осталась.
Я зарыдал, и навсегда
Кровь жгучая в песках осталась.

Разлукой нанесен удар.
Померк мой соловьиный дар,
Закрылся праздничный базар,
Моя Менгли в слезах осталась.

Мне снится свет блаженных дней,
Мне стыдно пред страной моей;
Душа моя — приют скорбей,
И плоть моя впотьмах осталась.

Боль прибывает, как вода.
Я жил для мира и труда;
Я — мученик, моя беда
В томительных стихах осталась.

В глухие наши времена
Любовь на казнь обречена.
Моя прекрасная луна
В туманных небесах осталась.

Лицо Фраги черным-черно.
Плачь, Зюбейда! Уже давно
Пустеет лавка. В ней темно.
И только пыль в углах осталась.

СМУЩЕНИЕ МЕНГЛИ

Свой пальчик розовый кусая,
Смущается Менгли-ханум.
Тугие косы расплетая,
Смущается Менгли-ханум.

А ты гори, смотри, влюбленный:
В беседу с бровью насурмленной
Вступает локон расплетенный:
Смущается Менгли-ханум.

В одежде алой не бежала
От взоров жителей Ахала¹,
А с нами говорить не стала:
Смущается Менгли-ханум.

Хочу заговорить — немею,
Стою, как нищий, перед нею,
Сказать: «Открой лицо!» — не смею:
Смущается Менгли-ханум.

Душа, владычица, отрада,
Зовет Фраги — бежать не надо!
Но — благодатная — от взгляда
Скрывается Менгли-ханум.

---

¹ А х а л (Ахал-Тепе) — населенный пункт в Туркмении.

УТРО

Еще почиет роза роз.
Я задыхаюсь и немею,—
Не избежав ее заноз,—
Над горькой радостью моею.

Я бы украл ее, как вор,
Благословляя свой позор.
Но, отводя голодный взор,
Я тайным счастьем пламенею.

И, как под лезвием ножа,
Душа Фраги поет, дрожа:
Мне смерть судила госпожа,
И я противиться не смею.

ГОРЫ В ТУМАНЕ

Вершины гор в тумане млечном,
Они нам не видны зимой.
Не следует о муже встречном
Судить по внешности одной.

Тот прочь ушел, другой садится.
Над недостойным люд глумится.
Огонь любовный разгорится —
Таится тот, кричит иной.

А предо мною на просторе
Моих надежд играло море!..
Джигит и в нищете и в горе
Идет дорогою прямой.

Но если рок вам сердце точит,
Над вами зря Лукман хлопочет.
Луна вернуть напрасно хочет
Товар, закупленный землей.

Стесняет буйного одежда.
Пленен пороками невежда.
Трусливого живет надежда
За крепкой спрятаться стеной.

Стою с поникшей головою:
Что сделал мой язык со мною?
Но только трус не рвется к бою,
Чтоб лечь костями за край родной!

И кто Махтумкули осудит
За то, что он не позабудет,
Что правде слово дал и будет
До гроба верен клятве той!

ГОСТЬ

Изменило мне счастье, мучительный мир!
Скинуть с плеч невозможно твой тягостный гнет.
Нет лекарств для меня, я печален и сир,
За тобою по следу мой разум бредет.

В белый саван оденется тело мое —
Ты на чашу весов положил бытие.
Я, безумец, из рук твоих принял питье.
Что ты делаешь? — в кровь превращается мед.

Каждый помысел мой исполняется зла;
Я взлететь не могу — ты подрезал крыла;
Золотая казна моя в землю ушла...
Бренный мир, я твоих не желаю щедрот!

На базаре твоём заблудилась душа;
Плоть моя истомилась, любовью дыша.
Плыл я по морю, к пристани дальней спеша,
Но кипучей волной захлестнуло мой плот.

Дивный муж посетил меня в горе моем;
Следом юноша некий пришел, а кругом
Черный ветер свирепствовал в мире ночном,
И над юртой незримый дрожал небосвод.

Кто мой гость? Кто пятнадцать стремянных его?
Он в огне, но его не горит естество;
Слово мужа — пророчество и волшебство,
И без лука он стрелы пернатые шлет.

Кто — крылатый — означил земные пути,
По которым Исе¹ предстояло пройти?
Ни слону, ни коню переправ не найти,
Если гнев его ливнем на землю падет.

Восемь дней горевал, десять дней тосковал,
И безмолвные слезы в тоске проливал,
И спустился я в дол, перейдя перевал,
Словно гнал меня дэвов² озлобленных род.

Здесь четыре стихии связует вражда;
Проповедует правду земля и вода;
Пред огнем не согреется дева, когда
Зимней стужей кончина в лицо ей дохнет.

Повествует Фраги о чудесных делах.
Божьи слезы — жемчужины падают в прах.
Обо мне вседержитель скорбит в небесах;
Душу отдал бы я, да никто не берет.

---

¹ И с а — мусульманское имя Иисуса Христа; почитается в исламе как пророк.

² Д э в (див) — в восточной мифологии бес, демон.

ДОБРО И ЗЛО

Народу — сила, мир, беседа,
Семейных очагов тепло;
Джигиту — битва и победа,
Булат и крепкое седло.

Ложь предоставь на все готовой
Мирской молве. Не надо слова
Ни раздраженного, ни злого:
Народ мой ненавидит зло.

Уходит жизни гость мгновенный,
Но не скудеет хмель блаженный:
Пирует жизнь. Творца вселенной
Непостижимо ремесло.

Не нам гадать о нашей доле;
Я только вскрикнул поневоле,—
Мне жаль тебя, морщины боли
Тебе врезаются в чело.

Мы сами выковали чаши
Добра и зла. В них судьбы наши.
Скажи, Фраги, какая краше,
Пока нам время не пришло!

ЖЕЛАНИЕ СТРАНСТВИЙ

Мне родимые холмы,
Дехистан увидеть хочется.
Мир-Кулал, Бехауддин ¹,
Мне ваш стан увидеть хочется!

Арша ² блестящий венец,
Упование сердец,
Мне тебя, благой отец
Мусульман, увидеть хочется.

Путник сядет, отдохнет
И своим путем пойдет.
Мне пределы в свой черед
Чуждых стран увидеть хочется.

Побродить в степи глухой,
Поглядеть с горы крутой,—
Мне добра и зла мирской
Океан увидеть хочется.

В Хиндостан и там и тут,
В Туркестан пути ведут...
Мне святых мужей приют —
Румистан увидеть хочется.

---

¹ Бе ха уд дин — имя основателя дервишского ордена «Накшбэнди»; почитается как святой.

² А р ш — по мусульманским представлениям, местонахождение престола Аллаха,

Буйство духа, мир страстей,
Семь нагорий, семь морей,
Суеты — в кругу людей —
Мне дурман увидеть хочется.

Счастья ждет Махтумкули,
Чтобы слезы потекли;
Мне Каабу, хоть вдали,
Сквозь туман увидеть хочется.

ЖИЗНЬ

Смотрите: прельщаясь мирской суетой,
Спеша, вереница людская проходит.
Сын праха, гадая по книге святой,
Блаженство за грош уступая, проходит.

На правого мир ополчается вдруг,
Вшивается в сердце его, как недуг;
Иса, не касаясь протянутых рук,
Целительный лик отвращая, проходит.

Кто — с чистой душою отходит ко сну,
Кто — в грязь упадет, кто — взлетит в вышину,
Кто — все промотав, кто — родную страну
Ограбив от края до края,— проходит.

Иные становятся жертвою ссор;
Кто — братом своим возведен на костер,
Кто — бедствуя дома, кто — чуждый простор
В скитаньях своих озирая,— проходит.

Кто — с царским венцом на высоком челе,
Кто — с грозным мечом и в походном седле,
Кто — лютой чумою летя по земле,
Родимый народ попирая,— проходит.

У тех — розовеют гранаты в саду,
Те — стонут, а эти — молчат и в бреду,
Пылают в огне, коченеют во льду;
Сквозь сердце заноза стальная проходит.

Себя не познав, умирает иной;
Иной — избалованный долей земной;
Один — предвкушая огонь смоляной,
Другой — наслаждения рая,— проходит.

Кто — женской красою свой взор ослепив,
Кто — волей смиряя свой страстный порыв,
Кто — помыслы к правде святой усмирив,
Кто — истиной пренебрегая,— проходит.

Кто — с темными ямами мертвых очей,
Кто — не досказав сокровенных речей,
Кто — лик открывая чернее ночей,
Кто — светлый свой лик закрывая,— проходит.

Скиталец, терзавшийся из году в год,
Скупец, не рассыпав любовных щедрот,
Бедняк, не изведав, как сладостен мед,
Безумец, отраву глотая,— проходит.

Кто пал, кто взлетел, кто дурен, кто хорош,—
В чьей правде потомкам откроется ложь,
Чьих внуков и правнуков не перечтешь,
Чье лоно, что глина сухая,— проходит.

Кто — счастье бросая в пустыне мирской,
Кто — цели коснувшись горячей рукой,
Кто — с ложа взывая с предсмертной тоской,
Кто — суетный мир обегая,— проходит.

Кто — душу продав и согнувшись в дугу,
Кто — сгнув, как тать, на чужом берегу,—
А верный — не выдав отчизны врагу,
Во славу ее погибая,— проходит.

И знает Фраги: возеращается в прах
Жестокий властитель и странник в песках.
Слеза на ресницах иль смех на устах,—
Но жизнь — и одна и другая — проходит.

МИР

Внемли мне, Адам, я поистине стар!
Я видел гранаты у мира в затворе,
И душепродавцев грошовый товар,
И шумный базар, потонувший в раздоре.

На осень рассчитан предел мировой,
И чаша разлуки всегда пред тобой:
То Красное море, то Нил голубой,
То желтый Джейхун¹, то Хазарское море²,

Когда твое жаркое сердце в крови
И гибнут надежды в краю нелюбви,—
На помощь напрасно врачей не зови:
Есть город разлуки, а в городе — горе.

Туран, Чин-Мачин превратятся в золу,
Твой дом и твой сын превратятся в золу,
И роза и крин превратятся в золу —
Губительный пламень у рока во взоре.

Мне встретилась пери в мои времена,
И вечно горит, не сторя, она.
Где райский источник? Дорога трудна
От наших низин до пустынных нагорий.

---

¹ Д ж е й х у н (Джейхун-Дарья) — Амударья.

² Х а з а р — Каспийское море.

Ты помнишь ли прежнюю силу мою?
Стареют любовники роз и в раю.
Созрел виноград в заповедном краю,
Да змеи под каждую гроздью в дозоре.

Мне очи томит нищета бытия,
И ливнем шумит суета бытия;
От мира не спрячешься: тайна твоя
Откроется — даром, что дверь на запоре.

Нет места замерзшему подле огня,
И сытые не разумеют меня.
Но верю в народ мой. Седлает коня
Воитель прославленный, в ратном уборе.

От бренного мира нельзя убежать —
Он вечный твой кровник, предатель и тать.
Он будет недужное тело терзать —
И бросит и душу оставит в позоре.

Свидетель жестоких и суетных дел,
Фраги ослабел и как лунь поседел.
Покоя искал он, свободы хотел —
И гибнет, с владыкой-обманщиком в ссоре.

МОЛВА

Играют пенные потоки,
Дрожит суровый камень гор;
В тревоге путник одинокий
Спешит на брезжущий костер.

Болтун все тайны выдаст разом.
Не помнит слов ничтожный разум.
Джигит не отвечал отказом
На зов отчизны до сих пор.

Не забывай о верном друге —
И вспомнятся твои заслуги.
Гадаем, слезы льем в недуге,
Но слезы — яд, гаданье — вздор.

Рассмейся, унывать не надо,
Молва твоей печали рада,
И тайная твоя досада
Из дома выйдет на простор.

Мир обездолит алчность бая;
Порвется тетива тугая;
Под ветром башня вековая
В летучий превратится сор.

Над розой — рокот соловьиный.
Ручьи, бегущие с вершины,
Сливаются в поток единый;
А за молвой идет раздор.

Не бойтесь птиц и сейте просо.
Красавица расчешет косы,
Глядишь — на мед слетятся осы,
И зажужжит постылый хор.

Всегда Карун-скупец¹ в кручине,
Покоя нет его гордыне.
Меджнун — Махтумкули к пустыне
Отныне обращает взор.

---

¹ Карун — легендарный богач, проклятый Мусой (мусульманский пророк, соответствует библейскому Моисею) за скупость и поглощенный землей вместе с его имуществом.

НАБЛЮДЕНИЯ

Для гостей без живых речей
Ярким праздником той не будет.
Падишаху в стране скорбей
Мил престол родовой не будет.

Тот, кого захватила страсть,
Нежной пери не станет клясть.
Достославной султана власть
Без казны золотой не будет.

Тянет вечную лямку бед
Край голодных рабов — Мешхед,
Нет разлуки — и горя нет,
Доля темной и злой не будет.

Состязанья настанет час —
Расставанье осилит нас.
Трус упустит врага из глаз,
Рваться в яростный бой не будет.

Гору напрочь нельзя снести,
А снесенную — возвести,
Нет охотника на пути —
Зверь пугаться лесной не будет.

Все бальзамы твои — тщета,
Если молодость отнята.
Нестыдливая красота
Беззакатной луной не будет.

Охладеет любовный пыл,
Что вчера мотылька томил.
Если выстрел коня свалил,
Смел воитель иной не будет.

Расстается с душою плоть,
Лютой смерти не побороть.
Снисходить всеблагой господь
К нашей кривде мирской не будет.

Сердце дважды спалить нельзя;
Мак в бурьян превратить нельзя;
Племена победить нельзя,
Если розни лихой не будет.

Страшен этого мира гнет.
Судный день, говорят, придет.
Примет горький удел народ,
Если щедрым скупой не будет.

Телу тягостно бремя лет;
Канем в землю другим вослед.
Коль народу в нем проку нет,
Камень дорог цветной не будет.

Гостю: «Кто ты?» — не говорят.
В край добра не придет разлад.
В доме зависти не гостят:
Чести там никакой не будет.

Рок пешком не ходил вовек —
Слеп его скакуна разбег.
Не состарится человек,
Если ранен тоской не будет.

Дни проходят, пройдут года.
За бедой прилетит беда.
Нищим станет богач, когда
Взыскан правдой святой не будет.

Будет миру конец иль нет —
Где, Фраги, ты найдешь ответ?
Кто детей не родит на свет,
Счастлив долей земной не будет.

НЕ ЗНАЯ ЗАВИСТИ

Кто свой дворец возводит на песке,
Тот жалким нищим от руин уходит.
Плоть растерзав и дух предав тоске,
Превратный рок, наш властелин, уходит.

О, сколько душ, изведавших печаль,
И сколько душ, которым жизни жаль,
И сколько душ, прозрачных, как хрусталь,
И помутневших от кручин, уходит.

Один богач построил минарет,
Свалился вниз — и умер в цвете лет.
У бедняка в хозяйстве клячи нет,—
На скакуне удачи сын уходит.

Бесчестие приведший на порог,
Снует по дому отравитель-рок.
Смотрите: человеку невдомек,
Что жизнь от нас, как миг один, уходит.

Мы покидаем торжища земли;
И хан ушел, и нищие ушли.
Не зная зависти, Махтумкули,
Шлифуя слово, как рубин, уходит.

НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ

Истомил мою душу
Бесконечный обман.
Плот забросив на сушу,
Отступил океан.

Зрячий посох слепого
Не доищется крова,
И чарыки¹ хромого
Не добьются стремян.

Тем — забота пустая
Да казна золотая;
Этим — отповедь злая
И дырявый карман.

Облака — на вершине,
Вольный ветер да иней...
Опаленной пустыне
Снится горный туман.

Прелесть этого мира —
Мертвый мрамор кумира.
Пальцы грешного пира
Запятнали Коран.

Если пел я — молчали
Соловьи... Но печали
Спеть Фраги помешали
Самый лучший дестан.

---

¹ Ч а р ы к и — обувь, род сандалий.

НИЩИЙ ЦАРЬ

Превратятся туманные горы в песок,
С черным сланцем и твердым кремнем разлучась,
Разобщенные капли сольются в поток,
В океан превратятся, со льдом разлучась.

Всё-то спорим, да вздорим, да ссоримся мы;
Наши очи в слезах, и в тревоге умы.
Размотали бы сытые пиры чалмы,
С книгой божьей, с народом-отцом разлучась.

Зло и скверна земной захлестнули предел.
Кто, скажите, о братьях из вас порадел?
Черный ворон — и тот бы до звезд долетел,
С дотлевающим в прахе гнильем разлучась.

Что развратнику родина, вору — народ?
Трус бежит там, где храбрый оружие берет.
Как поведаешь скорбь, если русло найдет
Слезный ток, со своим тайником разлучась.

Малодушный томится всегдашней тоской,
Перед мужем достойным теряет покой,
Покидает подругу в пустыне мирской,
С теплым кровом, едой и питьем разлучась.

Ополчается ради свободы храбрец.
Малодушный спасает свой жалкий ларец;
Бродит жадный купец, ищет кладов глупец,
Спит мертвец, со своим сундуком разлучась.

У блудницы — докучная алчность в глазах;
У везира-глупца — беспорядок в делах.
Дал красавице черные брови аллах,—
И тоскуешь на ложе ночном, разлучась.

Пристрастились торговцы к пределам чужим.
Караваны уходят, уносится дым...
Кровью плачет Фраги, кровью плачут пред ним
Царь и нищий, с последним умом разлучась.

СЕМЬ ЦВЕТОВ МИРА

Постигая бытия
Многоцветный океан,
Славит бога плоть моя,
Дух мой песней обуян.

От печали пропадешь,
Если правде предпочтешь
Обольстительную ложь,
Соблазнительный обман.

Зеленеющим лугам,
Розовеющим садам
Путь добра — взгляни, Адам! —
Всеї земной природе дан.

Алчность молвит: «Мне бы жить,
Плотской прелести служить,
Сытно есть, и не тужить,
Да носить высокий сан».

Сердце молвит: «Я — базар.
Ты продашь небесный дар
За лукавство женских чар.
Я — греха живой капкан».

А перо в руке моей:
«Раскрывай тетрадь скорей!»
«Гур-ру!» — сизых голубей
Говорит гурлящий стан.

Соловей свистит: «Я тот,
Кто весну полей поет,
Кто над розой слезы льет,
А дворец мой — гулистан!»

Плачет нетопырь: «Аллах,
Ты вложил мне в сердце страх;
Я сгорю в дневных лучах,
Спрячь меня в ночной туман!»

Дрозд щебечет: «Илляллах!»¹
Стриж: «Создателю хвала!»
Говорить: «Кулхувалла»² —
Аист учит мусульман.

Турухтан свистит: «Ты чей?»
А удод: «Я сват царей,
Я — посол в юдоли сей.
Мой владыка — Сулейман».

Стрепет ходит по степям
Да глядит по сторонам,
Говорит: «Не здесь ли нам
Светлый рай обетован?»

А журавль: «Я улечу,
Я из Ганга пить хочу;
Под Багдадом разыщу
Расцветающий тюльпан».

Стонет сыч: «Я счет веду,
Числю горе и беду,
Средь руин я пропаду,
От своих рыданий пьян».

Говорит Исхак³: «В плену
Солнце правды помяну.
Раб тоскующий, клянчу
Знойный Шам⁴ и Шебистан».

---

¹ «И л л я л л а х!» — «Иля илляха илляллах» (араб.) — начальные слова мусульманского догмата: «Нет божества, кроме Аллаха».

² «Кулхувалла» — здесь: искаж. арабская формула. Означает: «(Я) раб аллаха».

³ И с х а к — арабская форма имени Исаак.

⁴ Ш а м — Сирия.

Молвит горлица: «Живем —
Гнезда вьем, но все уйдем.
В три прута я строю дом:
Что мне гром и ураган?»

Молвит ястреб: «Жизнь мою
Я провел в лихом бою.
Яд воспоминаний пью,
Брошенный в тюрьму буян».

Куропатка: «Я молюсь».
Утка: «Я в мольбах клонюсь».
Долетает белый гусь
До пределов горних стран.

Голубок охрип от слез,
Горд павлин, да безголос.
Феникс меж горящих роз
Воспевает Хиндостан.

Мудрый попугай постиг
Человеческий язык,
Жить среди людей привык,
С ним беседует султан.

«Предан истине святой,
Населил я край степной.
Где, друзья, детеныш мой?» —
Плачет, жалуясь, джейран.

Воеет волк: «В глухом краю
Утолю я злость мою.
Нападу на след — убью!
Я — разбойник и смутьян!»

Семь земель — один чертог.
Каждой твари внемлет бог,
Злак поет у божьих ног,
Речь свою ведет бурьян.

«Все исчислится судьей:
Каждый шаг неверный твой,
Каждый помысел дурной», —
Учит смертного Коран.

Горделивым, как Юсуп¹,
Терпеливым, как Эйюп²,
Будь, когда ты, как Якуб³,
Оставляешь свой Кенган.

Жаждет дух: «Напиться дай!»
Страждет разум: «Где твой рай?»
Да увижу горний край,
Благодатью осиян!

Конь арабский говорит:
«Подо мной земля дрожит.
Любит истинный джигит
Звучный звон моих стремян!»

Кляча ржет: «Моя судьба —
На спине носить раба.
Я — рабыня, я слаба,
Я в крови несчетных ран».

Говорит осел: «Мой род
От булыжника идет.
Маюсь я в кругу забот,
Воду пью и ем саман»⁴.

А корова: «Почему
Столько мух в моем доме?
Я была главой всему,
А теперь — слепень мой хан».

На себя, Махтумкули,
Погляди! Друзей моли,
Чтобы слово не сочли
Ложным, если в нем изъян!

---

¹ Юсуп — туркменская форма имени Иосифа; имеется в виду почитаемый в исламе, иудаизме и христианстве Иосиф Прекрасный.

² Эйюп — библейский Иов, почитаемый в исламе как пророк.

³ Якуб — мусульманский пророк; соответствует библейскому Иакову.

⁴ Саман — мелко нарубленная солома.

САД

Для красавицы-души
Правда — благодатный сад.
При царе-глупце — в тиши
Труссы нежатся да спят.

Где ты, конь моих удач?
Конь удач уходит вскачь;
И Ширин¹ вздыхает: «Плачь!
Плачь, Ширин, горит Фархад!»

Небо надо мной — огонь,
За спиною — свист погонь;
Сердца моего не тронь,
Сердце мне ножи язвят.

Говорит огню кебаб:
«Бьет меня язык. Я слаб,
Я зубов несчастный раб.
Я ни в чем не виноват!»

Молвит камень: «Я бедняк».
Молвит кряж: «Я нищ и наг,
У меня в ущельях мрак,
Тучи на глазах лежат».

Иноходец ржет: «В бою
Положись на статью мою,

---

¹ Ш и р и н (букв.: сладкая) — героиня поэмы «Хосров и Ширин» Низами и «Фархад и Ширин» Навои. Образ женщины, верной в любви и дружбе.

Я на месте не стою;
Храбрецу я — друг и брат».

Рыба говорит: «Мой дом
В океане голубом.
Что мне берег твой? Кругом
Волны весело кипят».

Молвит роза: «В мой чертог
Соловей влететь не мог.
Мой последний лепесток
Обрывает снегопад».

Соловей: «Моя страна —
Розовая купина;
Дай настроить мне, весна,
Горло на высокий лад!»

Барс: «Я спутником луны
Стал в притине тишины.
Две луны во тьме видны —
То глаза мои горят».

Говорит глоток вина:
«Чаша выпита до дна».
Амбра: «Я — распылена,
Я — душа цветочных гряд».

Золото: «Я — не твое!»
Сон: «Я — тень и забвенье!»
Слово: «Я — твое питье,
Есть во мне и мед и яд!»

Робкий молвит: «Пощади!»
Храбрый: «Слава впереди!»
Сердце мечется в груди,
В пламя бабочки летят.

И любовь мне говорит:
«Ты — железо, я -- магнит».
И Махтумкули горит,
И уста его молчат.

ПУТЬ

Кипит живых речей поток,
Играет разум вдохновенный,
Но темной тучей злобный рок
Проходит по лицу вселенной.

И меркнет взор, и на щеках
Золой лежит смертельный страх,
Слова уносятся, как прах,
И разум тяжело спит, как пленный.

Кто — смертный — видит мира дно?
Заглянешь в бездну — в ней темно.
Я пью любовное вино,
И мне тяжел мой кубок пенный.

И вдохновение мое,
Смутясь, впадает в забытье,
И роковое острие
Грозит моей душе смятенной.

Даны садовники садам,
Туманы — горным высотам,
С женою делит хлеб Адам,
А я один в юдоли брэнной.

Ума несметная казна
Растратится, распылена:
Дела, кочевья, времена
Проходят чередой мгновенной.

Всё миру суетному впрок.
И в добром сердце скрыт порок.
Соедини меня, пророк,
С моей подругой несравненной!

Когда берется хан за труд —
Мотыги бедняки берут.
От песни утешенья ждут
И жалкий раб, и шах надменный.

Поёшь, а миру невдомек,
Что твой язык солгать не мог.
Бредешь, Фраги, — твой путь далек,
Далек твой Хинд¹ благословенный.

---

¹ Хинд — здесь: Индия.

УНИЖЕНИЕ

Сын Адама, непрошенный гость на земле,
Подлым роком тебе суждено унижение.
Речь твоя вдохновенная тонет во зле;
Замолчи, для чего тебе это мучение?

Здесь кочевья твои не оставят следа,
Отгорят очаги, расточатся стада,
Что рабыням тиранов земных до стыда,
Если суками сделало их наслаждение?

Станут нищими шахи, лекарств не найдут.
Нелюбезен изгнаннику чуждый приют.
Что за чувства покоя душе не дают,
Захлебнувшейся пламенем в ожесточении.

Дети праха земного довольны собой,
Правдолюбцы и лгущие наперебой
С гор, дивуясь, глядят на простор голубой
И теряют в безводных пустынях терпение.

Ты не знаешь, когда тебе смерть суждена —
В пору глупого бденья иль праздного сна.
По земле ты скитался во все времена
И остался в неведение и заблуждении.

«Мне бы денег мешок!» — говорит нищета.
«Мне бы — свет!» — слепота. «Мне бы в путь!» — хромота,
Пресмыкается низость, и льстит суета:
«Самого Искандера¹ мой шах совершеннее!»

¹ И с к а н д е р — Александр Македонский, почитается в исламе как пророк.

Этот — в шапке богатой, тот — беден и гол,
Злобе — шахский венец, кривде — шахский престол,
Ветру жгучему — степь, зною лютому — дол,
Бедняку — недоед, богачу — пресыщение.

Обвиняют, клеймят и пытаются иных;
Нищих гонят на стужу — тепло не для них;
За невестой в Гурген приезжает жених;
Умирающий молится об исцелении.

Кто-то хвалится тем, что к любимой идет;
У кого-то истерзан молчанием рот.
Ты горел на огне повседневных забот,
Ростовщицеством кончилось это горение.

Божье имя назвать невдомек одному;
У другого подруга — что месяц в дому,
А моя начинается с утра кутерьму,
И до тьмы пребывает мой дух в раздражении.

Кто-то мир называет обителью слез
И горюет, что рок его близких унес;
Чей-то лик по весне был румянее роз,
А потом проступило уродство и тление.

Кто-то прожил до старости в темном углу,
Кто-то лжет, кто-то молча потворствует злу;
Этот жив, тот уходит в загробную мглу,
Та блудница свое восхваляет падение.

Кто-то желчь ядовитую выдаст за мед;
Кто-то кривду посеет и след заметет;
Кто-то в гроб свои тайны с собою возьмет,
А мой — разболтало мое вдохновение.

Одному закатившейся младости жаль,
На другого и юность навеет печаль,
И на поясе подлого яркая шаль
Проклинает вседневно свое поношение.

Что за сны предо мной чередою прошли!
Голос твой не звучит мне из чуждой земли.
Жизнь влачит в унижении Махтумкули —
У ничтожества жалкого он в услужении.

БЕЗВРЕМЕНЬЕ

Мир, одержимый суетой,
Грешит безумными делами.
В Каруны метит род людской,
Все ныне стали крикунами.

В пороках тонет бай-скупец.
Где солнце праведных сердец?
В чертогах родины купец
Торгует жалкими рабами.

Иссякли воды наших гор,
Не рвется ветер на простор.
Когда-то веселивший взор
Гурген пересечен врагами.

О, царство непроглядной мглы!
Пустеют нищие котлы;
Народ измучили муллы
И пѣры с их учениками.

Смертельно родина больна,
Разрушена и сожжена.
Джигиты в наши времена
В темницах стали стариками.

Грабеж да бедность... И, греша,
Ожесточается душа.
И ветер, яростью дыша,
Огнем проходит над степями.

Истощены, угнетены
Отчизны лучшие сыны,
Лихие стали скакуны
Простыми вьючными ослами.

Достойный муж, как трус, дрожит;
Красавица забыла стыд;
Шах, как змея, народ язвит.
Хан вьется вороном над нами.

Где честь? Где верность и любовь?
Из горла мира хлещет кровь.
Молчи, глупцу не прекословь,
Страна кишит клеветниками.

Язык мой против лжи восстал —
Я тотчас палку испытал.
Невежда-суфий¹ пиром стал,
Осел толкует об исламе.

Злак не растет в тени тюрьмы.
Померкли светлые умы.
Глупцы, надевшие чалмы,
Вдруг обернулись мудрецами.

Ворует вор, богач берет,
И наг и нищ простой народ;
С живого шкуру бай дерет,
И сладу нет с ростовщиками.

И горы, словно корабли,
По морю слезному пошли.
И кровь из глаз Махтумкули
Бежит хазарскими волнами.

---

¹ Суфий (от араб. «суф» — шерсть) — букв.: человек, носящий власяницу; в переносном смысле — аскет, мистик, монах.

ВДАЛИ ОТ РОДИНЫ

Жизнь, дарованная мне,
Алой розой облетела.
И душа моя в огне,
И в огне томится тело.

Жизнь моя! Какой гоклен
Перенес подобный плен?
Речь моя — зола и тлен
Для родимого предела.

От весенних рощ вдали
Дни мои в слезах прошли.
Больше нет Махтумкули,
Скорбь его осиротела.

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ

Я слишком рано испытал
Жестокого мира гнев.
Я заклинаю: пощади!
Стенаю, осиротев.

В одеждах пестрых должный мир
Сиял, светился, играл,
И я склонился перед ним,
Наряд гробовой надев.

Скиталец темный — я всю жизнь
Бродил по нищей земле,
И у меня в ушах звучит
Разлуки немой напев.

Стыдясь, влачу я саван свой
С тех пор, как сердце мое
С ума сошло, в недобрый час
На царский престол воссев.

Зачем я хитрую лису
Хмельным вином напоил?
Зачем я отвязал свинью?
Она разорила хлев.

У волка пасть в крови ягнят,
Убийство — дело его;
Он — ловчий, он пойдет по крови,
Измучась и одряхлев.

Но как поступит старый волк,
Что будет делать лиса,
Когда в угодыя их придет
Властительный ловчий лев?

Себя джигитовым конем
Считает вьючный осел,—
И сам я оседлал осла,
В скитаниях обеднев.

Бесчестье перед прямою
Дрожит в юдоли мирской
И принимает образ жен
И розовый облик дев.

Султаном доблестных мужей
Могучий был Чоудор-хан¹.
Я малодушных посрамил,
О родине восскорбев.

И я любил, но, как Юсуп,
Огня любви не бежал,—
У ног Зулейхи в смертный час
Крыла смежил, догорев.

И, как Юсупу, царский жезл
Не стал судьбою моей,
И жарко дышит мне в лицо
Печали отверстый зев.

В полночном небе — золотых
Чертогов я ей не возвел,
Зато гоклены — мой народ —
Снимают мой щедрый сев.

И посох свой Махтумкули
Сложил в приятном краю,
Народу песней поклонясь
Под сенью родных дерев.

---

¹ Чоудор-хан — глава племени чоудоров, в котором Махтумкули видел возможного объединителя туркменских племен.

ДЖИГИТЫ

Сначала невежду смешит
Ему непонятное слово.
На кряже туман пролежит
До первого ветра морского.

Гляди, не покаясь, умрешь,
Душа пропадет ни за грош —
Блудишь ли, хмельное ли пьешь,
Бежишь ли из края родного.

Таятся предатель и тать,
А мудрый не может молчать;
Заплачет верблюдица-мать,
Ища сосунка дорогого.

Под солнцем растопится лед.
Покоя джигит не найдет,
Пока не разделит забот
С подругой своей лукобровой.

Сынам седоусый боец
Покажет почетный рубец.
Неопытный ищет храбрец
Водительства мужа прямого.

Немолчная песня обид
О чести и мести гремит;
На бой подымаясь, джигит
Не слышит стороннего зова.

Уйдешь, не оставив следа,
Джигит неразумный, когда
В свои золотые года
Ты смеха не знал молодого.

Господни гласят письма:
Живому любовь суждена.
Глазам ослепленным — луна
Предстанет еще без покрова.

С вопросами юность пришла,—
А жизнь и тревожна и зла...
И снова гора да скала
Седого зовут зверолова.

Ты взыскан высокой судьбой;
До гроба ты будешь собой,
Фраги, песнопевец седой,
Поющий над рѳазами снова!

РАЗЛУКА С БРАТОМ

Что делать мне? Как не рыдать,
Когда мой свет закрылся тучей?
Что делать мне? Как не страдать,
Когда на сердце пламень жгучий?

В плену мой брат, наперсник мой.
Как возвратить его домой?
И счастье в сумрак неземной
Уносится звездой падучей.

И, сострадаю мне, друзья
Глядят, как вянет жизнь моя
И гибну я, песок поя
Всегдашних слез росой горючей.

Мужи достойные сошли
В объятия матери-земли,
И руки вокруг меня сплели
Разлука и неверный случай.

Плачь иль не плачь — настанет срок —
И ставку выиграет рок.
Бегу, — меня, сбивая с ног,
Хватает жребий неминучий.

Вращается небесный свод,
Проносится за годом год,
За жизнью — жизнь, за родом — род,
И торжествует вихрь летучий.

Зачем душа моя скорбит?
Я был свидетелем обид.
Судьба ничтожного щадит,—
Исходит кровью муж могучий.

Я рыскал по чужой земле,
Я стал собакой в Кербеле,
Но рок меня настиг во мгле
И впился в плоть, как терн колючий.

Шел день за днем, за часом час,
Мой пыл охотничий погас...
С руки не рвется бехрибаз¹,
Нет у меня стрелы певучей.

Смотрите: строится чертог;
Мое чело — его порог.
Мне жилы вскрыл строитель-рок,
Чтоб замесить песок зыбучий.

Махтумкули — полуживой,
Сраженный силой роковой —
В слезах взывает сам не свой:
О сжался, пощади, не мучай!

---

¹ Б е х р и б а з — порода сокола.

ПОИСКИ БРАТА

Ушел Абдулла, но торговец захожий
Вернул мне надежду, пути указав.
Я — Кайс, я скитался у горных подножий
И понял, что был мой указчик не прав.

И стал я по воле тоскующей крови
Меджнуном, угрюмо нахмурившим брови;
И дети Корана забыли о слове,
Презренного идола богом признав.

И стан мой согнулся, и сгнула сила;
Напиток мой — желчь, и жилище — могила.
Так пепел Меджнуна земля поглотила —
Кормилица роз и поилица трав.

Мне огненным шелком окутало плечи,
Иду без кровинки в лице и без речи.
Дворец возводил я, тоскуя о встрече,
И рухнули своды: нечистый лукав!

Бессильная птица зажата в ладони,
Никак не стоят, вырываются кони,
И некуда больше бежать от погони,
И воин хватает меня за рукав.

Теперь для Фраги все на свете едино,
И нет мне возврата, и нет мне помина.
Друзей моих вдаль увлекает Медина,
Один я остался, на землю упав.

ЛЕБЕДИ

Странники, взгляните на меня,
Кто еще подобно мне томится?
Мотыльки, любовники огня,
Кто из вас к блаженству не стремится?

Ветер, ветер, ты в чужих краях
Пел в ушах, вздымал дорожный прах...
Есть ли в мире справедливый шах,
Где его счастливая столица?

Муж святой, ты видел горний рай,
Ты земной благословляешь край,
А по белу свету ходит бай;
Укажи, где нищете укрыться?

Дудку сделал я из тростника —
Ростовщик услышал должника.
Птицы вы мои! От ястребка
Разве может спрятаться синица?

Рыба, ты и лодка, и гребец,
Синяя пучина твой дворец.
Есть ли в мире остров, где беглец
Вечных бедствий мог бы не страшиться?

Мир-завистник, ты, как время, стар,
Отымаешь свой блаженный дар...
Есть ли на земле такой базар,
Где алмазы — по грошу кошница?

В мире есть красавица одна,
Словно двухнедельная луна;
Родинка ее насурмлена,—
Кто с моей избранницей сравнится?

На земле моя Менгли жила,
Обожгла мне сердце и ушла.
У меня в груди ее стрела.
Где она? Какой звезды царица?

Я скучаю по родным краям.
Ты гулял ли с нею по горам?
Дай мне весть — по-прежнему ли там
Дождь идет, седой туман клубится?

За годами промелькнут года,
Новые возникнут города.
Кто мне скажет — будет ли тогда
По Корану человек молиться?

Народится новая луна —
Не навеки сгинула она.
Для ростовщика возведена
Будет ли надежная темница?

Мало говорил Махтумкули,—
По глазам печаль его прочли.
Лебеди отеческой земли,
С вами ли не горько разлучиться!

ПРИЗЫВ

Нет больше равновесья на земле.
Какие судьбы смотрят в наши лица!
Клокочет мысль, как кипяток в котле;
Не тронь ее, она должна пролиться!

Из ничего мы в мир пришли вчера;
Тот — сын порока, этот — сын добра.
Пусть волчья начинается игра
И добрый слух из края в край помчится!

За Сонги-даг — врага! И племена
Покроют славой наши имена.
Туркмены, в битву! Чтобы вся страна
Не плакала над нами, как вдовица!

Мы не напрасно кровь свою прольем:
За наши семьи, за родимый дом.
Друзья, мы все когда-нибудь умрем, —
Настало время смерти не страшиться.

Враг властвует, — а день за днем идет,
В страданиях за родом гибнет род...
И мы — туркмены — терпим этот гнет!
Вставайте, братья, нам нельзя смириться!

Народу ныне говорит Фраги:
Меч доблести, отчизну береги,
Да не коснутся наших роз враги!..
Пусть меч блестит и клегчет месть-орлица!

СВЕТЛОЕ ВРЕМЯ

Охотится небо, крепка его сеть.
Ты где, долгожданное светлое время?
Я больше не в силах разлуку терпеть.
Ты где, долгожданное светлое время?

Мне сорок исполнилось... Чаша полна...
Душа моя разувереньем больна,
Надеждой обманута... Плачет она:
Ты где, долгожданное светлое время?

Покоя нигде не находит народ;
Как пес, по пятам лихолетье идет —
То зубы оскалит, то руку лизнет...
Ты где, долгожданное светлое время?

Голодная бедность глотает огонь,
Напрасно протянута к небу ладонь,—
Стреножен у всадника нищего конь.
Ты где, долгожданное светлое время?

Тщета-скопидомка в юдоли мирской
Не спит, и не ест, и теряет покой,
Пока не утонет в казне золотой.
Ты где, долгожданное светлое время?

Слова мои ложью муллы нарекли,
Лжецу в благодарность — дары принесли;
Их клятвы изранили лоно земли...
Ты где, долгожданное светлое время?

Погрязли наставники в смертных грехах
И лгут при бессовестных учениках,
Что так повелел всемогущий аллах.
Ты где, долгожданное светлое время?

Язык твой огонь извергает, Фраги.
Различий не знай, недостойного жги,
А там — в Хиндостан отдаленный беги...
Ты где, долгожданное светлое время?

ТОСКА ПО РОДИНЕ

В черный день одиночества сонные очи,
Увядая, родную страну будут искать.
В тесных клетках своих опочив с полуночи,
Соловьи только розу одну будут искать.

Из-за родины принял я жребий скитаний,
Тяжело мне; мой взор заблудился в тумане.
Зарыдают ладьи о своем океане,
Истлевая на суше, волну будут искать.

Не забудет престол о своем властелине;
Сердце, в пламень одетое, сгинет в кручине;
И в разлуке с луною, в беззвездной пустыне,
Одержимые страстью, луну будут искать.

Если кровь страстотерпцев прольется ручьями
И душа захлебнется под злыми руками,
Беззаботные бабочки, рея роями,
В чашах роз молодую весну будут искать.

Безъязыкие рты, некрасивые лица
Будут молча на песню высокую злиться;
Вздор пустой, неуместная речь, небылица —
Глухоту, немоту, тишину будут искать.

Наяву, в сновиденьях, счастливицы, страдальцы,
Неразумные шахи, рабы и скитальцы,
Руки нежные, белые тонкие пальцы —
Жемчуг, золото, клады, казну будут искать,

Стрелы гнет, тетиву обрывает изгнание.
И Фраги и богач в золотом одеянье
Перемену судьбы, как свое достоянье,
У горящей разлуки в плену будут искать.

ЧОУДОР-ХАН

Выходят гоклен и йомуд на дорогу
И смотрят: не скачет ли в стан Чоудор-хан?
С молитвой припав к милосердному богу,
Муллы дочитали Коран, Чоудор-хан!

На поиски горлицы вдаль полетели,
Рванулись и выпили реку форели;
Невесты халаты скроили — хотели
Окутать шелками твой стан, Чоудор-хан!

В туманы оделся гранит кругоглавый,
На небе Мюррих¹ показался кровавый;
Не в силах взлететь, через мертвые травы
Влачится, грубя, ураган, Чоудор-хан!

Пришли конепасы, пришли коневоды,
Глубинные рыбы покинули воды,
Томясь на земле, застонали народы,—
Тревогой весь мир обуян, Чоудор-хан!

Скитальцы забыли далекие страны,
Купцы возвратили свои караваны;
Встречают рыданиями сумрак багряный
И дэвы и люди всех стран, Чоудор-хан!

---

¹ М ю р р и х (Миррих) — планета Марс.

Высокое имя гремит по вселенной,
Кто был в Хиндостане — вернулся мгновенно,
Гадающим ныне по книге священной
Не сможет помочь и Лукман, Чоудор-хан!

Стрела у туркмена застыла на луке,
На мир возложил ты могучие руки
И скрылся. Склонясь, обреченный на муки,
Исходит слезами Туран, Чоудор-хан!

Взывает Фраги: «Где мой брат? Где земная
Опора моя? Где мой сокол?» — Седая
Мутится моя голова, поникая.
Клубится крошечный туман, Чоудор-хан!

КЕМИНЕ

(ок. 1770—1840)

НАПУТСТВИЕ

Спешите, юноши, на этот мир взглянуть:
Воспоминание блаженных лет останется.
Играйте, милые, любите дольний путь.
И капля радости в пучине бед останется.

Жизнь, точно девушка, приятная на вид,
Для неудачников готовит сто обид.
Кочевники уйдут, и песня отзвучит,
Но все же от колес в пустыне след останется.

И скажет Кемине: сомненья нет, умрешь,
Измученную плоть сухой земле вернешь.
Твою казну возьмут и взвесят каждый грош,
Но сыновьям твоим весь этот свет останется.

* * *

В неведение день проводил я за днем,
Беды я не чужал беспечной душой,
Но горе вошло в мой незапертый дом.
В теснине томлюсь, хоть простор предо мной.

Лицо отвратил я от милых друзей,
Не тронул я розы в прохладе ночей,
Не ел и не пил я в печали своей,
Хоть были и хлеб и вино под рукой.

Где свет мой, где жизнь моя, где ты, мой друг?
На гору взошел я, — пустыня вокруг.
Мой стан одиночеством согнут, как лук,
Хоть здесь обитает народ мой родной.

До неба рукою достать я не мог,
На землю взглянул — и душой изнемог.
Раскинулись черным драконом у ног
Долины и горы юдоли земной.

Пристанище малым дано муравьям,
Дыханье и крылья даны комарам.
Даны справедливые ханши мужьям.
Без ханши остался я в юрте пустой.

Ты тешила взор Кемине, как павлин.
В блаженстве прошло тридцать лет. Я один
Остался пред сонмом враждебных годин.
Веселье покинуло мир золотой.

БЕДНЯК

Научился я — крепче воска
    Приставать с мольбой своей.
Я — ступень под ногами баев,
    Я — песчинка среди степей.
Толще хума заимодавец
    Дуться будет: «Плати скорей!»
Гадок вор, низка потаскуха —
    Бай, поистине, всех подлей.
Богом проклят, нигде поныне
    В счет людей не входил бедняк.

Год начнется — за подаяньем
    Он пойдет по дворам чужим,
А за пазухою — огниво,
    А товарищ ему — чилим¹,
И согнется бедняк под горем,
    Неизбывным огнем палим.
Соберутся в кочевье люди,
    Сядет он дураком немым,
И его забудут в пустыне,
    Чтоб заживо сгнил бедняк.

Баям только богатство мило,
    Край отцовский мил беднякам.
Кто садится в две лодки сразу —
    Достается речным волнам.
Дочку нищего хочет всякий,
    И она пойдет по рукам.
Кемине голодает, люди,
    В жилах дым с огнем пополам, —
И его забудут в пустыне,
    Чтобы заживо сгнил бедняк.

---

¹ Чилим — здесь: курево, табак.

МОЙ КАЗИ¹

Вы странствовать пускаетесь, — хвала!
Над степью пыль клубится, мой кази!
Моя хвала на плечи вам легла,
И хрустнет поясница, мой кази!

Жара такая, что гулять нельзя.
Вдруг лопнет сердце! Залатать нельзя.
Козе джейраном белым стать нельзя.
Зачем ей в степь стремиться, мой кази!

Вы лжесвидетель — так трубит молва.
О мой радетель, ведь она права!
Вы продаете ложные слова
Кому продать случится, мой кази!

Вас похвалою Кемине убьет.
Скажу: вы — клевета на мой народ.
У бедняков — расплаты час придет! —
Враждой пылают лица, мой кази!

---

¹ К а з и́ — духовный судья у мусульман.

ХОРОШО

Хорошо прожить на свете долгий век,
И еще прожить немного хорошо,
Твоему ли будет сердцу, человек,
У последнего порога хорошо?

Неуч в перстень вставит криво самоцвет;
До высоких дел злодею дела нет;
Вдалеке от наших горестей и бед
Вольной лани быстроногой хорошо.

Вот к прохожим потаскуха льнет во тьме;
У нее краюшка хлеба на уме.
Хорошо не подходить к ее кошме,
И пойти другой дорогой хорошо.

Где ты, вянущая роза, спишь в траве?
Кемине не доверяет злой молве.
Замуж выйти он советует вдове,—
Разве быть ей слишком строгой хорошо?

* * *

Не радуйся: пройдет беспечная весна,
Тебя на произвол суровых зим оставит.
Смерть ждет, но за душой к тебе придет она
И тело брэнное лежать пустым оставит.

Пусть миром правишь ты, как древле Сулейман,
Пусть на поклон к тебе приходит Сеюнхан,
Ты все равно умрешь: всем общий жребий дан;
Свой череп человек пескам сухим оставит.

Пренебреги, слепец, мирскою суетой,
Иль суета сама пренебрежет тобой,
Скупец, когда и сыт, не делится едой,
А щедрый съест кусок — кусок другим оставит.

И знает Кемине: богач, когда умрет,
За каждый сытый день отголодает год.
Развеет прахом смерть богатство и почет,
А душу алчную шайтанам злым оставит.

НИЩЕТА

У меня сто болезней и тысяча бед.
Тяжелей всех на свете забот нищета.
Скорбь искала меня и напала на след.
Без конца караваном идет нищета.

Льется золото в пестром кругу бытия.
Затвердела от голода печень моя.
Держит, душит и гложет меня, как змея,
Умножает долги, что ни год, нищета.

Не прожить без еды и единого дня.
Ночью глаз не смыкаешь, лежишь без огня.
Не уходит к богатым, живет у меня,
Спит в углу на тряпье, слезы льет нищета.

В руки ей человек попадет живьем,—
Подпоянется старая крепким ремнем
И ударит с размаху чугунным пестом...
Бьет,— ударом ведет точный счет нищета.

Не могу я избыть нищету и тоску.
Кто посмотрит с улыбкой в лицо бедняку?
Много игр я впустую сыграл на веку,
Смотришь — каждую ставку берет нищета.

Говорит Кемине: тех — казной золотой,
Этих — жизнь наделяет сумою пустой.
Ты не рвись, мое бедное сердце, постой,
Будет время — от нас отойдет нищета!

БЕК

Друзья! Настал нелепый век.
Зло подле человека ходит.
Быком по миру ходит бек,
Бедняк в ярме у бека ходит.

Сам станешь вором, вора скрыв.
Судья наш крив, наставник лжив!
Там, где ходил прямой элиф¹,
Согнувшись, дал-калека² ходит.

В лихие наши времена
И зрячим правда не видна.
Пир — настоящий сатана.
Муфти — к девчонке некой ходит.

Доносчик в каждый дом проник,
И в клевете погряз язык,
И Кемине уже привык,
Что грех главою века ходит.

---

¹ Элиф — первая буква арабского алфавита; здесь: символ прямизны.

² Дал — буква арабского алфавита; здесь: символ кривизны.

* * *

Красавицами полон мир,
Желанной кажется любая:
Одна — разряженный эмир,
И подлинный везир¹ — другая.

Я знаю женщину одну:
Жует, когда я ни взгляну,
Всегда грустит по казану.
Не съела бы тебя такая!

Нежна другая и стройна,
Да веки слиплись ото сна;
Всегда как пьяная она;
Целуется — и то зевая.

А с третьей — веселей житье,
Но лучше избежать ее:
Зеленым белое тряпье
Она латает, как слепая.

К четвертой рвется молодежь;
Одним словцом ее зажжешь,
А приглядишься к ней — и что ж?
Повадка, скажешь, плутовская!

Посмотрит на шитье одна —
И шить научится она;
А та, лицом черным-черна,
Идет, коровой выступая.

---

¹ Везир — министр.

У той душа поет, дыша,
Да кости тоньше камыша;
У этой — в плоть ушла душа,
Как ложка, в тесте утопая.

Страшись, болтунью в дом пустив,
Бранить, ее поколотив;
Она пойдет насупротив
Трещать, как мельница пустая.

Но где-то есть еще одна;
Жизнь без нее, как ночь, темна.
Тебя с ума свести она
Придет, прекрасная, как майя¹.

С ней жизнь прожить — казны не счесть.
Обезоружит лесть и месть,
В дом принесет почет и честь
Твоя подруга дорогая.

Судьбою все предрешено.
Грядущее для нас темно.
И вас и Кемине — равно
Дурманят розы, расцветая.

---

¹ М а й я — одна из пород верблюдицы.

* * *

Твой лик белоснежен, кудрей твоих свойство —
Поспорив, бои затевать с ветерком.
И землю и небо сожжет беспокойство,
Присущее розе с ее соловьем.

Влюбленному стыдно прибегнуть к обману.
Я храбр, я гадать о грядущем не стану.
Идешь — я томлюсь по высокому стану,
Идешь — я напрасным пылаю огнем.

Нет средства у знахарей самых умелых
От яда, что ты посылаешь на стрелах.
Три полных, три тонких, три черных, три белых —
Двенадцать свидетельств о чуде одном.

Спрошу — ты откуда? Не даст мне ответа.
Не дочь ли народа сокровище это?
Томит меня родинка, счастья примета,
На яблочной коже над розовым ртом.

Твой раб, я осмеян друзьями твоими.
Я ночью стою за дверями твоими.
Я круто посолоен речами твоими;
Я мертв; я изрезан твоим языком.

И прав Кемине: велика твоя сила.
Ножами ресниц ты мне сердце пронзила.
Ты в уголь горящий меня превратила...
Карминное платье на теле твоём!

ВЛЮБЛЕННЫЙ

Я влюблен, молчать не могу,
Плачь, певец, онемей в тоске!
Я заснуть опять не могу.
Роза! твой соловей в тоске.

Я — стремянный, ты — на коне.
Я — бедняк. Наклонись ко мне.
Я тебя по твоей вине
Жажду втрое сильнее в тоске.

Мир стране своей возврати.
Укажи мне свои пути.
Руки нежные опусти
И меня пожалей в тоске.

Живописцы нашей земли
Дорогой кармин извели —
Розу воссоздать не могли.
Ты мне солнца светлей в тоске.

Ты отвергла любовь мою.
Я вина твоего не пью.
Узнают меня по тряпью.
Я брожу средь людей в тоске.

Ты приходишь только во сне,
Не смеешься для Кемине
И не спросишь ты обо мне
У подруги своей в тоске.

* * *

Стройная мурчинка¹ поведет плечом,
И влюбленный ляжет под ноги ковром.
Частый гость помянут не бывал добром,—
Ты одна отрада знатока седого.

Пусть арчу² ограбит первый холодок,
Пусть уронит роза алый лепесток,
Не беда, что башни рушит глупый рок,—
Забывать не надо знатока седого.

Смоляные косы — жертва седине.
Я — напоминанье о былой весне.
Я — твоя удача. Приходи ко мне,
Что бежишь от взгляда знатока седого?

Отвергать не надо этих слов простых.
Кемине толкует о мечтах своих.
Много в мире добрых, много в мире злых.
Покидать не надо знатока седого.

---

¹ Мурчинка — представительница небольшого туркменского племени мурчили.

² Арча — среднеазиатский вид можжевельника,

КРАСАВИЦА

Глядишь на розу и на соловья,
Красавица, твои глаза мне нравятся.
И если жертвы ищет речь твоя,
Я стану жертвой: говори, красавица!

Ты — в красном, ты — в зеленом с серебром,
Твой тонкий стан охвачен пояском.
Ты — уточка, а сердце бьет крылом,
Оно, как сокол, за тобой отправится.

Когда мы вместе — сад вокруг цветет.
Придет разлука и меня согнет,
И каждый месяц превратится в год,
И каждый день мне месяцем представится.

Тебя отымут — Кемине конец.
Ты снов моих и слов моих творец,
Ты красоты чудесный образец,
И даже песня о тебе прославится.

СЕЛЬБИНИЯЗ

Взгляни: я втянут в караван печали.
Из глаз моих озера слез упали.
Соперники меня оклеветали,
О уточка моя, Сельбинияз!

Прносишь плавно свой наряд зеленый.
Казнит меня твой взгляд неблагоклонный,
Твоих объятий ждет певец влюбленный,
Былой огонь тая, Сельбинияз!

Твой Кемине от края и до края
Мир обошел, свои стихи слагая,
Неведома Сельбинияз вторая,
О уточка моя, Сельбинияз!

КОЖУХ

Я вечером пришел и сел.
Ты встретил ли меня?
Ты накормил ли, напоил,
Приветил ли меня?
Тебя на плечи натянув,
Я стал рабом огня;
Заплаты вшам внаем сдаешь,
Твоя вина, кожух!

Я собранным тюльпанам счет
Довел до сорока.
Колени вскинулись к плечам,—
Так я дрожал, пока
Не стала голова моя,
Как лист сухой, легка.
Шуршишь, хрустишь, людей страшишь,
Как сатана, кожух!

Встал на рассвете, поглядел —
А шкура козья — рвань,
И взяли желтизну твою
Жара и дождь, как дань,
И весь ты в лысинах сплошных,
И за такую дрянь
Я верблюжонком заплатил!
Чем не цена, кожух?

Гулял на тоях, пировал
И нажил сто заплат.
Приподыму — стоишь колом
И рукава торчат,

Ты к небу рук не воздевай,
Кончай молитву, брат,
Зашьем прорехи: не пришла
Еще весна, кожух!

Таков уж мой кожух, что им
Как жизнью, дорожишь,—
В Хиву отправишь на базар —
Возьмешь большой барыш.
И птичьей шкурки он теплей,
Когда под ним лежишь.
Он помнит Ноя: скроен был
В те времена кожух.

Когда окончился потоп,
Кожух купил мой дед.
И дождь и град его секли
Сто семьдесят семь лет;
Живого места на твоей
Крысиной шкуре нет,
И сократилась на аршин
Твоя длина, кожух!

Ни в Бухаре, нигде еще
Подобных нет вещей.
Едва накинул я тебя —
Попал я в когти вшей.
Когда успел ты обветшать,
Душа души моей,
Наследство Ноево, мой клад,
Моя луна, кожух?

Коль бог мне друг, придет рассвет —
Спаситель Кемине.
На что мне царские дворцы,
Когда кожух на мне?
Укажет на тебя народ
И спросит о цене,—
Верблюды с верблюдицей теперь
Тебе цена, кожух!

* * *

Полумесяц небес и тюльпан земли,
Сокровище мира! Алмаз! Огульбек!
Я прозрел, я увидел тебя вдали,
Ты — солнце тоскующих глаз, Огульбек!

Ты встаешь на заре и пасешь ягнят,
Украшения в косах твоих звенят,
Сердцу бедному речь твоя — мед и яд.
Сокровище мира! Алмаз! Огульбек!

* * *

Кемине говорит: «По лугам брожу,
Душу я твоему отдаю ножу».
А еще говорит: «Я один лежу.
Приходи на кошму! Вот будет день!»

* * *

Любовь ступила на порог,—
Свой хлеб ты гостью отдала ли?
Да обернется твой творог
Источником твоих печалей!

Рай на кошме твоей простой
Могли бы мы найти с тобой,
Тебя ослицею слепой
В стихах тогда бы не назвали.

* * *

Какая жизнь, какие сны настали!
И я не знал, что буду делать дале.
И падал скот, и люди голодали,
Взглянуть боялись: ад стоял в дверях.

Что высоко, что низко — все смешалось.
Вкруг очага семья не собиралась.
Бедняк молчал, жена не унималась,
И грешником он был в ее глазах.

МОЛЛАНЕПЕС

(1810—1862)

ИЗ ДЕСТАНА «ЗОХРЕ И ТАХИР»

ВЛЮБЛЕННЫЙ

Пленен, влюблен, опьянен я,
Мне теперь не страшен палач.
Спасен я, или казнен я —
Глаз — нарциссов твоих — не прачь.

Ты — роза, жалкий побег — я.
Зачем простой человек я?
Прогонишь меня — навек я
Обречен — соловей — на плач.

Как влюбленный Меджнун, гоним,
Волоском прикован одним,
Верный пес — по следам твоим
Я влачу клеймо неудач.

Безумный твой любовник я,
Своей беды виновник я,
В твоем саду — садовник я...
Дай мне яблок твоих, мой врач!

Твоих бровей роковой лук
Небо сразил и земной круг.
Глаз не сводит с тебя твой друг,
Для иной красоты незряч.

Скажут люди, что ты — Лейли,
Значит — нужных слов не нашли.
Змеи кос меня оплели.
Задыхаюсь. Выкуп назначь!

В сетях любви изнемог я.
В огне любви — мотылек я.
Клянусь, обезумев, рок я.
О Тахир, свой жребий оплачь!

У власти ложь сегодня!

Ты получил желанную награду,
Изведал счастье и умрешь сегодня.
С младенчества ты следовал Фархаду,
На путь его твой путь похож сегодня.

По воле злого шаха умирая,
Падешь во прах, но, крыльями сверкая,
Твоя душа помчится к розам рая.
Ты можешь мир продать за грош сегодня.

У нас, любимый, общая дорога,
И я стою у смертного порога.
Земную горечь ты по воле бога
Небесной сладостью запьешь сегодня.

Над нами смерть свой черный плат простерла,
От ненависти мне дыханье сперло.
Ты в Судный день вцепись убийце в горло
За то, что горлом встретишь нож сегодня.

Мы в книге жизни — на одной странице.
Шах пред судом предстанет — чернолицый,
И дьявол ослепит ему зеницы:
Ты злого шаха проклянешь сегодня.

На плахе ты закончишь дни, любимый.
Заступников нам не найти, — одни мы.
Падет судьбы удар неотвратимый.
Терпи, мой друг! У власти ложь сегодня!

ГОРЫ

О вы, четырежды в году
Одетые весною горы!
И я у вас покой найду, —
Раздвиньтесь предо мною, горы!

Бог вам величие придал,
Вступите в дружбу с тем, кто мал.
Дождь моет гребни ваших скал
Прохладою хмельною, горы.

Зохре мои мечты верны.
Вы нищему помочь должны.
Недаром вы облечены
Кольчугой ледяною, горы.

В долинах свищут соловьи,
Гремят кипучие ручьи;
Прикрыли вы плеча свои
Туманной пеленою, горы.

Свободой вашей опьянен,
Джейран берет за склоном склон,
А тигр в ущелье усмирен
Священной тишиною, горы.

Вам внятен гордый клич орлов,
Ширяющих среди облаков.
Драконы обрели свой кров
Под вашей крутизною, горы.

Какой отчаянный герой
Пересекал ваш грозный строй?
Кто вашей тешился игрой,
Встающие стеною горы?

То серна перепрыгнет щель,
То легконогая газель.
Шумит платан, темнеет ель,
Родник звенит струною, горы.

Вас божьи руки возвели.
Вы, горы, — якоря земли.
Вы в твердь небесную вросли
Всею тяжестью земною, горы.

Я к вам пришел в недобрый час.
Чем я — Тахир — обидел вас,
Зеленая отрада глаз,
Вы, пахнувшие хною, горы?

НЕ БОЮСЬ ШАХА!

Я создан из горсти сухого песка,
Я бога боюсь, а тебя не боюсь.
Моя оборона — господня рука.
Я бога боюсь, а тебя не боюсь.

И плоть и душа моя — божья казна,
А кровь моя в жертву Зохре отдана.
Пушкой под секирой прольется она —
Я бога боюсь, а тебя не боюсь.

Объявляя Зохре я познал ввечеру —
Без жалоб из мира уйду поутру,
Пред ликом любимой, не дрогнув, умру.
Я бога боюсь, а тебя не боюсь.

Ты шахом себя называешь? Ты — раб,
Ты — клятвопреступник, ты — жалок и слаб.
Попробуй-ка, вырвись у кривды из лап!
Я бога боюсь, а тебя не боюсь.

На муки любви обреченный судьбой,
Я — тур молодой, я иду на убой,
Умру в день рожденья, казненный тобой.
Я бога боюсь, а тебя не боюсь.

«Убью!» — ты грозишься. Ну что же, убей!
Ты мнишь себя, низкий, превыше людей,
А что, кроме смерти, во власти твоей?!
Я бога боюсь, а тебя не боюсь.

Я — раненый сокол у труса в силках.
На сердце мое ополчаешься, шах?
Оно у жены моей милой в руках.
Тахир говорит: я тебя не боюсь.

ОТПУСТИ НА РОДИНУ!

О мать моя, дай разрешение сыну,
Да припаду к татарским древним стенам!
Пылая духом, я Багдад покину,
С приютом разлучусь благословенным.

Любви служитель, беженец опальный,
Я повлекусь на зов отчизны дальней
К моей подруге, верной и печальной,
Вручив себя заступникам-эренам.

О, если б очи мне запорошила
Пыль из-под ног моей подруги милой!
Пусть предо мной разверзнется могила
И плоть живая обернется тленом,

И память обо мне, как струйка дыма,
Из мира уплывет неуследимо,—
Я кровь пролью перед лицом любимой
И, мертвый, припаду к ее коленам.

Услышь Тахира горестные речи!
Ладья страдальца ищет моря встречи.
Сума скитальца вскинута на плечи,
Огонь и лед, борясь, бегут по венам...

ЧТО БЫЛО СО МНОЙ?

Скажите, подруги, что было со мной?
Чей возглас послышался мне на заре?
Тахир возвратился ли в город родной,
Проснулся ли ветер в зеленом шатре?

Я небо просила — пошли мне ответ:
Тахир мой возлюбленный жив или нет?
Он с ветром рассветным прислал мне привет,
Пока он блуждал по Разлуке-горé.

Желанный, любимый сюда не спешит.
В каком далеке он от милой сокрыт?
Сегодня я плачу под гнетом обид,
А завтра умолкну на смертном одре.

И что передать мне с послом-ветерком?
Так долго мы не были с милым вдвоем!
Созрели гранаты в затворе моем,
Дрожат мои розы в росе-серебре.

Неделя за мною идет по пятам,
Я слезы глотаю с бедой пополам.
В объятьях Тахира я душу отдам,—
Другого желанья не знает Зохре.

ИЗ АРМЯНСКОЙ ПОЭЗИИ

САЯТ-НОВА

(1712—1795)

* * *

Косы твои — рейхан в росе — нежней дорогих шелков,
Брови — начерчены пером, лицо — золотой покров,
Краше уста — на горе всем — и лалов и жемчугов,
Пусть я умру — здорова будь. Я в землю сойти готов
Ради лукавых игр твоих и легких твоих шагов.

Роза изменит — счастлив червь, терзается соловей.
Каждого бог казнит, кого полюбишь меня сильнеей.
Два бесконечных года я томлюсь по красе твоей.
Пусть я умру — здорова будь. Я в землю сойти готов
Ради лукавых игр твоих и легких твоих шагов.

Розы пурпурной нет в саду — не слышно там соловья.
В сердце ты ранила меня, терзаюсь, жар затая,
Я захворал любовью, лег,— смертельна болезнь моя.
Пусть я умру — здорова будь. Я в землю сойти готов
Ради лукавых игр твоих и легких твоих шагов.

Где ты, Лейли? Я, как Меджнун, брожу в горах без дорог,
Нет мне лекарств от моей любви. Я стражду, я одинок.
Яр, я одну тебя люблю и жажду, свидетель бог,
Пусть я умру — здорова будь. Я в землю сойти готов
Ради лукавых игр твоих и легких твоих шагов.

— Злая,— сказал Саят-Нова,— глаза у меня в крови.
Правнучка Евы, дочь людей,— проклятье моей любви!
Клятву дала мне на тридцать лет — и лживы слова твои.
Пусть я умру — здорова будь. Я в землю сойти готов
Ради лукавых игр твоих и легких твоих шагов.

* * *

Я ждал, я пролил столько слез,
Я в добрый час увидел милую.
Меня встречаешь, роза роз,
    Шипами,
    Шипами,—
Я в добрый час увидел милую.

Приди, пойми печаль мою,
Я муки смертные таю,
Горю любовью, слезы лью
    Ночами,
    Ночами,—
Я в добрый час увидел милую.

Наденешь пурпурный атлас —
Погубишь мир, отрада глаз,
Тебе пристали б лал, алмаз
    Рядами,
    Рядами,—
Я в добрый час увидел милую.

У саза ¹ нет иных забот,
Твои красоты он поет.
В саду ты водишь хоровод
    С друзьями,
    С друзьями,—
Я в добрый час увидел милую.

---

¹ С а з — музыкальный инструмент.

Саят-Нова забыл покой:
Твои глаза — фиал златой.
Да не глумится недруг злой
    Над нами,
    Над нами,—
Я в добрый час увидел милую.

* * *

Какую ты преследовала цель,
Когда в тот миг твои уста молчали.
Я болен, джан. Твои глаза — ужель
Моих кровавых слез не замечали.

Приди. Взгляни. Метни в меня копье.
Я подставляю грудь под острие.
Скажи, зачем, сокровище мое,
Конец любви пришел в ее начале.

Джан, отзовись на мой протяжный стон.
Ты выжимаешь сердце, как лимон.
Я на позор тобою обречен,—
Когда певцу бесчестие прощали?

В моем краю мелькнула джан, как тень.
Не оживет застреленный олень.
Без добрых дел проходит долгий день,
Я по твоей вине томлюсь в печали.

Саят-Нова сказал: я на свечу
Как бабочка влюбленная лечу,
Сгореть в уединении хочу,
Чтоб искры джан мою не обжигали.

* * *

С поникшей головой, в цепях —
Я пленник твой, любовь моя.
У ног твоих лежу. Я прах.
Я пленник твой, любовь моя.

Ты свет у солнца отняла,
Твой луч — горючая стрела.
Сгорят мои глаза дотла,
Я пленник твой, любовь моя.

Я ранен, я умру в бреду,
С ума сойду, с ума сойду,
В твоих цепях к тебе приду,
Я пленник твой, любовь моя.

Молю, скиталец-соловей:
О, пригвозди меня скорей
У запертых твоих дверей,
Я пленник твой, любовь моя.

Ты роза роз, а я трава.
Смотри: я мертв, а ты жива.
Клянусь, поет Саят-Нова,
Я пленник твой, любовь моя!

ОВАНЕС ТУМАНЯН

(1869—1923)

НИЧТО НЕ ВЕЧНО НА ЗЕМЛЕ

(Старинное предание)

Случились ли, нет ли события эти
И так ли все было — кто даст нам ответ,
Когда только то достоверно на свете,
Что здесь ничего достоверного нет.
Так вот, говорят, жил крестьянин когда-то
Был нищ, да разумного сына имел
И отдал его в услуженье за плату —
Такой уж им выпал обоим удел.

Шло время. Подросток без лишнего слова
Все делал, что скажут, был честен и прям;
И стал он хозяину ближе родного,
И хлеб уже тот с ним делил пополам.
В разлуке отец стосковался по сыну,
Он к сыну пришел и развеял кручину.
— Ну, как ты, сынок? Уж не то, что в селе?
Уж не голодаешь ли, недосыпаешь?
— Живу хорошо, ты и сам примечаешь,
Но только не вечно ничто на земле.

Года то летели, то шли понемногу,
И сын, ни минуты не тративший зря,
Уже не был чужд золотому чертогу —
Слугой у великого стал он царя.
В разлуке отец стосковался по сыну,
Он к сыну пришел и развеял кручину.
— Ну, как ты, сынок? У тебя на столе
Довольно ли яств, всех ли благ удостоен?

— Отец, я в довольстве живу, будь спокоен,
Но только... Не вечно ничто на земле.

В дорогу отец снаряжился. Шло время,
И царь был доволен слугою своим,
И разум его возвеличил над всеми,
И первым был царь, а слуга стал вторым.
В разлуке отец стосковался по сыну,
Он к сыну пришел и развеял кручину.
— Ну, сын мой, ты в детстве копался в золе,
Теперь высоко ты вознесся над миром!
— Да, так, мой отец. Вот и стал я назиром¹,
Но только не вечно ничто на земле.

Шло время. Правитель страны справедливый
Нежданно-негаданно умер, и вот
Наследника нет, и престол сиротливый
Пустует, защиты взыскует народ.
Вельможи тогда собрались для совета,
И властью, которую дал им закон,
Торжественно, в царственный пурпур одетый,
Был мудрый назир на престол возведен.

Прослышал крестьянин, что сын на престоле.
Пришел он, покинув родимое поле,
И молвил: — Мой сын, у тебя на челе
Величья печать, ты в почете и в славе!
— Отец мой, и вправду я — первый в державе,
Но только не вечно ничто на земле.

Крестьянин в село возвратился. Шло время,
И царь молодой, не жалеючи сил,
Державу растил, нес тяжелое бремя
Суда: этих миловал, тех он казнил.
Но будь у тебя и пошире владенья,
Ты в мире оставишь все без исключения.
Вот так и наш царь: слег и больше не встал,
И душу вернул вседержителю вскоре.

Отец его горькую весть услышал,
В столицу пошел, а в столице-то горе,
В столице — стенанья, да слезы, да крик...

---

¹ Назир — верховный надзиратель при дворе царя.

Стоит в стороне и горюет старик.
Войска со знаменами движутся стройно,
Царя всем народом хоронят достойно,
А после, могиле доверив царя,
Расходятся все, про свое говоря.

Шло время. Горючие слезы глотая,
К могиле старик припадал. Как во мгле
На мраморе царственном вязь золотая
Виднелась: «Не вечно ничто на земле».

Ушел и отец навсегда. Мирозданье
Вращается мерно; своим чередом
Проходят века, но доньше сказанье
«Не вечно ничто на земле» мы поем.
Надгробия царского нет и в помине,
И стала столица безлюдной пустыней,
А ты в этом мире, как всадник в седле,
Но помни: не вечно ничто на земле.

ЕГИШЕ ЧАРЕНЦ

(1897—1937)

СКИТАЛЬЦЫ НА МЛЕЧНОМ ПУТИ

И так мы живем, что нельзя нам не житье,

Фет.

Два бездомных скитальца на Млечном Пути,
Два скитальца в изодранной ветхой одежде,
Время наших скорбей мы привыкли нести,
Доверяясь неясной мечте и надежде.
Полюбили мы сердца случайный порыв
И видения в пору вседневных скитаний
И, в бессонных глазах навсегда сохранив
Многозвездное небо в блаженном тумане,
Мы проходим теперь по дорогам Земли,
Сны покинувших Землю приняв как наследство,
И растаяло облачком серым вдали
Наше смутное и безотрадное детство.
Расточилось, растаяло детство, как бред,
Мы домой не вернемся, мы долго блуждали,
И попятной дороги на свете нам нет,
Потому что нам грезятся дальние дали,
И теперь нам единственный свет бытия —
Беспрерывные, вечные поиски цели,
Многоцветные мы исходили края,
И сердца наши страстью, как жертва, горели.
Но глаза не увидели солнц золотых,
И сердца наши светлой не встретили дали,
И глаза неотступно в глазах у других
Златотканое звездное небо искали,
Млечный Путь, беспредельную даль — и светил
Торжество, и пространства сиянье благое.

Взор безжизненных глаз наши души студил,
Пламя сердца гасил равнодушной золою,
Преисполнилось сердце мое, и хвалу
Небесам вознести я желал, и не знаю,
Почему я пою про докучную мглу
Дней моих, заплутавших в томленьи без края.
Опочило сказанье на дне моих глаз
О блаженстве в кругу синевы без предела,
О взаимовлияниях звездных рассказ,
И бесплодное сердце мое затвердело.
Нас не понял никто, и смешило людей
Наших пристальных глаз голубое свеченье,
И глумились над пламенем наших страстей,
Уходили, душе не даря утешенья.
И со смехом от нас отвернулась родня,
С нами только блудницы делили печали,
И разумные нас обходили, браня,
Лишь безумцы вполголоса нас привечали.
Не беда, что в безумье мы дни провели
И что мы задыхаемся, будто в дурмане.
Озаренные светом высоких мечтаний,
Мы покинем — счастливые — лоно Земли.

* * *

Я затосковал, больной и безумный,
По солнцу, измученный этой сквозной
Ночной немотой, этой ртутной, беспшумной,
Бестрепетной мглой под бледной луной.

О, как я желал, чтобы солнечный зной
Луну победил и расправил мне плечи,
И чудо высокое утренней речи
В лучах и сиянье взошло надо мной!

Но в мертвенной мгле недужной печали
Не брезжило утро, слова не звучали.

* * *

И для меня прервется путь земной,
Когда-нибудь глаза и мне закроют,
Забудут песни, сложенные мной,
И в землю плодородную зарюют.

И так же будет солнце бытия
Для нив и рощ творить благоденья,
И не поверит даже мать моя
В недолгое мое существованье.

И каждая простится мне вина,
И я сольюсь, растаяв легким дымом,
С преданием, как наши времена,
Величественным и неповторимым.

БЕССОННИЦА

И мчатся, и мчатся, и мчатся кони,
Я слышу подковы и крики погони.
Бездонная ночь и неведомый путь,
И цокот подков о земную грудь...
И мчатся, и мчатся, и мчатся кони,
То ближе, то дальше крики погони,
И цокот подков — у меня в висках.
Как жизнь и как смерть — этот мир впотьмах.

ГАЗЕЛЛА

Невозвратное вешнее утро, сирень
я призываю,
Сердцу близкую и дорогую тень
я призываю.
Золотой, обжигающий, яркий звой,
согрей мне душу!
Лета быстротекущего долгий день
я призываю.
Где пора созреванья земных плодов?
На помощь, осень!
Где ты? Желтой листвою меня одень! —
Я призываю.
Все ушли от меня, я теперь один,
сердце тоскует.
Мирный сон у огня, краткий день и лень,
я призываю.
И приносит старуха о смерти весть.
Тень дорогую,
На последнюю, мерзлую став ступень,
я призываю.

ГАЗЕЛЛА МОЕЙ МАТЕРИ

Я помню свет твоего лица, моя бесценная мать,
Морщины, будто следы резца, моя бесценная мать.

Тихонько сидишь, сидишь, молчишь,
и старый ветвистый тут¹
Тень кладет на ступени крыльца, моя бесценная мать,

Вспомнила сына, а где твой сын?
Нет сына, пропал и след.
Дети уходят, горят сердца, моя бесценная мать.

Сердца горят. Он жив или мертв?
В какую стучится дверь?
Где сын? Ни слуха, ни письмеца, моя бесценная мать,

Измучит жизнь, обманет любовь, и кто утешит его,
Во мгле бредущего беглеца, моя бесценная мать?

Укачивает зеленый тут печаль немую твою
В сонной тени своего венца, моя бесценная мать.

На старые руки — по одной — тихонько бегут, бегут
Соленые слезы без конца, моя бесценная мать.

¹ Тут — тутовое дерево, шелковица.

* * *

Сколько в сердце ни скрыто тепла и огня — всё для тебя,
Сколько света и счастья ни есть у меня — всё для тебя,
Пусть не хватит огня для меня, всё отдам, только бы ты
Не озябла на холоде зимнего дня. Всё для тебя.

* * *

Я хочу, чтоб зурна мне пела,
                                чтоб вино я пил до утра,
Перед каждым открыл бы душу,
                                всем бы другом был до утра,
Прокатился б на фэатоне
                                под окном высоким твоим,
О любви бы молил и плакал
                                из последних сил до утра.
Я бы разум ветрам доверил,
                                в каждый погребок заглянул,
Для друзей бы в хлеб превратился,
                                лил вино из жил до утра,
Головой бы своей горячей
                                к дорогим коленам приник,—
Во хмелю твой сладчайший образ
                                всю бы ночь хвалил до утра.

* * *

Я — пьяный духанщик. А где духан?
    Ни вина, ни духана нет.
Мой стол опустел, и гости ушли,
    ни султана, ни хана нет.
Где прежние силы? Где голос мой?
    Я напевы рая дарил
Твоей красоте, и сил теперь
    у согбенного стана нет.
Я — ветер бездомный, — все растерял,
    ничего не хочу вернуть.
Индийский обрушился океан:
    мне любовь преградила путь.
Народу слуга, как Саят-Нова,
    всем клинкам я подставил грудь,
Я жажду велений твоих, и мне
    иного фирмана нет.
Я — пьяный духанщик. А где духан?
    Ни вина, ни духана нет.
Я славил бы славу твою, но сил
    у согбенного стана нет.

* * *

Весна приходит, и опять цветет шиповник.
В глазах влюбленных образ милый пребудет вечно.
Пройдут года, и жизнь пройдет, но слез виновник —
Звон соловьев сереброкрылый пребудет вечно.

Другие соловьи засвищут в саду весною,
Другой ашуг прославит в песнях житье земное,
Он за меня споет, что было не спето мною.
Дни — дым, но круг времен и был и — пребудет вечно.

И сотни сотен раз из глаз прольются слезы,
И чаши сотни сотен раз раскроют розы,
И сердце сотни сотен раз пронзят занозы,
И кровь, и сердца пепел стылый пребудет вечно.

И снова будет ладан плыть, благоухая,
И голову клонить цветок родного края.
Из глаз прекрасных упадет слеза живая
И на плите моей могилы пребудет вечно.

* * *

Ты видела сотни сотен ран — и увидишь опять.
Ты видела иго чуждых стран — и увидишь опять.
Ты видела сжатый урожай кровепролитных войн,
Неубранный хлеб, глухой бурьян — и увидишь опять.
Подобно изгнаннику, боль обид видела на пути;
И ветер сухой, и ураган — и увидишь опять.
Где Нарекаци? Где Шнорали? Где Нагаш Овнатан? ¹
Ты видела мудрых славный стан — и увидишь опять.
Армения, твой Чаренц как дар взял язык у тебя.
Ты видела многих певцов-армян — и увидишь опять.

---

¹ Нарекаци Григор (951—1003) — армянский поэт, автор религиозных песнопений и гимнов, выдающийся знаток церковной литературы; основное сочинение — «Книга скорбных песен». Шнорали Мерсес (1102—1173) — армянский писатель, автор многих публицистических статей, религиозных песнопений, стихов, в 1166 г. избранный армянским католикосом. Особенно известны его стихи на светские темы. Овнатан Нагаш (1661—1722) — армянский поэт и художник-миниатюрист; в начале XVIII в. был приглашен в Тифлис ко двору грузинского царя Вахтанга VI. Его любовные и сатирические стихотворения по языку и мотивам близки народной лирике.

ИЗ ЦИКЛА «ВОСЬМИСТИШИЯ СОЛНЦУ»

* * *

Как бедра женщины, рожденной
Сводить с ума, сжигать, гореть,
К своей стихии раскаленной
Притягивает солнца медь.
И кони дико ржут во власти
Огня, траву полей топча,
И стонут женщины от страсти,
И ловят смех его луча.

* * *

Звенят подковы золотые:
Табун коней на солнце ржет.
Бесстыдно девушки нагие
Целуют солнца рдяный рот.
Уже воспалены их губы —
Целуют, словно, жизнь губя,
Погаснет жар, святой и грубый.
Приди, я так хочу тебя!..

* * *

Прекрасное горит, сжигая,
Горит, живому жизнь дая,
Твоя вселенная живая.
Пока ты жив — сжигай, горя.
Сгорев, остынь, зола седая.
И лучше душу сжечь не зря,
Чем тлеть, чадя и не сгорая.
Пока ты жив — сжигай, горя!

ТРИОЛЕТ

Тому, кто любит жизнь и славит Землю нашу,
Отрадней на Земле и легче трудный путь.
Когда не хочешь ты в трясине потонуть, —
Ты должен жизнь любить и славить Землю нашу,
И чашу грусти пить, как пьешь веселья чашу.
Не лей напрасных слез и жалобы забудь.
Тому, кто любит жизнь и славит Землю нашу,
Отрадней на Земле и легче трудный путь.

* * *

Сегодня ли тебя найдет судьба,
И ты глаза закроешь, холодея,
Не жалуйся на смерть: она слаба
Перед душой бессмертной твоею.
Взаимы дала природа много сил
Душе твоей, пылающей, как пламя,
И ты сторицей долг ей заплатил —
Мечтами, думами, стихами.

МОЯ УТРЕННЯЯ ЗВЕЗДА

Рано-рано проснись поутру,
Чуть рассвет затеплится — встань
И увидишь звезды голубой игру,
Осиявшей раннюю рань.

Так же имя твое в былом
Засияло, Чаренц, светло.
Что за бездна его поглотила потом?
Что звезду с высоты свело?

Нет, не солнца горячий луч
В ранний час погасил звезду.
До зари еще темное воинство туч
Поднялось тебе на беду.

И звезда погасла во мгле,
Закатилась в бездонный провал.
Жажда песни томила сердца на земле,
Но Парнас —
Без тебя ликовал.

ОВАНЕС ШИРАЗ

(р. 1914)

ИЗ ПОЭМЫ «СИАМАНТО И ХАДЖЕЗАРЭ»

Пока выпадает роса на цветы —
Любуешься блеском земной красы.
Пока по горам пробегает лань —
За нею, охотник, стремишься ты.

ВСТУПЛЕНИЕ

Народа светлая душа открылась до глубин,
И я любовно зачерпнул живой воды кувшин.

Я на созвездья в эту ночь возвел глаза свои,
И сердце юное мое проснулось для любви.

Казалось, от высоких звезд пахнуло ветерком.
Хаджезарэ, Спаманто ко мне пришли тайком.

Стон их страдальческой любви мне в грудь стрелой проник,
И замутила соль их слез моих стихов родник.

Они смотрели мне в глаза из тьмы былых времен,
И был отчаянием их мой разум опален.

Я повесть горестной любви прочел в глазах у них,
Спаманто, Хаджезарэ оплакивает стих.

Как будто я свою любовь, тоскуя, схоронил
И на тернистую тропу в глухую ночь вступил.

И мнится: армянин-чабан во сне, в такую ночь,
На склоне горном повстречал курдянку, бека дочь.

* * *

«Ты девушкой была во сне,
На скалы ты звала во сне,
Ты ланью резвою была
И в плен меня взяла во сне.

Я ото сна восстал во сне,
Тебя я обнимал во сне,
Поцеловал тебя среди скал.
Мне сон судьбою стал во сне».

* * *

У студеного ключа
Никнет яблонька, шепча:
«Ах, любви хмельная влага
И сладка и горяча!

Ты обет ключу дала,
Косы туго заплела.
Хвать-похватъ — свирель пастушья
Сердце в горы увела».

* * *

«Слышен сердца страстный стук.
Грудь моя — прекрасный луг.
Полно спать на твердом камне.
Приходи, несчастный друг!»

* * *

«О белоснежные мои,
Ягнята нежные мои,
Скитальца ждете вы со мной,
О неутешные мои!

Родная ванская волна,
Седая ванская волна,
Скитальца ты со мною ждешь,
Рыдая, ванская волна.

Моя нагорная тропа,
Крутая, торная тропа,
Скитальца ты со мною ждешь,
От горя черная тропа.

И ты, высокий мой Сипан,
Каменнобокий мой Сипан,
Со мною ты скитальца ждешь,
Туманноокий мой Сипан.

Вспоивший лозы, мой родник,
Взрастивший розы, мой родник,
Со мною ты скитальца ждешь
И точишь слезы, мой родник...»

* * *

«Там, в родимой стороне,
Розы дышат в сладком сне.
Мне весна зимы не краше,
Я не радуюсь весне.

Нет горы моей родной,
Нет овец моих со мной,
Нет со мной моей любимой,
Больше нет весны весной».

* * *

«Есть много путей. Все земные пути
Приводят куда-нибудь.
А мне, скитальцу, куда идти?
Кто мне укажет путь?

Где счастье мое, на пути каком?
Созвездья, скажите мне!
Я гибну без милой в краю чужом,
Сердце мое в огне».

* * *

«Ветер летучий,
Дай крылья коню!

Птицы и тучи,
Я вас догоню!
Дай мне дорогу,
О каменный край!
Скалами лога
Не преграждай!
Еду за милой
Врагам на беду
Или могилу
Себе найду».

* * *

«О люди, скажите, кто видел из вас
Глаза, что я так люблю?
Я кинусь в пучину любимых глаз,
Тоску свою утолю».

* * *

«Льются вина, длится пир,
Беку мир принадлежит.
Как ягненок, рабский мир
У него в ногах лежит».

* * *

«Дочка бека, брось стыдиться,
Выйди, выйди, песню спой!
Молодица —
Смуглолица,
Точно персик золотой.
Песню спой за чашей пенной!
Твой жених — Азиз бесценный.
Между беков — бек Азиз,
Как средь гор — гора Масис.
За тебя недаром дали
Ровно тысячу овец,
Меньше стоишь ты едва ли,
Пусть не ведает печали
Досточтимый твой отец!
Азиз-бека ты достойна.

Стан твой, точно тополь стройный.
Подойди и рядом стань!
Ты — звезда кочевий горных —
На веселье наше глянь!
Тысячу овец отборных
Молодая стоит лань!»

* * *

Песня твоя семь печальных лет
У меня на устах.
Срезанной розы поблекший цвет
У меня на устах.
Если и вправду разбойник ты —
Увези меня.
Имя твое — слаще звука нет —
У меня на устах.

* * *

«Взял бы ты меня, милый, к себе на грудь,—
Я в себе не вольна.
Обручат, увезут меня в дальний путь,—
Я в судьбе не вольна.
Завтра будет уж поздно меня вернуть,—
Я в себе не вольна.
Станет черным замком брачный мой обет
У меня на устах».

* * *

«Зарех-бек обманул народ:
Вором честный чабан слывет.
Бек свою красавицу дочь
Пожелал обменять на скот.

Хочешь зятем зваться моим —
Заплати богатый калым.
Нет овец у Сиаманто,
Нищ пастух и горем палим.

Пусть я черствому хлебу рад,
Я любовью зато богат.
Иль не стоит моя любовь
Азиз-бековых тучных стад?»

* * *

«Я иду по тропе,
Любовь тая,
Словно в бреду.
Не узнаешь и ты,
О, тропа моя,
Куда иду.
Мой любимый придет
На страстный зов,
Встретит меня.
Я услышу сейчас
Серебро подков
Его коня».

* * *

«Опоясан отец твой цветным кушаком,
Мой отец с малолетства ходил босиком.
Как луна — та жена, что тебя родила,
Я от звездочки малой рожден бедняком.
Ты — садовый взлелеянный нежно цветок,
Я — суровый, пробившийся к свету росток,
Из-под мертвого камня к тебе я тянусь,
От огня твоего и красы изнемог».

* * *

«Побратим побратиму, как родник, говорит:
Утолю твою жажду, если жажда томит,
Если горе нагрянет и приблизится враг,
Побратим побратиму — меч надежный и щит!»

* * *

«Где ты, мой молодой орел?
Ты куда от меня ушел?»

Почему обманул меня,
Без подруги спустился в дол?

Ждал меня ты семь долгих лет,
А теперь мне защиты нет.
Только ночь ты провел со мной
И покинул меня чуть свет».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Но в том ущелье роковом, едва весна придет,
Два мака скорбные цветут, как говорит народ.
Дотоле не было таких цветов среди лугов —
С сердечком траурным в венце кровавых лепестков.
Хаджезарэ — Сиаманто погибли в цвете лет,
Но в облике другом они явились вновь на свет.
Как яркий свадебный наряд, горят их лепестки,
А темные сердца таят следы былой тоски.
Должно быть, их недолгий век — печальной доли знак:
Едва дотронешься рукой, и облетает мак...
И тянется к цветку цветок. И, прежде чем опасть,
Спешит поведать, трепеща, свою любовь и страсть.

АМО САГИЯН

(р. 1915)

СИНЯЯ ПЕСНЯ

Есть светло-синий мир воспоминаний,
Где горы в небо синее одеты,
И ноги у меня, как ноги неба,
И я стою в пустыне светло-синей
Один и одиноко...

По лбу проходят
Светила синие, а на груди
Четыре ветра бьются в синей злобе
И с ярко-синим свистом пропадают
Неуследимо в синей пустоте.
Осаживаю синим свистом трепет
Тревожно-голубеющего сердца,
Но в трепете выбучей высоты
От голубого головокруженья
Покачиваюсь...

Мирозданье снова
Переворачивается,
И снова дремлют надо мною горы,
И боги дремлют подле ног моих.

* * *

Темнеют горы на горах,
Ущелья в глубине ущелий.
Мне чужд заката смутный страх.
Темнеют горы на горах.
Воспел я отчий мир в стихах.
Я от камней зачат в камнях,
Мне в колыбели камни пели.
Темнеют горы на горах,
Ущелья в глубине ущелий.
Мне чужд заката смутный страх.

ОСЕНЬ В ГОРАХ

Осень втягивается в лощины
Из ущелья сквозь просвет,
Осень цвета камня и глины,
И конца ущелью нет.

Инеем исчерчены склоны,
Холод твой — как моя печаль,
Вдоль ущелья мой вздох приглушенный
За тобою тянется вдаль.

Просветлел твой поток гремучий,
Камень сух под стопой твоей,
Твои оседлые тучи —
Кочевье седых камней.

НА ДАЛЬНОМ БЕРЕГУ

Товарищи по играм и забавам
Ведут меня на дальний берег свой;
Как Иисус, стою в тряпье кровавом,
Ислестанный крапивой и лозой.

— Я вам не лгал, я был у птиц в неволе,
Я никогда не забывал друзей...—
Оправдываюсь и кричу от боли
И просыпаюсь в комнате моей.

ТАК ЖИТЬ

Пускай погаснет свет во взоре.
Но только бы слова, как сеть,
Держали мысль, и петь, и в хоре
Не онеметь, не онеметь.

Скатиться бы слезой пролитой,
Упасть бы птицею подбитой,
Но только бы в неволе быта
Душой не тлеть, душой не тлеть.

Пускай меня согнет работа,
Годам забот не будет счета,
Но только бы в часы полета
Не тяжелеть, не тяжелеть.

И жить веками, жить веками,
Сшибаться грудь о грудь с горами,
Дышать ветрами, встретить пламя,
Гореть, и крепнуть, и сгореть.

* * *

Радуга животрещущая,
По ветвям выгибающаяся,
На дерево переселяется
Из моей красно-зеленой мечты.

ОРАВЕЛ¹

Ушло в туман воспоминаний детство,
И луч его, как сказка, догорел,
Но принял я ваш оравел в наследство,
И сказку воскрешает оравел.

О, сколько раз для прямодушной песни
Я покидал предел забот и дел,
Но нет напева чище и чудесней,
Чем ваш, землей пропахший, оравел.

И я, в ладу с судьбою, как другие,
Во славу жизни много песен спел,
Но с чем сравнить мне звуки дорогие
И отчий дух, проникший оравел?

Вы, мудрые отцы земли армянской,
Я жизнь отдам за гордый ваш удел.
Но как воспеть мне подвиг ваш гигантский
И ваш благословенный оравел.

---

¹ Оравел — песня пахаря.

* * *

Пойду, затеряюсь в листве неживой
Лесов, обступивших осенние горы,
Забуду раздоры, укоры и ссоры,
К замшелому камню склонюсь головой,
Для птиц перелетных я сердце открою,
И стану я ухом лесной тишины,
И верно услышу дыханье живое
Под горами листьев уснувшей весны.

* * *

Твоими глазами, твоими глазами
Себя самого я увидел во сне,
Себя проклинал я твоими устами,
И стыд покаянный забился во мне.

И я пожалел тебя тысячекратно,
И тысячекратно тебя я простил,
Мне было во сне самому непонятно,
Как вытерпеть сон мой хватило мне сил,

Проснулся — и понял: руками твоими,
Руками твоими убит я давно.
Один я, а мнится, что стал я двоими,
Но этого мне объяснить не дано,

ИЗ ГРУЗИНСКОЙ ПОЭЗИИ

НАРОДНАЯ ПОЭЗИЯ

* * *

Воздадим хвалу героям,
Воздадим хвалу грузинам,
Разметавшим вражье войско
По затопленным низинам!
Поглоти врагов, Арагва,
В правой битве помоги нам!

Гела смотрит на дорогу,
Молвит: «Копит враг обиду!»

Наш Георгий Базалетский,
Как скала, был крепок с виду;
Пастуха позвал Георгий,
Наставлял его, как сына,
И поклялся тот всевышним
Перед ликом господина:
«Я пошел на луг и вижу:
Вождь лезгинский мне навстречу.
Я его под сердце ранил,
Я с колена бил картечью».
«Горе мне! — сказал Георгий.—
Видно, целился ты мало;
У тебя ружье на славу.
Если б в цель картечь попала,—
Тот лезгин с земли не встал бы,
Изошел бы кровью алой!»

Лег туманной пеленою
Сон Георгию на очи,
В чистом небе гром небесный
Разразился ó полночи,

На Георгия лезгины
Навалились туча тучей.
Одного схватил Георгий,
Поразил рукой могучей.
Рот, как дрозд, лезгин сраженный
Раскрывает, умирая,—
Из груди торчит кинжала
Рукоятка роговая.

Поглядишь, мелькает быстро
В колесе бегущем спица,
А еще быстрее Георгий
На коне в Манглиси мчится.
Он врагов, как сучья, рубит.
Кто его храбрее в мире?

Беруа хвалу слагает,
Получается — шаири ¹.

Подадим друг другу руки
И друг друга клятвой свяжем.
Поглядим-ка на дигойцев,
Слово доброе им скажем!
Как пошли на брань дигойцы —
Стон стоял над горным кряжем!

Люди двух вождей неверных
Выбегают из засады,
В их руках дымятся ружья —
Ясеновые приклады.
Рану щупает Георгий,
Кровь бежит из-под ладони.
А в Манглиси днем и ночью
Строят храм на горном склоне,
Похоронят в нем лезгинов,
Перебитых в день погони.

Вот лежит Георгий, словно
Отдыхает перед боем,
А в устах клубятся черви:
Мы лицо ему прикроем.

Я сложил хвалу стихами
Нашим доблестным героям.

---

¹ Шаири — стихотворная форма грузинской поэзии.

* * *

По Самгори — полю чистому —
Едет юноша пригожий,
Едет юноша, на сокола
И на ястреба похожий.

За конем хромая девушка
Ковыляет, причитая:
— Возвратись, пригожий юноша,
Не гляди, что я хромая.

Ты ж меня по следу лисьему
Не погонишь, как борзую?
Сына выношу я статного,
Дочь рожу я не хромую.

И ткала бы я, и пряла бы,
Подходила бы с поклоном,
И в твои карманы золото
Я бы сыпала со звоном.

Засверкали бы, как зеркало,
У тебя на полке плошки,
К чохе¹ праздничной пришила бы
Я бубенчики-застежки,

Я пекла бы хлеб, спешила бы,
Ожиданьем не томила бы...

---

¹ Чоха — национальная грузинская одежда,

---

* * *

— Кто твой муж? Каков он с виду?
Я из дерева сухого
Родичам его в обиду
Мог бы вырезать такого!

За водой ходил студенной,
Косы я твои увидел,
Да меня твой отведенный
Взгляд, красавица, обидел.

Шла ты мимо скал отвесных,
На ходу носок вязала,
Слезы, чище рос небесных,
На вязанье проливала.

Дам тебе, моя отрада,
У креста Лапари слово:
Мне другой жены не надо,
Не желай и ты другого!

— Я клянусь любимым братом:
Ты один мне нужен, милый,
Только спор вести с богатым
У тебя не хватит силы.

Ты меня украсть не пробуй:
Жаль тебя. На горе наше
Не буди людскую злобу.
Ты лицом рассвета краше.

А у мужа наготове
Меч, добычу стерегущий,—
Мне дадут отведасть крови,
По твоим плечам бегущей.

Уходи! Когда бы жалоб
Я твоих не услышала,
Я носки тебе связала б,
Окаймила ниткой алой.

— Пусть меня умчит в долину
Конь, на кречета похожий,
Сгинет конь, и сам я сгину —
Мне и гнев не страшен божий.

Научусь чеченской речи,
Называться Никой буду,
Грубошерстную на плечи
Ткань надену, мать забуду!

Мужа твоего десница,
Отсеченная, нужна мне,
Чтобы кровью ей сочиться
На чеченском черном камне!

— Погляжу, ты смелый воин,
Но тебя мой муж смелее;
Как тростник, ты станом строен,
Но тебя мой муж стройнее.

Он, как молния, примчится,
Он, как вихрь, тебя догонит,
Франкский меч твоя десница,
Отсеченная, уронит!

* * *

Я иду по степи Ширакской,
По степи меня ветер гонит.
Мотылек сидит на дороге,
Крылья алые долу клонит.

Так и платье любимой ало.
Защити меня, боже правый!
О, как тяжко, когда другому
Бросит милая взор лукавый.

Я окинул Алвани взором,
Другом стал я пустым просторам...

ГРИГОЛ ОРБЕЛИАНИ

(1804—1883)

ЛИК ЦАРИЦЫ ТАМАРЫ В БЕТАНИЙСКОМ МОНАСТЫРЕ

Светит мне святой
Лик высокий твой,
Затаивший прелесть неземную;
Сердцем трепеща,
К синеве плаща
Льну в слезах, стопы твои целую.

В черный день скорбей
Радуюсь твоей
Тишине, лучистое виденье.
В безысходном сне
Снизойди ко мне,
Заглуши Иверии паденье!

Край цветущий твой,
Силой роковой
Твоего величия лишенный,
На пути обид
Никнет и скорбит,
Гнетом лихолетья помраченный,

Низведи твой свет,
Солнце древних лет,
Жительница горного чертога,
Защити твой край,
Сгинуть нам не дай,
В день печали прогневившим бога.

Горестен и тих
Я у ног твоих,—
Не отвергни моего моления!
Вдовый твой народ,
Твой избранник, ждет
Снова твоего благословенья,

Чтобы край отцов
На владычный зов
Встал из гроба меж держав державой,
Церковью святой,
Речью золотой,
Мудростью украшенный и славой.

Воскреси наш слух,
Укрепи наш дух,
Нашу ревность оживи сыновью,
Чтобы снова пел
Мощь великих дел
Руставели, движимый любовью.

Укажи пути,
Душу просвети,
Расточи, царица, сумрак ночи!
— Но твой взор исчез
В синеве небес,
И меня твои не видят очи.

Кто я пред тобой!
Обречен судьбой,
Я отравлен горечью сомнений,
Ибо от меня
На закате дня
Отлетел надежды светлый гений.

Что распалось в прах,
Нам и в небесах
Не предстанет красотой слитной.
Где нам отыскать
То, что отнял тать,
Ворон взял добычей беззащитной?

Лживый, темный мир!
Вероломный мир!

Он померкнет пред лицом печали.
Тщетно — неживой
Дом пустынный твой
Мы твоим величьем населяли!

Превышая лес,
Достигал небес
Этот храм, затихший сиротливо,
Где, как сон, возник
Светозарный лик,
Выведенный кистью терпеливой...

ПЛАЧУЩЕЙ НИНЕ ЧАВЧАВАДЗЕ

Почему печальна ты,
Почему ты плачешь, Нина?
Если не одни мечты
Горя твоего причина —

Ты на грудь ко мне приди,
Я приму твои печали,
Чтоб они в моей груди
Слезы горькие рождали.

Мне милей твоя краса,
Если плачешь ты, мечтая:
На глаза твои роса
Набегает неземная.

Круглый катится жемчуг
По ланитам цвета розы.
Жаль мне будет, если вдруг
Перестанут литься слезы.

РАФАЭЛ ЭРИСТАВИ

(1824—1901)

ДУМЫ СЭСИА

Я земля и был землей,
Для труда землей рожденный,
Стала мне земля сестрой,
Мукою моей бессонной.

Что посею — не растет;
Не родит земля сухая,
И глядишь, на круглый год
Не хватает урожая.

То — хозяин на порог,
То — священник, то — урядник...
Гнут меня в бараний рог:
Много их, скупых да жадных.

Муравей — и тот мне враг.
Не дадут душе покою!
Отдохну я, бос и наг,
Под моей землей сухою!

ИЛЬЯ ЧАВЧАВАДЗЕ

(1837—1907)

* * *

**Женщина прекрасная со мною
Говорила раннею весною:
«Юноша печальный! Неужели
Ты не слышишь, как ручьи запели?»**

**Погляди, как на земное лоно
Золото струится с небосклона!» —
«Не растает лед моей печали,
Как бы очи солнца ни сверкали,
Слезы под горячими лучами
Не прольются щедрыми ручьями!»**

* * *

Юность, где сладость твоя? Где живые усилия,
Страстное сердце влекущие к яркому раю?
Чувства ограблены, рано подрезаны крылья,
Ветвью безлистной я в пору весны поникаю.

Юные сны расточились, как легкие тени,
Юное сердце покинуто верою ранней,
Радость убита холодным дыханьем сомнений.
И облетели цветы молодых упований.

Тщетным огнем неземную любовь называя,
Крылья подрезал мне разума вкрадчивый холод,
Чистого чувства померкла святыня былая...
Горе тому, кто в годá молодые не молод!

* * *

Под бременем печали изнывая,
Не у людей ищу я утешенья,
Сама собой, свободная, простая,
Приходит песня в горькие мгновенья.

Каких скорбей мы с ней ни разделяли!
Она моей окутана тоскою.
Печаль ее сродни моей печали,
Столь милой мне, пока она со мною.

* * *

Пустую жизнь без вдохновения
Небесным даром не зови:
Она — земное порождение
И достояние земли.

Но если искрою нетленной
Твой подвиг западет в сердца,
Ты светом озаришь вселенную
И не изведает конца.

Хвала любви! Хвала бесстрашию!
Служителю добра — хвала!
Он пьет бессмертье полной чашею
В награду за свои дела.

* * *

Темно вокруг, и на душе темно,
И это сердце — холода жилище.
Ни в ненависти, ни в любви — равно
Душа моя не обретает пищи.

Боролся я с коварством и враждой,
Окрепла юношеская десница,
Терпел я поражения порой,
Но ни пред кем не пожелал склониться.

Не стоили моих усилий те,
С кем я боролся долго и напрасно.
Не засмеюсь я, внемля клевете,
И не заплачу горестно и страстно.

Темно вокруг, и на душе темно,
И это сердце — холода жилище.
Ни в ненависти, ни в любви — равно
Душа моя не обретает пищи.

ВАЖА ПШАВЕЛА

(1861—1915)

ЗА ГОРОЙ ЗАСВЕТИЛСЯ МЕСЯЦ

За горой засветился месяц,
Над горой туман за клубился.
Мне огнем опалило сердце,
Я, скиталец, с дороги сбился.

Кинусь я со скалы пустынной,
Воронье исклюет мне щеки.
Не обнять мне той, по которой
Горько плачу я, одинокий.

По скале ручеек струится,
Напевает, неугомонный.
Горе мне! Умирает сердце
От печали неутоленной.

К детям скал¹ прислушайтесь: клегчут
И ширяют в соседстве грома.
Все твои родные — на свадьбе,
А мои — сиротствуют дома.

---

¹ Дети скал — птицы. (Примеч. Важа Пшавелы.)

РАСЦВЕТАЮТ ВЕСНОЙ ФИАЛКИ

Расцветают весной фиалки,
В пору жатвы трубят олени.
Сердце, словно изгнанник жалкий,
Горько плачет в изнеможенье.

Под горой от сердечной боли
Черной ночью совы кричали.
Неужели земной юдоли
Мало только моей печали?

Все проходит на белом свете,
И морское иссохнет лоно.
Для нанесших мне раны эти
Разве нет такого закона?

ВОТ ПРИШЛА И ЭТА ВЕСНА

Вот пришла и эта весна,
Просыхают отроги горные,
Таает снег об-он-пол горы,
Потемнели дороги торные.

Мечется Арагва, кипят
Пшав-хевсурские воды стылые,
Плачут, будто в могиле брат,
А сестра скорбит над могилою.

Выглянул фиалкин глазок,
Как сноха над фиалкой — чадуна¹,
А невестка хмельным-хмельна,
Дол кругом — как праздник негаданный.

Разукрасила мир весна
Где листвою, где цветами нежными.
Только сердце мое мертво,
Только сердце мертво по-прежнему.

---

¹ Ч а д у н а — щитовина, род папоротника.

ВОРОН ВОРОНА ОКЛИКАЕТ

На Эльбрусе ворон ворона
Окликает с камня седого:
«Просыпайся, брат, подымайся,
Время крылья расправить снова.

Пролетал я над долом давеча,
Ружья громыхали в Кахети,
Полегли в траву луговую
Матерей любимые дети.

Я — вперед, ты за мною по следу,
Нам с тобой лететь недалече,
Очи выпьем у недоумков,
Исключем увядшие плечи.

Кахетинцев много порублено,
Рук не хватит копать могилы.
Я терзал уже клювом острым
Теплые и сладкие жилы».

ЗАСТОЛЬНАЯ

Наливай вина — и выпьем,
Выпьем, чтоб оно пропало! —
И пойдет прямой дорогой
Мир, бредущий как попало.
Потоплю я в турьем роге
Горечь сердца, злое горе,
Повстречаюсь я с любимой,
Поголяю на просторе,
Своего пришпорю Лурджу,
Вместе с Лурджой кинусь в море.
Много лучше смерть во славе,
Чем собачья жизнь в позоре.
Молодой боец не может
Видеть смысл во всяком вздоре.

ЖАЛОБА ДУДАРЯ

Заболел я всей скорбью мира
Оттого и стал дударем.
Воры дудку мою украли,
Вот и плачу ночью и днем.
И на что она им, проклятым?
Не продать ее нипочем:
Солью слез ей глаза изъело,
Не украшен стан серебром.

Срезал я ножом безыскусным
Бузины тонкостенный ствол;
Из волос гонимых и нищих
Я колечки для дудки сплел,
В соловьиную горловину
Вдунул мира горький глагол,
А теперь втихомолку плачу,
Чтоб никто меня не нашел.

Пусть же вор могильную землю
Ртом щербатым ест не дыша!
О, как дико и нежно пела
Легкой дудки моей душа!
Ничего от вас не хотела,
Даже ломаного гроша,
И сама просилась мне в руки,
До того была хороша.

Мы сроднились, как брат с сестрою,
А теперь простились навек.
Слить бы голос ей с причитаньем
Синих гор, ущелий и рек.
Чтоб смеющийся, как ребенок,
Слезы лил и лил человек.

ОРЕЛ

Видел я: орел-подранок
Бился насмерть с вороньем
И, уже взлететь не в силах,
Землю мел одним крылом;
Из груди его струилась
Кровь слабеющим ручьем.

Чтоб вам сгинуть! Он попался
В час недобрый вам живьем,
А не то ваш пух по ветру
Долго вился бы кругом.

ГДЕ ТЫ, МОЙ ОРЕЛ?

Где ты, мой орел? Клювом бей,
Сердце рви кривыми когтями,
Дай свободу крови моей,
Дай душе изойти слезами!

Истомила меня печаль,
Но не могут слезы пролиться.
Сердцу больно — людям не жаль.
Помоги мне, вольная птица!

БЫЛ В ГОРАХ...

Был в горах, с вершины видал
Мир, припавший к дальним отрогам,
На груди светила держал,
Как пророк, беседовал с богом.

Мысль о благе мира была
Для души единственной мерой,
Жизнь и смерть во имя его
Были правдой моей и верой.

А теперь я спускаюсь вниз.
Тьма глотает меня в ущелье,
Злые думы с душой сплелись,
Сирым разумом завладели.

Сверху вниз брести наугад —
Горе мне! — как тяжело и томно...
Слезы не исцелят меня
На равнине этой бездомной.

О, зачем я себя обрек
На погибель без воздаянья
И сошел с горы? Чтобы стать
Тщетной жертвой? Чашей страданья?

СТАРЫЙ ЛЕВ

Притомился лев, притомился,
Наступила старость на горло,
Наложила подать на мышцы,
Когти царские поистерла.
На поклон зверье не приходит,
Будто все окрест перемерло,
И никто его не жалеет,
И прошла пора золотая,
Та пора, когда выступал он,
Землю лапами прогибая,
Всю державу свою рычаньем
Потрясал от края до края.
Приутих недавний властитель,
Сердце старое плачет сиром;
Мнится, он давно уже болен:
На костях ни мяса, ни жира.
И чело его омрачает
Дума о вероломстве мира.

Притомился лев, притомился,
Наступила старость на горло,
Наложила подать на мышцы,
Когти царские поистерла,
Шкура у него заскорузла
И в груди дыхание сперло.
Из очей, когда-то прекрасных,
Тихо каплет мутная влага.
Кто тебя в беде пожалеет,
Жертва старости, царь-бедняга?
Где гордыня? Где величавость?

Где высокое бремя славы?
Весь ты в шрамах и гнойных язвах.
Что за зрелище, боже правый!

Холодает лев, голодает
И мышкует в поисках пищи,
За зверями по следу ходит,
Просит милостыни, как нищий.
Для себя охотится каждый,
Лев к тому же чужой породы.
Кто глупей, тот на нем, беззубом,
Вымещает свои невзгоды,
А еще иному приятна
Вечная жестокость природы.

Никому из зверей не жалко,
Что погасло львиное счастье,
Тигры льстивые даже рады
Одрыхленью Кровавой Пасти;
Не таясь, олени выходят
И зовут соучастниц страсти.

Голодает лев, холодает,
Наступила старость на горло,
Наложила подать на мышцы,
Когти царские поистерла.
Лев минувшее вспоминает:
Звери на поклон приходили,
И валялось парное мясо
У могучих лап в изобилье.

ЧТО, РЕКА, РЫЧИШЬ МНЕ В УШИ?

Что, река, рычишь мне в уши?
Что ты, ночь, глаза мне застишь?
Дай от дьявола уйти мне,
Дольный мир, откройся настезь!
Освети мне землю, боже,
Снизойди к моей тревоге!
Дома смутных глаз не сводят
Дети малые с дороги.
В мире этом злополучном
Долго ли осиротеть им?
Ты не дай без утешенья
Слезы лить несчастным детям.
Дети будут горько плакать,
Если я в дороге сгину...
Допусти до перевала,
Сроку дай сойти в долину!
Буду жив — меня дорога
Приведет в мое селенье:
Только там надежный отдых,
Там от раны исцеленье.
Где еще укрыться? Стал я
На чужбине сиротою,
Потому-то и не знает
Сердце бедное покоя.
Но домой спешу напрасно:
Матери я не застаю.
Предали меня надежды,
В сердце нанесли мне рану.
Вместо радостных приветов
Дома только плач услышу,

И одни заботы будут
Приходить ко мне под крышу.
Больше в мире этом скорбном
Ничего я не имею.
Пусть моя звезда погаснет,
Не заплачу я над нею.
Как мне жить, когда на свете
Нет мечте осуществленья,
И не выпадет мне счастья
Ни крупицы, ни мгновенья.
Горе мне! Хулы и муки
Ждут меня и за могилой.
Встанет *там* перед глазами
Все, что *здесь*, при жизни, было.

МОЛОДЫМ ПОЭТАМ

Наг и бос хожу по свету,
Голодая, холодая.
Неизбывной нищетою
Знаменита наша стая.
Печка жизни раскалилась,
Мне подобных выпекая.
Многим в этом бренном мире
Доля выпала такая:
Нас, рожденных матерями,
Всех могила ждет глухая.

Если я узды достоин,
Разве я склоняю шею?
Дружбой с вами клясться буду
Всем на свете я владею.
Этот мир — мое богатство:
Горы, доли, вся природа,
Суша и морская влага,
Звезды — войско небосвода,
Сторож тучек — светлый месяц,
Солнце в ранний час восхода,
Радостный напев богатых,
Сиротливый плач народа,
Голубое небо, ведро,
Ливень, гром и непогода,
Розы вешнее цветенье,
Вся ее родня земная,
В блеклом платье фиалка —
Скромница моя лесная,

Піримзе¹ на горном склоне
И горянка молодая,
И роса, что жемчугами
На лугу дрожит, мерцая,
Долгий гул обвалов зимних,
Летом — россыпь дождевая,
Ад за гробом, коль затворят
Предо мной ворота рая...

Я реву, как бык могучий,
Я рогами землю рою:
— Боже, дай моей отчизне
Жизни щедрою рукою! —
Слыша о беде несчастных,
Слезы я струю рекою,
Мучусь я и колоброжу.
Праздность не в ладу со мною, —
С бедняком делюсь последним,
Не враждую с нищетою.
Я пришел во имя блага,
Связан я с моей землею.
Никого я не обижу
Злым деяньем, речью злою.
Я реву, как бык могучий,
Я рогами землю рою.
— Боже, дай моей отчизне
Жизни щедрою рукою! —
За несчастных и бездольных
Слезы я струю рекою.
Вдаль иду с горящей песней.
Блажь берет меня порою.

---

¹ Піримзе (букв.: солнцеликая) — вид цветка.

БАКУРИ

— Элисбар, поведай людям,
Что и как случилось в Эго¹
С домом-крепостью Бакури
В дни лезгинского набега?

— Не хочу, чтоб сердце снова
Билось, как в ловушке птица.
Что сказать? Живи, Бакури,
Было б чем ему гордиться,
А таким, как я, в могиле
Лучше смертным сном забыться.

— Ты зачем сказал такое?
Унижать себя не надо!

— Лгать из хвастовства не буду,
Это не моя отрада.
Я не поддержал Бакури,
Пред врагом не встал преградой.
Жизнь мне сладостной казалась,
А теперь не слаще яда.
На врага пошел Бакури,
Как могучий барс на стадо.
Я живьем врагу попался,
И грызет меня досада,

---

¹ Эго — деревня в Тушетии, одной из областей Грузии.

Не могу спины расправить
И поднять не смею взгляда.

— Не бежал ты с поля боя,
А что пуля не задела,—
Не горюй: зачем стыдиться
Непозорного удела?
И до нас об этой схватке
Много слухов долетело,
Но молва ни в чем постыдном
Обвинить тебя не смела.
Сам, что видел и что знаешь,
Расскажи про это дело.

— Подошло большое войско,
И попали мы в осаду,
Семь ночей, семь дней из ружей
Мы отстреливались кряду.
Жены, матери и сестры
Нам заряды подносили.
В день восьмой настало время
Истощиться нашей силе.
Порох кончился. Что делать?
Мы не спали и не ели,
Вспомнишь все — врагу бы только
Пожелать такой недели.
Оплошали мы, попали
Счастью лживому в немилость.
Будто снежная лавина,
Вражье войско накатилось,
Гулхадарцам и дигойцам¹
Наша крепость отворилась.
«Горе нам! Оружье дедов
Мы носили для того ли,
Чтоб врагу отдать на муку
Жен с детьми по доброй воле?»
Слово гневное Бакури,
Точно пламя, полыхало,
Сердце сделалось кременным,
Превратился взор в кресало.

---

¹ Гулхадарцы и дигойцы — племена, обитающие в Дагестане у границы Тушетии.

«Сам убью! — Бакури крикнул.—
И да сгинет враг презренный!»
Крикнув так, жене и детям
Снес он головы мгновенно,
Ринулся врагу навстречу.
Я — вослед. Мне показалось,
Что в руке его могучей
Сталь прангули¹ засмеялась.
У ворот сразив двенадцать,
Он затих подобно буре.
Когти барса притупились.
Вечным сном почил Бакури.

---

¹ Прангули («Франкская») — вид холодного оружия, сабля округлой формы.

ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ

— О душа, где была, что видела,
Почему ты плачешь, душа?

— Я была в горах, барса видела.
Перед ним лежал, не дыша,
Холодея, детеныш пепельный.
Барс оплакивал малыша.
Знала ль я, что и зверя дикого
Скорбь терзает, сердце круша.

— Что же снова ты плачешь? Чем еще
Дольный мир тебя огорчил?

— Повстречался печалью раненный
Мне олень, исполненный сил.
Он бродил в одиночку по лесу,
А подруги не находил.
Он потерю свою оплакивал,
Отчий лес был ему не мил;
Радость жизни его покинула,
Клял он свой безответный пыл.
Да изведает одиночество,
Кто печаль ему причинил!

— Отчего ты снова заплакала,
О душа, скажи, что с тобой?

— Плачу я затем, что отравлена,
Точно ядом, горькой судьбой,
Долей горестной сирой женщины,
Дивною своей красотой,

Властной ослепить и ума лишить
Ослепленного красотой,
Красотой, сравнимой с фиалкою,
Алой розой или звездой.
Билась и рыдала красавица,
Голову посыпав золой,
Над высокой свежей могилою
Под скалистой Эльбрус-горой.
Кто погиб у нее — не ведаю,
Муж ее или кто другой,
Но меня ее причитания
Обжигали смертной тоской.
Почему же судьба жестокая
Не щадит красоты такой?

— О источник жалоб и жалости,
А теперь ты плачешь о чем?

— Я селенье дальнее видела,
Где разрушен был каждый дом
И повержен храм, и голодные
Дети ползали нагишом;
Где, обшаривая развалины,
Выли горестно псы кругом,
Где столбы да стены щербатые
Были вычернены огнем
И усеяны сытым, каркавшим,
Перья чистившим вороньем.
Там с врагом сражался единственный
Уцелевший еще храбрец,
Но и он не достиг желанного,
И его подкосил свинец.
Будто волчья стая их резала,
Меж руин из конца в конец
Все селенье было завалено
Тушами коров и овец.
Снедью стал для жадных стервятников
Смертью храбрых павший боец,
Напились орлы сизокрылые
Влагой глаз и кровью сердец.

— Вот зачем ты одета в черное!
Чем еще ты удручена?

— Ничего не скажу я более.
Пред тобою — твоя страна.
Оглянись, поймешь, чем я ранена,
Отчего смертельно больна.

— Что ж хохочешь ты, как безумная?
Не таись, душа, предо мной.

— Я схожу с ума, я с ума схожу
От страданий земли родной.

РАЗЪЯСНИТЕ ФИАЛКЕ НЕЖНОЙ...

Разъясните фиалке нежной,
Что ее изничтожат слизи,
Что дверей блаженного рая
Не увидит она при жизни,
Что гордиться ей красотой
Ни к чему на собственной тризне.
Лучше б ей не глядеть на солнце,
Крепко спать в земляной отчизне.

Наше солнце непостоянно,
Счастья мало в нашем пределе.
Мать-земля, ты мою фиалку
Приюти в своей колыбели.
Твой обычай — служить покровом,
Пуха птичьего не тяжёле.

СТАРИННАЯ ПЕСНЯ ВОИНОВ

Матери не для того ли
Пели нам у колыбелей,
Чтоб клинки мы отточили,
Чтоб кольчуги мы надели,
Чтоб сердца лихих соседей
Перед битвой холодели,
Чтоб не страшен был отчизне
Враг, искусный в бранном деле!

Жен, детей, поля родные
Мы удаче поручили,
Поклялись умыться кровью,
Посвятили жизнь могиле,
Чтобы дани мы вовеки
Урожаем не платили.
Наши матери недаром
Смелых витязей взрастили!

Жизнь сжигаем, как солому,
Для отчизны несравненной,
Умираем с легким сердцем,
Гибнем с песней дерзновенной:
«Пусть они умрут, — что нужды?
Дети вырастут мгновенно,
Кружатся колеса прялок,
И шумят крыла вселенной:
Сыновья бесстрашны будут,
Мужество отцов нетленно.

Кто теперь в наш дом ворвется,
Лютый смертью угрожая?

Побеждает тот, кто бьется,
Как солому, жизнь сжигая.
Мы живыми не уступим
Ни земли, ни урожая,
Мы клялись умыться кровью,
Жизнь сраженьям посвящая.
Ну-ка, витязей подобных
Родила ль страна другая?

Родины ничьей не тронем,
Только нас дразнить не надо.
Даже мертвый засмеется:
Будет хороша засада.
Живы будем — не пропустим
Ни единого отряда.
Отступить нас не заставит
Ни кинжал, ни кубок яда.
Мы, как львы, идем на гибель,
Смерть в бою — для нас отрада.
Мы спины врагам не кажем,
Пусть они бегут, как стадо.
Бейтесь так, чтоб наши внуки
Наши подвиги воспели.
Поразим себя клинками, —
Только б не был враг у цели».
Чтобы родине прекрасной
Угрожать враги не смели,
Надо, чтоб такие песни
Люди знали с колыбели,
Чтобы матери таких же
Витязей вскормить хотели.

ПРИГЛЯЖУСЬ Я К СЕБЕ

Пригляжусь я к себе — и больше
Не в обиде на путь земной:
Добрых дел совершил я много,
Прегрешений мало за мной,
Захочу долететь до неба —
Крылья вырастут за спиной,
Света горнего луч заблещет
В сердце, полном голубизной,
И словам на бумаге тесно,
И душа — струна за струной —
Пробуждается, запекает,
Словно птица ранней весной.

Я тогда, — невольник чонгури¹,
И хоть выскажусь не вполне, —
«Честь и слава песне высокой!» —
Люди добрые молвят мне.
Песня мне самому по нраву,
И отраднo мне, как во сне.
В лад единый строятся звуки
И бегут, подобно волне,
Отдохнуть чонгури не хочет,
Я молчать не даю струне,
Все другие заботы в песне
Тают, словно лед по весне.
Я плыву по морю блаженства,
И держусь я за рукава

¹ Чонгури — национальный музыкальный инструмент.

Одеяний творца вселенной
И служителей божества.
Сыплется небесная манна,
Сладко кружится голова.
Матери хвала, чьей заботой
У меня душа не мертва!

Но растет число прегрешений,—
Петь хочу, а на сердце — тьма,
Не могу одолеть разлада
Слова жгучего и ума,
Я чонгури мучу напрасно,
Мир тогда для меня — тюрьма;
То перо, что в ранние годы
Заострила любовь сама,
Гробовые змеи обвили,
Остудила ведьма-зима.

Ад во мне, и свое зачатъе
Не устану я проклинять.
Так бывает, когда поэта
Не приосенит благодать.

ГОРАМ

О горы, горы,
С вами в разлуке
Я не стерпел бы
Всей этой муки.
Вас полюбил я,
Когда впервые
Меня пытливо,
Как часовые,
Вы оглядели,
Кручи живые.

Я не обманут
Сердечной жаждой.
Делю я долю
Вершины каждой.
Люблю вас крепче
Всего на свете,
Воины духом,
А сердцем дети,
Вольный, высокий
Притин столетий.

Я ненавижу
Низость бессилья,
Дух пресмыканья,
Веянье гнили,
Павшего духом
Мертвые крылья.

Мне утешенье —
Ваш строй нетленный,
В сердце навеки
Запечатленный.

Без вас я — клочья
Вопящей плоти,
Но не стенаю,
Чуть вы блеснете.
Споткнусь о камень
На повороте —
Вы снизойдете
К моей заботе,
И стану стойко
У самой цели,
Возвысив песню,
Как вы хотели.

Сияйте, горы,
В дали туманной!
Нектар надежды,
Лейся на раны!
Попранный, сырый,
Из пут обмана
Край наш рванется
К мечте желанной.

Дохните ветром,
Нашлите бурю,
Пусть не увижу
Солнца в лазури;
Жизнь отымая,
Бейте по-турьи,
Щебнем засыпьте —
Глаз не прищурю.
С ваших ладоней
Хлебну отравы,
Смиренно лягу
На ваши травы.

Не только ваши
Радости помню,
И ваше горе
На грудь легло мне.

А думы снова
Как прежде с вами.
Вы преграждали
Мне путь ручьями,
Меня сжимали
Седыми льдами,
Вы заливали
Потом глаза мне,
В угон метали
То град, то камни;
И проклинал я
Снег в три аршина,
И ненавидел
Ваши вершины.

Давно из сердца
Ушло все это,
В нем только розы
Алого цвета.
Связь моя с вами
Не ослабела,
Чуть вас увижу —
Слова за дело!
С вами в разлуке,
Как лодка в море,
Я затеряюсь
В чуждом просторе.
Вот вы встаете,
Грядой неровной,
С духом и плотью
Связаны кровно.

Голову вскинув,
Днями-ночами
Веду неравный
Бой с палачами.
Как ваши воды,
Хлыну ручьями,
Бурливой песней,
Могучим словом...
И что при встрече
Скажу еще вам?

Тучи прорвите!
Небо измерьте!
Ввысь простираюсь —
И нет мне смерти.
Люблю высоты
Духа и мира.
С вами надежда
Не будет сирой,
С вами пребуду
Мечтой и речью,
Выйду из гроба
Горам навстречу.

ДЛЯ ЧЕГО Я ЖИЛ НА СВЕТЕ?..

Для чего я жил на свете,
По ночам не мог заснуть,
Если на краю могилы
Я клянусь свой дольний путь?
Для чего тебя любил я,
Чем тебя мне вспомнить,
Если тернием измены
Ты изранила мне грудь?

Я сквозь горы пробивался,
Грыз холодный камень скал,
Под полою чувств, как розу,
Образ твой отогревал,
Прирастил, как розу, к сердцу,
Слезы лил и ликовал.

Как расписку долговую,
Клятву ты разорвала
И теперь на грудь другому
Головою прилегла.
Вероломство и разлука
Жизнь мою сожгли дотла.

ПЕСНЯ СТАРИКА ¹

Сном забылся в юности,
А проснулся в старости,
Проклинаю хворости,
Плачу я от ярости:
Борода косматая —
Словно вата грязная,
И на ум столетнему
Мне приходит разное:
Снилось мне, что бедствую,
Грезилось, что праздную...

А что к людям не хожу —
Люди не виновники:
Рóга я не удержу,
Не гожусь в любовники,
Строить дом я не возьмусь,
Подсоблять приятелю, —
Лучше в келье затворюсь,
Помолюсь создателю.

Мир и счастье девушке,
Не меня целующей!
Не меня на солнышке
Встретит ветер дующий.
Мне на что надеяться?
Может быть, засну еще?

---

¹ «Эту песню поет косарь или жнец, работая в одиночку».
(Примеч. Важа Пшавелы.)

БЫЛИ МЫ В ГОРАХ

Были мы в горах,
Я и Бердия.
И под грудь кабан
Мне клыки всадил;
Я убил его
И кабанью кровь
Со своей смешал;
Но никто мне ран
Не перевязал,
И лежу без сил,
А в глазах туман.

И товарищ мой
На меня теперь
Смотрит, как слепой:
Перед ним лежит
Средь травы густой
Мною взятый зверь.

Нагрузив осла
Кабаниною,
Он в обратный путь
Собирается;
Возвратясь домой,
Пред своей семьей
Он добычею
Похваляется,
Пляшет, пьет, поет,
Рог в руке держа,

И его души
Совесьть не грызет,
Как железо ржа.

Дела нет ему,
Что кончаюсь я
Не в родном дому,
А в лесной глуши,
Что с семьей навек
Разлучаюсь я.
Слушай, человек,
Я тебе не враг.
Без меня моя
Пропадет семья.
Чем ты, Бердия,
Стал в ее судьбе?
Черный Бердия,
Разве можно так?
Неужели, брат,
Бога нет в тебе?

РАЗДЕЛ ДОБЫЧИ

За столом Бабураули
Восседал в Гуданис-Джвари.
Во дворе метали жребий,
Шум подняв, как на базаре,
Тысячу овец делили
Да быков добытых двести.
Но воителю негоже
Ставить скот превыше чести,
Вот и скрылся он в молельню,
Чтоб не быть со всеми вместе;
А еще он ранен в руку.
И, как должно, боль скрывает,
Служка, стоя на коленях,
В чашу пиво наливает.
«Дело доброе — что свечка
Перед божиим порогом.
Из рабов Гуданис-Джвари
Ты для славы избран богом».

Служка чашу подымает:

«Как рассудишь справедливо —
До чего же люди мелки!
На врага идут лениво,
И потом за стол садятся
Не в черед и суетливо.
Только в том видна их доблесть,
Что хлестать здоровы пиво.
Ты один, Бабураули,
Наших гор краса и диво!»

Служка чашу осушает:

«Много лет живи счастливо!»

И тогда снаружи люди
Двери настежь распахнули,
Ворвались и загалдели:

«Выходи, Бабураули,
За двенадцатью быками,
За богатою поживой!»

И сказал Бабураули,
Подбоченясь горделиво:

«Всё берите, ничего я
Не желаю, кроме пива!»

«Всем нам счастье улыбнулось,
А тебе на долю пало
Больше всех, и ты не думай,
Что двенадцать это мало!»

Отвечал Бабураули:

«Вы поймите, что ни спьяну
И ни стрезву из добычи
Ничего я брать не стану:
В этом я святыне нашей
Клятву дал по доброй воле.
Что мое, то при разделе
Вы своей считайте долей,
Мне же и козы не надо.
Только б клятву бог услышал!»

И, в косую сажень спину
Показав, он в двери вышел.

/ ТО, ЧТО ВИДЕЛ Я КОГДА-ТО...

То, что видел я когда-то,
Вижу в наши времена.
Как во дни Адама, так же
Мать над люлькой склонена,
И никто дитятю крепче
Не полюбит, чем она.

Небеса всего богаче
Украшает божество,
Храбреца — любовь к отчизне,
Подвиг мужества его.
Если он самозабвенно
Доблесть выкажет в бою
И, отбросив меч со стоном,
Сложит голову свою,
Неизбывное блаженство
Он изведает в раю
И свою затеплит славу,
Как свечу, в родном краю.

По извечному закону
С гор седой туман течет;
Если дерево подрубят,
Вянет лист и гибнет плод;
За весной приходит лето,
Осень зиму приведет;
Словно дружка за невестой,
Вслед за жизнью жизнь идет;
Солнце греет, холод студит,
Слезы лить неволит гнет,

И в уста любовь целует,
И в глаза вражда плюет.

Поцелуй — дитя пристрастья,
И дитя обиды — мечь.
Неизменные законы
Для всего на свете есть.
Повторяется от века
Роковых страстей игра.
Завтра может стать владыкой
Тот, кто был рабом вчера,
В золотом венце подняться
На престол из серебра.

Если прежде так бывало,
Точно так же будет впредь;
Без повторных изменений
Нам судьбой не овладеть
И природе благодатной
Не желтеть, не зеленеть.

Вот зачем прошу я бога —
На страдальческом пути
Дать грузинскому народу
Мир и счастье обрести.

ГАЛАКТИОН ТАБИДЗЕ

(1892—1959)

ЧТО НЕ ПОКРЫВАЕТСЯ ЗАБВЕНЬЕМ

Нашим стремленьям — тянуться к вершинам —
Издавна путь преграждала природа.
Там, на горах, в этом крае пустынном,
Разве не чудо шаги пешехода?

Путник на горы глядел из Тбилиси,
Видел величье вершин в отдаленье:
Сквозь времена прорываются выси,
Не покрываясь туманом забвенья.

Вот ты поёшь — и колеблются тучи,
Ты в одиночестве, путник счастливый;
Слева — утесы у рои дремучей,
Справа — кустарник и сонные нивы.

Здравствуйте, горы, крутые отроги,
Дальние доли и дымы селений,
Дуб вековой на высокой дороге!
Здравствуйте, скалы — царство оленей!

ГЕОРГИЙ ЛЕОНИДЗЕ

(1899—1966)

ЗАВЕТНОЕ

Разве сгинет напрасно сила,
Что живое сердце излило?
Разве мало его горнило
Изумрудов мечты взрастило?

Иль в глубины сердца людского
Я войти огнем недостоин?
Помоги мне, жаркое слово,
Зазвучи! Я — твой верный воин!

Мать-отчизна, в душу сыновью
Ты вдохнула свое волнение,
Искрометной своею кровью
Ты поишь мое вдохновение.

И тянусь я к фиалке жадно:
— Я возжаждал тебя до боли,
Упади мне на грудь прохладной
Синей каплей родного поля!

Я возрос на земле грузинской,
И звенит, звенит мое слово
В честь твою, о край материнский,
С силой, данной твоей основой!

Как прирос я к тебе, родная:
Сердце — к сердцу, ладонь — к ладони.
Я горю — росинка живая —
На твоём благодатном лоне.

Пусть тебе возвратится, щедрой,
Все, чем ты меня одарила:
Словно капля в земные недра —
Труд мой скромный, сыновья сила.

СИМОН ЧИКОВАНИ

(1902—1966)

ТЕНЬ ОТЦА

Я не сплю. Я во власти тревоги,
Я послушен дождю за окном.
Ветер в двери! Отец на пороге,
В мокрой чохе он входит в мой дом.

Это сон. Это явь. Он в могиле.
Он мерещится мне в забытии.
«Где ты был? Мы тебя не забыли.
Как промокли одежды твои!»

Он стоит, не скрывая обиды,
Опираясь на тот же костыль;
И по дому под ветром Колхиды
Дождевая проносится пыль.

Вот он кашляет глухо — он болен,
Воду пьет и чуть слышно потом
Говорит, что невесткой доволен,
Что моим он доволен жильем.

Опускаются влажные веки,
Растекаются капли дождя:
«Если дочь потерял я навеки,
Я измучусь, ее не найдя».

«Погляди на меня, — я отвечу, —
Я в слезах пред тобою стою.
Думал я, ты готовишь ей встречу
Там, в твоём безымянном краю.

Чоху, высушим, в нарды сыграем,
Отдохнешь у меня наконец.
Ничего, мы ее повстречаем.
Стол накрыть разреши мне, отец!»

Но отец мой уходит из дома,—
Слышен капель томительный звон,—
И меня покидает истома,
Принесенный дождем полусон.

ГОРЫ ПОЮТ

Предгорий нежных вырез красноватый.
Заката пламенеющий венок.
Молитвенные горы ввысь подъяты,
И как мольба — морская гладь у ног.

По берегу орнамент тенью вышит,
И жесть листвы роняет лавр с ветвей.
Блажен, кто зов отечества услышит
Над мутноводной Чорохой своей.

Кем пролито маджари на вершины?
Кем без границ простерта синева?
Аджарских гор поет мне хор единый
О мудрости негромкие слова.

ЗАКАТ

Излука моря, горы и предгорье,
И на откосах чайные кусты.
Мне волноваться впору бы, как море,
Но я молчу, я в круге красоты.

Стою в тени — платан среди платанов —
И жду волны вечерней. Вот когда,
Как дикий хор кудрявых великанов,
Нисходит к морю горная гряда.

Кувшину сердца суждено пролиться,
Мой жар остудят ветер и листва.
О, жизнь моя! Еще одна страница,
Как парус в море, брезжит мне едва.

Уходит день — хевсур светлобородый,
Из сумерек я вглядываюсь в даль:
Мне люб закат, воспламенивший воды,
И дней осенних светлая печаль.

ПРОЩАЛЬНЫЙ ВЕЧЕР

Мне осень улыбнулась на просторе.
Небесная безбрежна синева.
Вечерний час ведет меня от моря,
Как песня друга, слышная едва.

Иду навстречу веяню платанов,
Минуя мальчуганов у воды.
Уносит поезд, в дым вечерний канув,
Безмолвное предчувствие беды.

Иду на лепет апельсинной кроны,—
В листве — заботы пристальной печать,—
И давний след в траве темно-зеленой,
Шаг юности хочу я отыскать.

Вернуться к догорающему пиру,
Пригубить вновь заздравных чаш янтарь,
И странником опять пройти по миру,
Пылая жаждой, верной мне, как встарь.

Родник я отыщу по вдохновенью.
Далек мой путь и, что ни день, трудней.
Как странник, покидающий селенье,
Иду под сенью множества теней.

А берег мой, увенчанный шафраном,
Мне издали последний шлет привет,
И я прощаюсь с журавлиным станом,
Как с драгоценным даром зрелых лет.

В ДУШЕ РАЗБУШЕВАЛАСЬ ЛИСТВА

В моей душе листва разбушевaлась —
Неотвратимый близится полет,
Я тороплюсь, мне остается малость, —
С вершины — долу жизнь моя идет.

Я листья эти гладил в час рассвета.
Увял цветок, и меда нет в цветке.
Хватаюсь за соломинку, а'это
Пшеничный колос у меня в руке.

Еще в полях — я сеятель достойный,
На склонах гор — я сборщик миндаля,
Не утолил я жажды беспокойной,
И вот — встречаю осень, как земля.

Промчался дождь, и высохла дорога,
В суме довольно снeди у меня.
Оставь меня, тревога, и не трогай
Моей души янтарного огня.

Глоток вина, еще немного сыра
Да хлеба кус — и побреду опять.
И если ночь крылом коснулась мира,
А сон нейдет, так для чего мне спать?

В душе и впрямь, быть может, гаснут свечи.
Не плачу я и не твержу молитв.
Мне снова горе падает на плечи,
И снова рана старая болит.

Еще усталость не вошла мне в жилы,
Еще я помню юношеский пыл,
Забот не меньше у меня, чем было
В те времена, когда я молод был.

ЛИСТОПАД И ОЗИМЫЙ СЕВ

Этот мир быстротечный,
Ход мгновенный времен...

Важа Пшавела

На седину не поскупилось время
И спело песню сумерек. Иду,
А за спиною — старость, вровень с теми
Платанами, чьи листья как в бреду.

Я здесь косил, да сено ветром сдуло.
О пíримзе ¹, где нежный венчик твой?
Редея, кроны клонятся сутуло,
И в дол схожу я узкою тропой.

И как Шопен — мне листьев шум, похожий
На приглушенный, горестный напев.
Мир быстротечен, как всегда, но все же
Под этот шум идет озимый сев,

И память копит избранные думы,
Как золото запасов семенных.
А листья — как червонцы толстосума:
Настанет ночь и обесценит их.

Вгляжусь в туман: где моря блеск вчерашний?
Древесный корень мне связал ступни,
Мне лучший плод не сладок, а на пашне
Я сеятель еще и в эти дни.

---

¹ В данном случае упоминание о пíримзе навеяно стихами Важа Пшавелы; пиримзе — любимый цветок поэта, часто встречающийся в его поэзии.

Поет мне вечер жизни или года —
Души моей и боль и благодать.
Хочу я ради отчего народа
До поздней ночи внуку передать

Умение земли родимой раны
Любовью врачевать...

Но листопад —
Что значит он? Что говорят платаны?
Зачем, как листья, волны шелестят?

АРМАЗСКИЕ ВИДЕНИЯ ¹

I. ДРЕВНЯЯ МЦХЕТА

Мцхета, Мцхета, Грузии основа!
Славлю я приход ее весны,
Я по крови ей родня — и снова
Розы и знамена внесены.

Здесь мотыга первого грузина
Грянула, как первая гроза,
И срослись крест-накрест воедино
Дева и нагорная лоза.

Жар, что нес мой пращур на ладони,
Оживлю дыханием одним.
Здесь очаг мой на кремневом склоне.
Здесь огонь. Здесь первозданный дым.

Мы — сыны минувших поколений —
В помыслах бесстрашны и чисты;
Как ветвисторогие олени
Мы трубили с этой высоты.

Наше пламя ветер гор колышет,
Тьму веков мы грудью рассекли.
В саркофаге полководец дышит,
Слышен звон меча из-под земли.

---

¹ Армаз — гора в Грузии.

И мое, как след резца на камне,
Уцелело в бурях бытие:
Мцхета нежной матерью была мне,
Да светится сок лозы ее!

Нет реки на белом свете слаще
Отчих рек, обетованных мне.
Я — олень, их верный друг, трубящий
С высоты Армаза по весне.

II. ДУМЫ О СЕРАФИТЕ¹

Тьмой иверийской каменные плиты
Подернуты. На Мцхету ночь сошла.
Коса в гробу почившей Серафиты
Грузинские твердыни оплела.

Припомню сосны, ежевику в чаще
И виноградных гроздей благодать.
Дано мне облик Серафиты спящей
По этой легкой тени угадать.

О нет, не тень, а только отблеск линий...
Не расточить, измучиться над ним,
Найти бессмертье в каменной пустыне,
Очарованье, смутное, как дым.

Недаром вечность нам, живым, открыта.
Покой незримый в камне заключен.
В родной земле почует Серафита,
И сон ее — времен минувших сон.

И Серафита шепчет из могилы:
— Всё суета. Во тьме пролег мой путь,
Над камнем веет ветер ширококрылый.
Позволь мне петь, иль спой мне что-нибудь.

Я говорю:

— Не суета земная,
Лоза тугая обвивает жердь.
Твоя коса, как золото сияя,
Связала крест и победила смерть.

¹ Во Мцхете было найдено еще языческое захоронение некоей Серафиты.

Да будет песня о великой силе
Твоей красы — как старое вино.
Тому, кто был прекрасен, и в могиле
Прекрасное бессмертие дано.

Встань. Стол накрой. Хочу к твоим рассказам
Прислушаться. О тень, заговори!
Ты — утреннее небо над Армазом,
Дитя, благословение зари.

III. ХВАЛА СЕРАФИТЕ

Ветвь Армаза несравненная,
Мцхеты нежной дар бесценный,
Снится ли тебе вселенная?
Или снишься ты вселенной?

Кем ты названа по имени?
Где ты, где ты, Серафита?
Серафита, посети меня,
Прилети, плющом повита!

Красота твоя не сгинула:
Ты, лиловых гор жилища,
Пламень свой из гроба вынула.
Пусть хоть пепел возвратится.

Гблоса ли прежней силою
(Ишь за гробом света мало?)
Ты свою девятикрылую
Душу в склепе удержала.

Древний путь затерян в замяти,
Встань, дитя, на перевале,
Подари нас хлебом памяти,
Спой, как мы с тобой певали.

Серафита, будь попутчицей —
Сапурцлия, или Мцхета, —
О, как ждет, как песней мучится,
Как томится сердце это!

Тень, в гробу запечатленная,
Песня на холодном камне,
Не озябни, сокровенная,
Ты, как сон, как явь, нужна мне.

Шелк твой веет над долиною.
Встань, как встарь, необычайна.
Кто ты, Грузия старинная,
Ревность ты моя и тайна?

IV. ЗАКЛИНАНИЕ СЕРАФИТЫ

Буря чертоги разбила твои.
Горе Армазу! Крыло у него перебито.
Ждал я тебя у гробницы твоей, Серафита,
Ждал я — в полях пересохла ручьи.

Спой мне! Когда-то мы пели с тобой,
Пели, как реки, бок о бок залившие Мцхету.
Вот я нашел тебя. Песню забытую эту
Вспомни, крылатая. Спой!

О, для чего ты с собой унесла
Древнюю тайну? Зачем опочила в могиле?
Чтобы напевы твои над могилой застыли
Слаще печали, прозрачней стекла?

Я всколыхну голубиную речь,
Голос твой, нерасточенный немymi годами.
Верен тебе, я снимаю корзину с плодами,
Чашу слагаю с натруженных плеч.

Тонкой рукой приношенья коснись
И не отвергни моей переполненной чаши.
Встань! По-язычески за виноградники наши
И за отчизну свою помолись.

Выйди из гроба. Настала пора
Славы минувшей покинуть седое гнездовье.
Благослови, осенй нас высокой любовью,
Прелесть твою возврати нам, сестра!

КАРЛО КАЛАДЗЕ

(р. 1904)

Был я камнем и, в твердыню
Встроенный среди камней,
На плечах держу поныне
Древность родины моей.
Кладка общая — доверье,
И любовь крепит в камнях.
Льнут к долине Кахабери,
И Сапнгило, и Ках.

Был я камнем... Призван к славе —
Глыба, сколок отчих скал —
Я основой Рустави
Для времен грядущих стал.
За стеной стена вставала,
Шел орнамент по камням, —
И в каком из них начало
Наступающим векам?

Был я камнем, твердью, силой
Белых и седых камней.
Этот луг земля вспоила
Белизной моих костей.
Но дыханьем жизни новой
Средь камней дышал и я,
Послужил и я основой
Для величья бытия.

ПАОЛО И ТИЦИАН ¹

Вспомню по сердечному веленью
Блиzkих мне сынов моей земли.
Мнится, в день один, в одно мгновенье
Паоло и Тициан ушли.

Мнится, в день один, все вместе, хором
Спросят в мир пришедшие о них.
Я хочу восставить их перед взором,
Погостить во временах былых.

Вольный дух мне грудь отверз для слова,
И меня навеки взяли в плен
Тот, кто был, как сердце жизни новой,
И стиха грузинского Арсен ².

Оба не свидетели двадцатых —
Братья этих памятных годов;
Им, двоим — по духу младший брат их —
Я доверил смуту ранних снов.

Сверстников я в них искал впустую:
Позже их родился я на свет.
День за днем, то плача, то ликуя,
Прожил я шестой десяток лет.

---

¹ Имеются в виду выдающиеся грузинские поэты Паоло Яшвили (1895—1937) и Тициан Табидзе (1895—1937).

² Арсен Одзелашвили — народный герой Грузии, вождь восстания начала XIX века.

Солнце, добрый утешитель, что же
Не считаешь ты моих потерь?
Вот на двадцать лет меня моложе
Паоло и Тициан теперь.

Цвет меняет возраста примета,
Но, как встарь, бушует в жилах кровь.
Не теряет молодого цвета
Наша нестареющая новь.

Хору народившемуся тесен
Горного хребта широкий склон.
Сердцем я вверяюсь морю песен,
Гулу наступающих времен.

Век мой не обнес меня подарком —
Кормит хлебом завтрашнего дня,
Юность не скудеет в сердце жарком
На седьмом десятке у меня.

И когда, как солнце из тумана,
Жизнь встает и учит петь и жить,
Как могу забыть я Тициана,
Как могу я Паоло забыть?

Учит время:

даль близка.

И крепок,

Как в былые годы, наш союз.

Облака —

улыбок наших слепок,

И в антеннах —

песни наших муз.

ИРАКЛИЙ АБАШИДЗЕ

(р. 1909)

ГОЛОС У ГОЛГОФЫ

Вот я у Голгофы,
    О боже,
    Вот я у Голгофы,
Где свет мне забрезжил
    И день твой погас при распяты,
Я — чистой молитвы грузин
    Благодатные строфы,
И сонмам безбожных —
    Я Грузии отчей проклятье.

Я — древо сухое,
    Нагое,
    Безлистное древо,
Твой цвет — не увянет,
    Твой стгел — непреклонен и строен,
Ты — солнце,
    Распятое
    Дланью неправого гнева.
Тень солнца померкшего —
    Казни я не удостоен.

И ведомо только тебе,
    Только мне,
    О, сладчайший,
Блаженство распяты,
    Что жители слезной юдоли —
Народы земные —
    Равняют
    С отравленной чашей

И мукой горчайшей,—
Одним только нам,
И не боле.

Я — червь,
Я — молящий о жалости грешник,
Но кто же,

Кто зов твой услышал
И понял, как я,
Ты — властитель

Всех душ,
Всех глубин тайнозритель,
Мой боже,

Но душу твою
Кто, как я, изучил,
Мой учитель?

Кто истинней мог бы,
Смирненней, чем я,
Вдохновенней —

Рыданья души твоей
Горлом почуять до дрожи,
Постичь, почему
Ты, как в полдень взыскующий тени,
Бессмертье само,
Верной смерти возжаждал,
Мой боже.

Кто лучше меня
Знает волю твою,
Что затмила
Дневное светило
И крест возвела при Пилате?

Врата распахнулись небесные,
Зрелость и сила
По слову всевышнего
Пала на плечи дитяти.

И что есть распятие
И эта палящая жажда
Смешения с прахом земным
И небесною влагой?

И разве распятие
Не честь для того,
Кто однажды

Увидел не в жизни
Отраду и высшее благо?

Ревнуя по истине,
Мы откровенья алкали,
И, мир постигая,
Мы истине оба служили,
Я — чадо земли,
Плоть от плоти греха и печали,
И ты —
Без греха,
Воплощенный в величье и силе.

И если твой цвет молодой
Затоптало коварство,
То я, как Меджнун,
Годы старости встретил в пустыне,
И мне,
Кроме истины,
Нет ни пути,
Ни лекарства,
И жаждой былою
Томится душа и поныне.

И что же?
Я, смертный,
Достиг ли таинственной цели?
Я верой в нее
Истомил мою душу. И что же?
Нашел ли?
Достиг?..
Жизнь кончается,
Сроки приспели,
Мой путь завершен.
Я стою пред тобою,
Мой боже.

О боже, распятый за истину
В Иерусалиме,
Душе моей страстной
Несносны земные утраты.
Я в поисках истины
Зверя степного гонимей,
Судьбою истерзан,
У гроба стою нераспятый.

Пока не исчез я бесследно

Под крышею гроба

В утробе отчизны твоей,

Каменистой и ржавой,

Скажи мне:

К чему

Так стремились при жизни

Мы оба?

Скажи наконец:

Что есть истина,

Боже мой правый?

ГРИГОЛ АБАШИДЗЕ

(р. 1913)

НИ ДОЖДЯМИ, НИ ВИХРЕМ

Есть любовь изначальная,
Оправданье вселенной,—
Все мы кости игральные
Красоты несравненной.

Не щедра ты, избранница,
Не полна твоя мера.
Что ни делай, останется
В сердце твердая вера.

Листья сорваны грозами,
Перепутаны бурей,
Но забрезжит над лозами
Проблеск чистой лазури.

Он дождями не смывается,
Вихрем он не сотрется.
Сердце думами кроется,
С горя песня поется,—

Празднуй, неблагоклонная,
Я на праздник не прощен,
Я, как ветка зеленая,
Милой под ноги брошен.

Мерь нещедрую мерою,
Осуди эту ересь:
В красоту твою верую
И умру, не изверясь.

ДАРКВЕТСКАЯ ЛУНА

Нечто, похожее на этот лист.
Надвое распавшаяся единая сущность.

Gëre

Приди, я тоскую, приди мне помочь,
Меня окружила даркветская ночь,
А ты, как двойного листа половина,
От стебля единого отделена.
Я твой Модинахе¹, я прах, я руины.
Нельзя до тебя дотянуться, луна.

Как хлынул бы я, непокорный судьбе,
Рекой полноводной навстречу тебе!
Рванулся — и встретил я полчища вражды,
Рванулся — и вражды знамена шумят.
И в каменных латах я замер на страже —
Застывший над бездной немой водопад.

Зачем эти горы покинула ты?
Вернись! Я, как ястреб, гляжу с высоты,
И камни, свидетели славы вчерашней,
Могучие камни окутаны мхом,
И ночь окружила разбитые башни...
А ты в небесах у меня под челом.
К тебе мои темные думы плывут,
Тебя одичалые глыбы зовут,
Когда-то с тобою мы были едины, —
Войди в мою душу, как в те времена.
Я твой Модинахе, я прах, я руины.
Даркветская ты молодая луна.

¹ Модинахе — название древней крепости в Грузии.

ПРАВИТЕЛЮ ДЗЕВАХУ¹

Я зову тебя: выйди из гроба!
Я ищу тебя: где ты, Дзевах?
Перед общей судьбою мы оба —
Уходящий в безвременье прах.

Отзовись на мой возглас грузинский,
На призыв стихотворной строки,
Чтоб рванулся твой конь исполинский,
Чтобы взвился твой сокол с руки.

Но вдова молодая со стоном
От тебя отвратила лицо,
И на камень холодный со звоном
С мертвых пальцев скатилось кольцо.

Твоего отгоревшего счастья
И биения крови твоей,
Может быть, не забыли запястья,
Виноградины пыльных камней?

Может быть, у твоих украшений
Память есть о движеньях живых
И твоей истомившейся тени
Вновь коснуться хотелось бы их?

Может быть, ты и вправду измучен
Вдовьим плачем над гробом немым?

---

¹ В Мцхете в одной из гробниц найдена именная гемма правителя древней Грузии патиахша Дз е в а х а.

Съеден ржавчиной меч, и приручен
Твой охотничий сокол другим.

Может быть, в одинокой могиле
Истлевавшие руки твои
О последних объятьях молили,
О блаженном земном бытии?

Время льнет к твоему изголовью,
Ты в глаза ему прямо смотри,—
Встань, Дзевах! Мы равны пред любовью,—
Патнахши, поэты, цари..

ЗНАМЕНА

Народ грузинский помнит времена,
Когда война
Пылала в нашем стане.
И мы знаменам дали имена:
Горгаслиани и Давитиани¹.

Потом пришла прекрасная Тамар
И — мнится:
Все окрестные твердыни —
Владычицы грузинской дивный дар.
И лик ее —
Был как мираж в пустыне.

И кровь и слезы воин проливал,
Взглянув на те стрельчатые ресницы,
Но знамени
Он все же не назвал
Благословенным именем царицы.

Не гром нагорья потрясал вокруг, —
Ираклий меч занес рукою смелой,
Чтобы потом
Немало вражьих рук
На башнях победителей чернело.

---

¹ Горгаслан Вахтанг — грузинский царь Вахтанг I (V в.), выдающийся политический деятель и полководец, борец за независимость своей родины; по преданию, был прозван иранцами Горгаслиани, так как его шлем украшали изображение волка (горг) и льва (ислан). Давид — государственный деятель Грузии, царь-полководец, вступил на престол в 1089 г., вел борьбу за объединение Грузии. Умер в 1125 г.

За ратный труд
Он был вознагражден —
Неизгладимой славы удостоен,
Но именем Ираклия
Знамен
Не окрестил отчизну спасший воин.

Взлетело знамя,
Пел военный рог,
Смывалась кровью жгучая обида,
Но кто из древних полководцев мог
Превысить Горгаслана и Давида?

Как будто в измерении ином,
Иным огнем
Они дышали оба...
Вахтанга называли
Волком-Львом —
И не смирился он под крышей гроба.

Так — пенье стрел
Любил Вахтанг один,
И нашу славу он донес до Ганга.
И над Кавказом —
Выше всех вершин,
Как радуга,
Светился меч Вахтанга.

И этот меч
Потом извлек Давид.
Чтобы пред ним
Два моря трепетали:
Со старой фрески
Нам в лицо глядит
Живое око,
Полное печали.

Арабский всадник пал к его ногам.
Не спасся турок от его погони —
И держит царь
Золотоглавый храм,
Как робкую голубку,
На ладони.

Строптивный враг
Не смел перечить нам,
И никому
Мы не платили дани,
И реяли,
Подобные орлам,
Давитиани и Горгаслиани.

Служители воинственной судьбы
Бросались на врагов неусмирённых,
Подобно львам,
Встающим на дыбы,
Могучим львам
На боевых знаменах.

Когда Тимур
Дорогу пролагал
Хмельным от крови
Полчищам пророка,
Стояли мы
Неколебимей скал
У тех полотниц,
Поднятых высоко.

Теперь —
Под ветром боя не кипят
Торжественные орифламы¹ эти.
Они в музее
Безмятежно спят,
Овеянные славою столетий.

¹ Орифламма — род знамени.

ТБИЛИСИ

Вы не верите рассказам странным,
На привычную быль непохожим,
Но упал я подбитым фазаном
В этот город на диво проходим.

Я, небесные выси покинув,
Славлю стрелы любви светлолицей,—
Смерть преследует Джелал-Эддинов¹,
Чтобы пели в грузинской столице.

Всходит солнце, как водится в песнях,
Брежит луч за молочным туманом,
Я — лучу и Тбилиси ровесник,
Был и я сотворен Горгасланом.

Это бедное сердце не лживо,
Хоть рассказ мой и смутен, и странен.
Бьюсь на улице людям на диво,
Потому что охотницей ранен.

---

¹ Джелал-Эддин — сын хорезмийского шаха Мухаммеда, правитель Хоросана, подвергший Грузию в XIII в. опустошению и беспощадно истребивший население Тбилиси в 1226 г.

ЗОЛОТОЙ ВИНОГРАДНИК

Живи, одета в светы негасимые,
Да не затмится день высокий твой,
О, щедрая поилица мечты моей
И жизни виноградник золотой!

Люблю я солнце, но люблю и тени я
Вершин твоих и рек немолчный шум.
Ты для меня — и корень вдохновения,
И цвет стиха, и сердцевина дум.

Ты солнце ясное мое, да славится
Твой дух прямой и сердца глубина.
На свете не одна страна — красавица,
Но Грузия поистине одна.

Когда дерзаю петь тебя, любимая,
К сердечным струнам я тянусь рукой.
О, щедрая поилица мечты моей
И жизни виноградник золотой!

У МАТЕРИ

Сад осенний в крупном янтаре.
Что пред ним созревших нив наследство?
В том саду играет на заре
Нежное, смеющееся детство.

Издалёка тянется ко мне,
За деревья убегает снова,—
Нас обоих видит мать во сне
И не хочет видеть сна иного.

Яркая, недолгая пора,—
Сад огнем пылает, не сгорая.
— Подойди ко мне, дитя добра,
Подойди: я — молодость без края.

В ожиданье громких саарí¹
Вместе мы не будем спать ночами.
О, побудь со мной! Не говори:
— Четверть века пролегло меж нами.

---

¹ Саарí — утренняя застольная песня.

ЛАСТОЧКА И МОРЕ

Ласточка падает с неба стремглав,
Свищет и вьется над кипенью белой
Острые крылья свои распластав,
Мчится — и вот ее нет: улетела.

Что ей до этой тяжелой волны,
Что ей до кипени этой жемчужной?
Брызги соленые ей не нужны,
Ветра бездомного пенье — не нужно.

Помнишь — со мною была ты вчера?
Ты от меня ничего не хотела.
Я-то ведь знаю, что это — игра
Ласточки быстрой над кипенью белой.

* * *

Пускай безумцем буду я для мира,—
Ты моего желанья не забудь:
Могилу мне под алычою вырой,
Ее цветы мне урони на грудь.

Когда ты сжечь захочешь сердце это —
В любом саду среди окрестных гор
Из розового персикова цвета,
Из ярких маков разведи костер.

Тогда я в дымных траурных обновах,
Как ивериец, в бурке, на коне,
На крыльях — нет! — на ирисах лиловых
К небесной потянусь голубизне.

Я обезумел в день цветенья мира.
Когда и я покину белый свет,
Могилу мне под алычою вырой,
Сожги в цветах. Других желаний — нет.

РЕВАЗ МАРГИАНИ

(р. 1916)

ИАВКАЛТИ

И любовь твоя, и жалость
живы в сердце у меня.
Ты в тот вечер не смеялась,
ты склонилась, как фиалка
на дороге у плетня,
Иавкалти, Иавкалти.

Все мне снится стан твой гибкий,
темных глаз твоих игра.
Яркий блеск твоей улыбки
был похож на разноцветный
блеск фазаньего пера,
Иавкалти, Иавкалти.

Иавкалти, как мне жалко,
что к тебе дороги нет.
Кто бы думал, что фиалка
разожжет пожар несчастий
и прольет потоки бед,
Иавкалти, Иавкалти.

Мне твой взор нужнее хлеба.
Если б ты пришла на миг,
я б крылом коснулся неба,
пел бы в облаке туманном,
если б я тебя настиг.
Прилети ко мне фазаном,
Иавкалти, жди меня
на дороге, у плетня.
Иавкалти, Иавкалти!..

В ПОКИНУТОМ ДОМЕ

Что-то забыл я в покинутом доме —
Нежность,
                                печаль,
  сновиденья, быть может?
Вот почему я брожу, как в истоме,
И одиночество душу мне гложет.

Что же из бедных пожитков забыли
Упаковать в день отъезда веселый?
В доме среди запустенья и пыли
Вспоминанья жужжат, словно пчелы.

Жалко сокровищ —
  слетавших ночами
Тайных созвучий,
  раздумий бессонных,
Жалко, что не уложили с вещами
Смех, отдававшийся в стеклах оконных...

Жалко, что в доме осталась, как птица,
Матери ласка,
  что в комнатах где-то
Радостный лепет ребенка томится,
Плачет его поцелуй без ответа.

Бусы слезинок —
  за малостью малость —
В щель закатились
  и, пусть по ошибке,

ИОСИФ НОНЕШВИЛИ

(1918—1980)

КЕТЕВАНА ИРЕМАДЗЕ

Высокую женщину я вспоминаю —
Она по проспекту идет,
И слышен мне веер ее... я не знаю:
Иль ветра печальный полет?

И лунные тени бегут по чинарам,
Чинары глядят на луну,—
Недаром грузинки по улицам старым
Любили гулять в старину.

Шелка прошумят и тревожно и странно,
И горло сожмет немота,
Проходит ли Орбелиани Манана,
Сестер Чавчавадзе чета.

Проходит в моих сновиденьях другая —
Спокойна и ликом светла,
Крылатая сила и прелесть бывшая
Здесь, в Грузии, не умерла.

Высокую женщину я вспоминаю —
Она по проспекту идет,
И слышен мне веер ее... я не знаю:
Иль ветра печальный полет?

МИХАИЛ КВЛИВИДЗЕ

(р. 1925)

МОРЕ

Ты ведомо всем,

ты у всех на устах,
ты всеми любимо,

всем принадлежишь —

это правда?
а может быть, нет?

И я говорю:

— Ты со мною,
мы неразделимы,

и только мои

ширь твоя,
зыбкий цвет,
синий свет,

гордыня и сила твоя,

и покой молчаливый,

покой говорливый,

и — в ответ на страстный призыв —

желанное да —

это первая клятва прилива,—

горчайшее нет —

это клятву уносит отлив.

Нет, я тебя не понимаю,—

мы с тобою в раздоре.

Я тоже непостижим

для себя самого.

Но знаю: когда бы

тебя понимал я, о море,

так сильно

я не полюбил бы
твое волшебство.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ,
ВОШЕДШИХ В «ИЗБРАННОЕ» АРСЕНИЯ ТАРКОВСКОГО

- «А все-таки я не истец...» 289
Актер 214
Альмотенабби (*из Адама Мицкевича*) 445
Анжело Секки 65
Армазские видения (*из Симона Чиковани*) 675
- Бабочка в госпитальном саду 94
«Бабочки хохочут, как безумные...» 290
Бакури (*из Важа Пшавелы*) 642
Балет 67
Беда (*из Махтумкули*) 451
Бедный рыбак (*Две японские сказки*) 210
Бедняк (*из Кемине*) 544
Беженец 83
Безвременье (*из Махтумкули*) 524
Белый день 238
Бессонница («Мебель трескается по ночам...») 194
Бессонница («И мчатся, и мчатся, и мчатся кони...») (*из Егише Чаренца*) 581
Близость войны 76
Бобыль 279
«Бывает, в летнюю пору лежишь...» (*После войны*) 101
Был в горах (*из Важа Пшавелы*) 635
«Был домик в три оконца...» 271
Были мы в горах (*из Важа Пшавелы*) 659
- В дороге 74
«В душе разбушевалась листва...» (*из Симона Чиковани*) 672
«В желтой траве отплясали лужнички...» (*Зима в детстве*) 226
«В Египте — мор, но нет на свете края...» (*из Абу-ль-Аля аль-Маарри*) 389

- «В магазине меня обсчитали...» (*Пушкинские эпиграфы*) 265
- В Мазандеран (*Пятидесятилетие*) (*из Махтумкули*) 463
- В музее 68
- «В неведение день проводил я за днем...» (*из Кемине*) 543
- «В обиде я на жизнь иль не в обиде...» (*из Абу-ль-Аля аль-Маарри*) 403
- В покинутом доме (*из Реваза Маргиани*) 699
- «В последний месяц осени...» 287
- Вдали от родины (*из Махтумкули*) 526
- Век (*из Кемине*) 549
- «Венков еловых птичьих лапки...» (*Могила поэта*) 72
- Верблюды 126
- Весенняя пиковая дама 175
- «Весна приходит, и опять цветет шиповник...» (*из Егише Чаренца*) 587
- «Весть пришла от джан прелестной...» (*из Саят-Новы*) 572
- Ветер 167
- «Ветер летучий...» (*из поэмы «Сиаманто и Хаджезарэ»*) (*из Ованеса Шираза*) 596
- «Вечерний, сизокрылый...» 106
- Вещи 123
- «Взял бы ты меня, милый, к себе на грудь...» (*из поэмы «Сиаманто и Хаджезарэ»*) (*из Ованеса Шираза*) 598
- «Вино для них светильники зажгло...» (*из Абу-ль-Аля аль-Маарри*) 412
- «Влажной землей из окна потянуло...» 275
- Влюбленный («Зохре небесная взошла...») (*из Махтумкули*) 473
- Влюбленный («Я влюблен, молчать не могу») (*из Кемине*) 553
- Влюбленный («Пленен, влюблен, опьянен я...») (*из Молланепеса*) 563
- «Во вселенной наш разум счастливый...» 244
- Возвращение на родину (*из Махтумкули*) 527
- «Воздадим хвалу героям...» (*из грузинской поэзии. Народная поэзия*) 610
- Возлюбленной (*из Махтумкули*) 477
- Вопросы и ответы (*из Важа Пшавелы*) 645
- «Ворон ворона окликает...» (*из Важа Пшавелы*) 630
- «Восковая свеча золотого отлива...» (*из Абу-ль-Аля аль-Маарри*) 357
- «Восславим Аллаха, кормильца земли!..» (*из Абу-ль-Аля аль-Маарри*) 372
- «Вот и лето прошло...» 239
- «Вот пришла и эта весна...» (*из Важа Пшавелы*) 629
- «Встали хлопцы золотые...» 118

Вступление (из поэмы «Сиаманго и Хаджезарэ») (из Ованеса Шираза) 593

Вторая ода 234

«Вы, жившие на свете до меня...» 60

«Вы нашей земли не считаете раем...» 89

«Вы скажете: Премудр податель бытия!..» (из Абу-ль-Аля аль-Маарри) 429

Газелла (из Егише Чаренца) 582

Газелла моей матери (из Егише Чаренца) 583

«Где вьюгу на латынь...» (Степная дудка) 161

«Где ты, мой молодой орел?..» (из поэмы «Сиаманго и Хаджезарэ») (из Ованеса Шираза) 599

«Где ты, мой орел?..» (из Важа Пшавелы) 634

«Где целовали степь курганы...» 268

Глаза Менгли (из Махтумкули) 476

«Говорящим: «Побойся всезрящего бога!..» (из Абу-ль-Аля аль-Маарри) 391

Голос у Голгофы (из Ираклия Абашидзе) 682

Голуби 130

Горам (из Важа Пшавелы) 653

«Горделивые души склонились к ногам...» (из Абу-ль-Аля аль-Маарри) 359

Горы (из Молланепеса) 564

Горы в тумане (из Махтумкули) 496

Горы поют (из Симона Чиковани) 669

Гость (из Махтумкули) 497

Град на Первой Мещанской 29

Граммфонная пластинка 202

Греческая кофейня 125

Григорий Сковорода 267

Дагестан 178

Даркветская луна (из Григола Абашидзе) 687

25 июня 1935 года 30

25 июня 1939 года 38

Две лунные сказки 205

Две японские сказки 210

Дерево Жанны 58

Деревья 131

«Державы птичьей нищеты...» (Деревья) 132

Джигиты (из Махтумкули) 529

«Для чего я жил на свете?..» (из Важа Пшавелы) 657

Дни (из Махтумкули) 452

До стихов 145

«Добивается благ только тот, кто привык...» (из *Абу-ль-Аля аль-Маарри*) 382

Добро и зло (из *Махтумкули*) 499

«Довольствуй ум досужий запасом дум своих...» (из *Абу-ль-Аля аль-Маарри*) 394

Дождь 37

Дождь в Тбилиси 39

Дом 21

«Дом без жильцов заснул и снов не видит...» 236

Дом напротив 134

«Домой, домой, домой...» 250

Дорога 199

«Дочерей обучайте шитью да тканью, а письму...» (из *Абу-ль-Аля аль-Маарри*) 383

«Дочка бека, брось стыдиться...» (из поэмы «*Сиаманто и Хаджезарэ*») (из *Ованеса Шираза*) 597

Древняя Мцехта (*Армазские видения*) (из *Симона Чиковани*) 675

Дриада 209

«Друзья, правдолюбцы, хозяйева...» 155

Думы о Серафите (*Армазские видения*) (из *Симона Чиковани*) 676

Думы Сэсна (из *Рафаэла Эристави*) 621

«Душу, вспыхнувшую на лету...» 270

Елена Молоховец 115

«Если б, как прежде, я был горделив...» 24

«Если воли свободной преступник лишен...» (из *Абу-ль-Аля аль-Маарри*) 430

«Если корень зачах, то скажите: понятно ли вам...» (из *Абу-ль-Аля аль-Маарри*) 421

«Есть много путей. Все земные пути...» (из поэмы «*Сиаманто и Хаджезарэ*») (из *Ованеса Шираза*) 596

«Ехал из Брянска в теплушке слепой...» 87

«Еще в ушах стоит и звон и гром...» 272

Жалоба (из *Махтумкули*) 453

Жалоба дударя (из *Важа Пшавелы*) 632

Желание странствий (из *Махтумкули*) 500

«Женщина прекрасная со мною...» (из *Ильи Чавчавадзе*) 622

«Живите в доме — и не рухнет дом...» («*Жизнь, жизнь*») 190

«Живу я надеждой на лучшие дни...» (из *Абу-ль-Аля аль-Маарри*) 381

Жизнь (из *Махтумкули*) 502

- Жизнь, жизнь 190
- «Жизнь меня к похоронам...» 109
- «Жизнью клянусь: мне уехавшие завещали...» (из *Абу-ль-Аля аль-Маарри*) 360
- Жили-были 273
- «Жили, воевали, голодали...» (*Степная дудка*)
- Жребий (из *Махтумкули*) 478
- «За горой засветился месяц...» (из *Важа Пшавелы*) 627
- «За мертвым сиротливо и пугливо...» (*Могила поэта*) 72
- «За ночью день идет, и ночь сменяет день...» (из *Абу-ль-Аля аль-Маарри*) 368
- Заветное (из *Геorgia Леонидзе*) 666
- Загадка с разгадкой 139
- Закат (из *Симона Чиковани*) 670
- Закливание Серафиты (*Армазские видения*) (из *Симона Чиковани*) 678
- Заключение (из поэмы «*Сиаманто и Хаджезарэ*») (из *Ованеса Шираза*) 600
- «Записал я длинный адрес на бумажном лоскутке...» 26
- «Зардели сонмы звезд на ясных небесах...» (из *Абу-ль-Аля аль-Маарри*) 425
- «Зарех-бек обманул народ...» (из поэмы «*Сиаманто и Хаджезарэ*») (из *Ованеса Шираза*) 598
- Застольная (из *Важа Пшавелы*) 631
- Засуха 253
- Затмение солнца. 1914 113
- Звездный каталог 43
- «Звезды мрака ночного — живые они или нет?..» (из *Абу-ль-Аля аль-Маарри*) 428
- «Звенят подковы золотые...» (из цикла «*Восьмистишица солнцу*») (из *Егише Чаренца*) 589
- «Зеленые рощи, зеленые рощи...» 22
- Земля 95
- «Земля неплодородная, степная...» (*Степная дудка*) 161
- Земное 75
- Зима в детстве 226
- Зима в лесу 281
- Зимой 185
- Знамена (из *Григола Абашидзе*) 690
- Золотой виноградник (из *Григола Абашидзе*) 694
- Зуммер 104
- «И для меня прервется путь земной...» (из *Егише Чаренца*) 580
- «И это снилось мне, и это снится мне...» 260

- «И эту тень я проводил в дорогу...» 252
 «И я ниоткуда...» 223
 Навкалти (из *Реваза Маргиани*) 698
 Иванова' ива 96
 Игнат'евский лес 32
 Из дестана «Зохре и Тахир» (из *Молланепеса*) 563
 Из окна 179
 Из поэмы «Сиаманто и Хаджезарэ» (из *Ованеса Шираза*) 593
 Из поэмы «Сорок девушек» (По мотивам *каракалпакских народных сказаний*) 308
 Из старой тетради 153
 Из цикла «Восьмистишия солнцу» (из *Егише Чаренца*) 589
 Изгнанник (из *Махтумкули*) 448
 Имена 211
 «Июнь, июль, пройду по рынку...» (*Граммoфонная пластинка*) 202
- К** стихам 49
 «Как бедра женщины, рожденной...» (из цикла «*Восьмистишия солнцу*») (из *Егише Чаренца*) 589
 Как двадцать два года тому назад 157
 «Как дерево поверх лесной травы...» (*После войны*) 100
 «Как дерево с подмытого обрыва...» (*После войны*) 101
 «Как море — эта жизнь. Средь бурных волн плывет...» (из *Абу-ль-Аля аль-Маарри*) 440
 «Как сорок лет тому назад, сердцебиение при звуке...» 256
 «Как сорок лет тому назад, я вымок под дождем...» 257
 «Как тот Кавказский Пленник в яме...» (*Пушкинские эпитафии*) 264
 «Какая жизнь, какие сны настали!..» (из *Кемине*) 562
 Кактус 57
 «Какую ты преследовала цель...» (из *Саят-Новы*) 571
 Камень (из *Карло Каладзе*) 679
 Камень на пути 150
 Карловы Вары 63
 «Кемине говорит: «По лугам брожу...» (из *Кемине*) 560
 Кетевана Иремадзе (из *Иосифа Нонешвили*) 701
 Книга травы 198
 «Когда в науке нет ни сердцу обороны...» (из *Абу-ль-Аля аль-Маарри*) 384
 «Когда вступают в спср природа и словарь...» 224
 «Когда купальщица с тяжелой косой...» 33
 «Когда под соснами, как подневольный раб...» 255
 «Когда присмотришься к живущим на земле...» (из *Абу-ль-Аля аль-Маарри*) 370

- «Когда тебе жену и впрямь избрать угодно...» (из *Абу-ль-Аля аль-Маарри*) 435
- «Когда у Николы Морского...» 249
- Кожух (из *Кемине*) 557
- Колыбель 19
- Кольчуги (из *Абу-ль-Аля аль-Маарри*) 362
- Комитас 159
- Конец навигации 187
- Кóра 61
- «Косы твои — рейхан в росе — нежней дорогих шелков...» (из *Саят-Новы*) 568
- «Красавицами полон мир...» (из *Кемине*) 550
- Красавица (из *Кемине*) 555
- «Красный фонарик стоит на снегу...» 276
- Круг (из *Махтумжули*) 455
- «Кто купит кольчугу? По кромке кольчуга моя...» (*Кольчуги*) (из *Абу-ль-Аля аль-Маарри*) 362
- «— Кто твой муж? Каков он с виду?...» (из *грузинской поэзии, Народная поэзия*) 614
- Кузнец 220
- «Кузнечик на лугу стрекочет...» (*Кузнечики*) 204
- Кузнечики 203
- «Кухарка жирная у скаред...» 121
- Лазурный луч** 215
- Ласточка и море (из *Григола Абашидзе*) 696
- Ласточки 235
- Лебеди (из *Махтумжули*) 534
- Лик царицы Тамары в Бетайийском монастыре (из *Григола Орбелиани*) 617
- Листопад и озимый сев (из *Симона Чиковани*) 673
- Луна (из *Махтумжули*) 480
- Луна в последней четверти (*Две лунные сказки*) 205
- Луна и коты (*Две лунные сказки*) 205
- «Лучше не начинайте болтать о душе наобум...» (из *Абу-ль-Аля аль-Маарри*) 407
- «Любовь ступила на порог...» (из *Кемине*) 561
- «Льются вина, длится пир...» (из поэмы «*Сиаманто и Хадже-зарэ*») (из *Ованеса Шираза*) 597
- Малиновка** 189
- Малютка-жизнь 129
- «Мамка птичьа и стрекозья...» 241
- Манекен 285

- Мартовский снег 282
 Медресе Шир-гази (из *Махтумжули*) 457
 Мельница в Даргавском ущелье 34
 «Меня хватило бы на все живое...» (После войны) 100
 Мерещится веялка (Зима в детстве) 226
 «Меркнет зрение — сила моя...» 277
 Мир (из *Махтумжули*) 504
 «Мне бы только теперь до конца не раскрыться...» 240
 «Мне в черный день приснится...» 111
 «Мне другие мерещатся тени...» 261
 «Мне опостытели слова, слова, слова...» 181
 Могила поэта 72
 Мой кази (из *Кемине*) 545
 Молва (из *Махтумжули*) 506
 Молодым поэтам (из *Важа Пшавелы*) 640
 «Молюсь молитвой лицемера, прости, мой боже!» (из *Абу-ль-Аля аль-Маарри*) 366
 Мольба (из *Махтумжули*) 481
 Море (из *Михаила Квливидзе*) 702
 Мотылек 127
 Моя утренняя звезда (из *Егише Чаренца*) 592
 «Муж приходит к жене, ибо страсть отягчает его...» (из *Абу-ль-Аля аль-Маарри*) 401
 Мщение Ахилла 200
 «Мы шли босые, злые...» 117
- На берегу** 140
 «На волю отпущу, поймав блоху, затем...» (из *Абу-ль-Аля аль-Маарри*) 411
На дальнем берегу (из *Амо Сагияна*) 604
 «На каждый звук есть эхо на земле...» (*Степная дудка*) 160
 «На погребальные носилки слепому лечь...» (из *Абу-ль-Аля аль-Маарри*) 420
 «На пространство и время ладони...» 246
 «На свете живешь, к наслаждениям плоти стремясь...» (из *Абу-ль-Аля аль-Маарри*) 400
 «На черной трубе погорелого дома...» 90
 Наблюдения (из *Махтумжули*) 508
 «Над черно-сизой ямою...» 137
 Надпись на книге 165
 Напутствие (из *Кемине*) 542
 «Наша кровь не ревнует по дому...» 245
 Нашествие (из *Махтумжули*) 449
 Не боюсь шаха! (из *Молланепеса*) 566

- Не зная зависти (из *Махтумжули*) 510
 «Не радуйся: пройдет беспечная весна...» (из *Кемине*) 547
 Недуг (из *Махтумжули*) 482
 Несправедливость (из *Махтумжули*) 511
 «Нет на свете греха. Что же мы осуждаем его?..» (из *Абу-ль-Аля аль-Маарри*) 419
 Ни дождями, ни вихрем (из *Григола Абашидзе*) 686
 «Никогда не завидуй избранникам благополучья...» (из *Абу-ль-Аля аль-Маарри*) 399
 «Ни на один приказ, ни на один совет...» (из *Абу-ль-Аля аль-Маарри*) 387
 Ничто не вечно на земле (*Старинное предание*) (из *Ованеса Ту-маняна*) 574
 Нищета (из *Кемине*) 548
 Нищета влюбленного (из *Махтумжули*) 483
 Нищий царь (из *Махтумжули*) 512
 Новогодняя ночь 188
 Новоселье 221
 Ночная бабочка «Мертвая голова» 232
 Ночная работа 196
 Ночной дождь 25
 Ночь под первое июня 174
 «Ночью медленно время идет...» 280
- «О, белоснежные мои...» (из поэмы «*Сиаманто и Хаджезарэ*») (из *Ованеса Ширази*) 595
 «О, земные цари! Вы мечтаете смерть обмануть...» (из *Абу-ль-Аля аль-Маарри*) 386
 «О, люди, скажите, кто видел из вас...» (из поэмы «*Сиаманто и Хаджезарэ*») (из *Ованеса Ширази*) 597
 «О, племя писателей! Мир обольщает ваш слух...» (из *Абу-ль-Аля аль-Маарри*) 408
 «О, ранней свежести глубокие морщины...» (из *Абу-ль-Аля аль-Маарри*) 437
 «О, сердце, горсть воды, о, сердце наше, где...» (из *Абу-ль-Аля аль-Маарри*) 388
 «О, только бы привстать, опомниться, очнуться...» 162
 О царе Ираклии (из *грузинской поэзии. Народная поэзия*) 612
 Ода 142
 «Одно мученье — жизнь, одно мученье — смерть...» (из *Абу-ль-Аля аль-Маарри*) 392
 Ожидание Менгли (из *Махтумжули*) 485
 Оливы 197

- «Он взял себе жену и трех в подмогу ей...» (из *Абу-ль-Аля аль-Маарри*) 423
- «Он юлит и желает успеха во всем...» (из *Абу-ль-Аля аль-Маарри*) 413
- «Она и в знойный день была, как сад тенистый...» (*Кольчуги*) (из *Абу-ль-Аля аль-Маарри*) 362
- «Опоясан отец твой цветным кушаком...» (из поэмы «*Сиаманто и Хаджезарэ*») (из *Ованеса Ширази*) 599
- Оравел (из *Амо Сагияна*) 607
- Орел (из *Важа Пшавелы*) 633
- Осень в горах (из *Амо Сагияна*) 603
- «От взора свет бежит. Сиянье меркнет. Вера...» (из *Абу-ль-Аля аль-Маарри*) 371
- «От мертвых нет вестей, ушли, не кажут глаз...» (из *Абу-ль-Аля аль-Маарри*) 396
- «Отнятая у меня, ночами...» 31
- Отпусти на родину (из дестана «*Зохране и Тахир*») (из *Молланепеса*) 566
- Охота 97
-
- Паоло и Тициан (из *Карло Каладзе*) 680
- Пауль Клее 217
- Певец (из *Махтумжули*) 459
- Первая гроза 237
- Первые свидания 168
- Переводчик 69
- Перед листопадом 17
- Песни (из поэмы «*Сиаманто и Хаджезарэ*») (из *Ованеса Ширази*) 594
- Песня 166
- Песня под пулями 88
- Песня старика (из *Важа Пшавелы*) 658
- «Песня твоя семь печальных лет...» (из поэмы «*Сиаманто и Хаджезарэ*») (из *Ованеса Ширази*) 598
- Петровские казни 193
- Печаль (из *Махтумжули*) 487
- Плач (из *Махтумжули*) 461
- Плачущей Нине Чавчавадзе (из *Григола Орбелиани*) 620
- «Пляшет перед звездами звезда...» 243
- «По льду, по снегу, по жасмину...» 251
- «По Самгори — полю чистому...» (из грузинской поэзии. *Народная поэзия*) 613
- «Побольше скромности! Я людям не судья...» (из *Абу-ль-Аля аль-Маарри*) 367

- «Побратим — побратиму, как родник, говорит...» (из поэмы «Сиаманто и Хаджезарэ») (из Ованеса Ширази) 599
- «Под бременем печали изнывая...» (из Ильи Чавчавадзе) 624
- Под прямым углом 170
- «Под сердцем травы тяжелеют росинки...» 23
- «Подобно мудрецам, и я теперь обрушу...» (из Абу-ль-Аля аль-Маарри) 397
- «Позднее наследство...» 229
- Поздняя зрелость 163
- Поиски брата (из Махтумкули) 533
- «Поистине, восторг — души моей природа...» (из Абу-ль-Аля аль-Маарри) 410
- «Пойду, затеряюсь в листе неживой...» (из Амо Сагияна) 608
- «Пойми значение сменяющихся дней...» (из Абу-ль-Аля аль-Маарри) 431
- Поклонение (из Махтумкули) 488
- «Полднего солнца луч...» (из поэмы «Сиаманто и Хаджезарэ») (из Ованеса Ширази) 594
- Полевой госпиталь 92
- «Полумесяц небес и тюльпан земли...» (из Кемине) 559
- «Понятна разумному наша природа...» (из Абу-ль-Аля аль-Маарри) 434
- «Пора бы перестать печалиться о том...» (из Абу-ль-Аля аль-Маарри) 436
- «Порой по улице бредешь...» 70
- Портной из Львова. Перелицовка и починка (Октябрь, 1941) 84
- Портрет 35
- После войны 100
- Посредине мира 128
- «Почему, скажи, сестрица...» (Пушкинские эпитафии) 263
- Поэт 151
- Поэт начала века 231
- Поэты 147
- Правителю Дзеваху (из Григола Абашидзе) 688
- Превращение 180
- Предупреждение 103
- «Предчувствиям не верю и примет...» (Жизнь, жизнь) 190
- «Прекрасное горит, сжигая...» (из цикла «Восьмистишия солнцу») (из Егише Чаренца) 589
- Приазовье 242
- «Пригляжусь я к себе...» (из Важа Пшавелы) 651
- «Приди, возьми, мне ничего не надо...» (После войны) 101
- Призыв (из Махтумкули) 536

- Проводы 80
- «Просыпается тело...» 278
- Прохожий 18
- Прощальный вечер (из *Симона Чиковани*) 671
- «Пускай безумцем буду я для мира...» (из *Григола Абашидзе*) 697
- «Пускай меня простит Винсент Ван-Гог...» 66
- «Пустую жизнь без вдохновенья...» (из *Ильи Чавчавадзе*) 625
- Путь (из *Махтумкули*) 520
- Пушкинские эпитафии 263
- Пятидесятилетие (из *Махтумкули*) 462
- Радуга животрепещущая (из *Амо Сагияна*) 606
- Раздел добычи (из *Важа Пшавелы*) 661
- Разлука с братом (из *Махтумкули*) 531
- Разлука с Менгли (из *Махтумкули*) 490
- «Разумные созданыя бессмертного творца...» (из *Абу-ль-Аля аль-Маарри*) 390
- «Разобрал головоломку...» (Пушкинские эпитафии) 265
- Разъяните фиалке нежной... (из *Важа Пшавелы*) 648
- Ранняя весна 136
- Раскаianie (Пятидесятилетие) (из *Махтумкули*) 462
- «Рассудок запрещает греховные поступки...» (из *Абу-ль-Аля аль-Маарри*) 405
- Расцветают весной фиалки (из *Важа Пшавелы*) 628
- «Река Сугаклея уходит в камыш...» 20
- Рифма 146
- Руки 48
- Рукопись 143
- Румпельштильцхен 212
- Русалка 213
- «Русь моя, Россия, дом, земля и матери!...» 78
- «С безымянного пальца кольцо...» 284
- «С поникшей головой, в цепях...» (из *Саят-Новы*) 573
- «С утра я тебя дождался вчера...» 41
- Сад (из *Махтумкули*) 518
- Садовник (из *Махтумкули*) 492
- Сверчок 45
- Светлое время (из *Махтумкули*) 537
- «Сегодня ли тебя найдет судьба...» (из *Егише Чаренца*) 591
- Сельбинияз (из *Кемине*) 556
- Семь цветов мира (из *Махтумкули*) 514
- «Сердца у вас — кремень, в чертах лица уныние...» (из *Абу-ль-Аля аль-Маарри*) 424

- Сердцу (из *Махтумкули*) 464
 Серебряные Руки 208
 Сестре (из *Махтумкули*) 493
 Синицы 186
 Синяя песня (из *Амо Сагияна*) 601
 «Сирени вы, сирени...» 108
 «Скажи мне, за что ты не любишь моей седины...» (из *Абу-ль-Аля аль-Маарри*) 361
 Скиталец (из *Махтумкули*) 474
 Скитальцы на Млечном Пути (из *Егише Чаренца*) 577
 «Сколько было на свете красавиц, подобных Плядам...» (из *Абу-ль-Аля аль-Маарри*) 409
 «Сколько в сердце ни скрыто тепла и огня...» (из *Егише Чаренца*) 584
 «Сколько листвы намело. Это легкие наших деревьев...» 288
 Слезы (*Сын*) (из *Махтумкули*) 470
 Слепой (*Поэма*) 293
 Словарь 144
 Слово 54
 «Слышен сердца страстный стук...» (из поэмы «*Сиаманто и Хад-жезарэ*») (из *Ованеса Шираза*) 595
 Смерть (*Сын*) (из *Махтумкули*) 469
 Смерть отца (из *Махтумкули*) 466
 Смущение Менгли (из *Махтумкули*) 494
 Снежная ночь в Вене 184
 «Снова я на чужом языке...» 105
 СНЫ 192
 Сократ 62
 Стань самим собой 52
 Старинная песня воинов (из *Важа Пшавелы*) 649
 Старость (из *Махтумкули*) 468
 Старый лев (из *Важа Пшавелы*) 636
 «Стелил я снежную постель...» 248
 Степь 51
 Степная дудка 160
 Стирка белья 154
 Стихи в тетрадах 148
 Стихи из детской тетради 119
 «Стихи попадают в печать...» 259
 «Стояла батарея за этим вот холмом...» 91
 Страствие (*Сын*) (из *Махтумкули*) 470
 Страус в 1913 году 28
 «Стройная мурчинка поведет плечом...» (из *Кемине*) 554
 «Струнам счет ведут на лире...» 247

Суббота, 21 июня 77

Судьба (из *Махтумкули*) 450

Сын (из *Махтумкули*) 469

«Так далеко зашли мы в невежестве своем...» (из *Абу-ль-Аля аль-Маарри*) 402

Так жить (из *Амо Сагияна*) 605

«Там, в родимой стороне...» (из поэмы «*Сиаманто и Хаджезарэ*») (из *Ованеса Шираза*) 596

Тбилиси (из *Григола Абашидзе*) 693

«Твоими глазами, твоими глазами...» (из *Амо Сагияна*) 609

«Твой лик белоснежен, кудрей твоих свойство...» (из *Кемине*) 552

«Твори добро без пользы для себя...» (из *Абу-ль-Аля аль-Маарри*) 422

«Тебе не наскучило каждому снится...» 79

Телефоны 207

Телец, Орион, Большой Пес 182

Темнеет 171

«Темнеют горы на горах...» (из *Амо Сагияна*) 602

«Темно вокруг, и на душе темно...» (из *Ильи Чавчавадзе*) 626

Тень отца (из *Симона Чиковани*) 667

«Тикают ходики, ветер горячий...» (*Кузнечики*) 203

Титания 107

«То, что я видел когда-то...» (из *Важа Пшавелы*) 663

«Тогда еще не воевали с Германией...» 228

«Толкуют, что душа легко и смело...» (из *Абу-ль-Аля аль-Маарри*) 427

Только грядущее 46

Тоска по родине (из *Махтумкули*) 539

«Тот жил и умер, та жила...» 286

«Третьи сутки дождь идет...» 233

Триолет (из *Егише Чаренца*) 590

«Ты болен разумом и верой. Приди за словом...» (из *Абу-ль-Аля аль-Маарри*) 415

«Ты в обиде на жизнь, а какая за нею вина?...» (из *Абу-ль-Аля аль-Маарри*) 395

«Ты видела сотни сотен ран — и увидишь опять...» (из *Егише Чаренца*) 588

«Ты девушкой был во сне...» (из поэмы «*Сиаманто и Хаджезарэ*») (из *Ованеса Шираза*) 595

«Ты заветный мой родник...» (из поэмы «*Сиаманто и Хаджезарэ*») (из *Ованеса Шираза*) 594

«Ты, что бабочкой черной и белой...» 40

- У власти ложь сегодня! (из *Молланепеса*) 564
«У добродетели две степени. Иль три?..» (из *Абу-ль-Аля аль-Маарри*) 433
У лесника 141
У матери (из *Григола Абашидзе*) 695
«У студеного ключа...» (из поэмы «*Сиаманто и Хаджезарэ*») (из *Ованеса Ширази*) 595
«Удивляюсь тому, кто кричит: «Я не пью»...» (из *Абу-ль-Аля аль-Маарри*) 417
«Умы покрылись ржавчиной порока и разлада...» (из *Абу-ль-Аля аль-Маарри*) 432
Унижение (из *Махтумкули*) 522
Утро (из *Махтумкули*) 495
Утро в Вене 64
«Ученых больше нет, и мрак объемлет нас...» (из *Абу-ль-Аля аль-Маарри*) 377
- Феофан Грек 262
Флейта (*Две японские сказки*) 210
Фонари 176
Фотография 124
Фраги (из *Махтумкули*) 472
- «Хвала измерившим высоты...» 258
Хвала Серафите (*Армазские видения*) (из *Симона Чиковани*) 677
Хорошо (из *Кемине*) 547
«Хорошо мне в теплушке...» 86
- Цейский ледник 44
- «Чего ты не делала только...» 81
«Человек благородный везде отцепенец...» (из *Абу-ль-Аля аль-Маарри*) 364
«Чем глуше крови страстный лепет...» (*Деревья*) 131
Чем пахнет снег 98
Через двадцать два года 158
Четвертая палата 219
Чоудор-хан (из *Махтумкули*) 540
Что было со мной? (из *Молланепеса*) 567
Что не покрывается забвеньем (из *Галактиона Табидзе*) 665
«Что со мною стряслось? Я сношу терпеливо беду...» (из *Абу-ль-Аля аль-Маарри*) 375
Что, река, рычишь мне в уши? (из *Важа Пшавелы*) 638
Чудо со щеглом (*Поселковая повесть*) (*Поэма*) 297.

Шанфари (из Адама Мицкевича) 441
Шиповник 177

Эвридика 172
Эребуни 254
Эсхил 149

«Юность, где сладость твоя? Где живые усилья...» (из Ильи Чавчавадзе) 623

Юродивый в 1918 году 116

«Я боюсь, что слишком поздно...» 27

«Я в детстве заболел...» 230

«Я век себе по росту подбирал...» (Жизнь, жизнь) 191

Явь и речь 164

«Я горевал, когда под оболочкой дня...» (из Абу-ль-Аля аль-Маарри) 374

«Я долго добивался...» 56

«Я ждал, я пролил столько слез...» (из Саят-Новы) 569

«Я затосковал, больной и безумный...» (из Саят-Новы) 579

«Я иду по степи Ширакской...» (из грузинской поэзии. Народная поэзия) 616

«Я иду по тропе...» (из поэмы «Сиаманто и Хаджезарэ») (из Ованеса Ширазы) 519

Ялик 42

«Я множество дорог оставил за спиною...» (из Абу-ль-Аля аль-Маарри) 358

«Я мог на горе им увлечь их за собой...» (из Абу-ль-Аля аль-Маарри) 406

«Я не пойду на первое свиданье...» (Граммфонная пластинка) 202

«Я не спугнул ее, но птица улетела...» (из Абу-ль-Аля аль-Маарри) 414

«Я одинок, и жизнь моя пустынна...» (из Абу-ль-Аля аль-Маарри) 418

«Я по каменной книге учу вневременный язык...»

«Я прощаюсь со всем, чем когда-то я был...» 55

«Я — пьяный духанщик. А где духан?...» (из Егише Чаренца) 586

«Я слышу, я не сплю, зовешь меня, Марина...» 156

«Я так давно родился...» 36

«Я тень из тех теней, которые, однажды...» 283

«Я учился траве, раскрывая тетрадь...» 50

«Я хочу, чтоб зурна мне пела...» (из Егише Чаренца) 585

СОДЕРЖАНИЕ

Сергей Чупринин. Арсений Тарковский: Путь и мир 3

СТИХОТВОРЕНИЯ

ГОСТЬЯ—ЗВЕЗДА

(1929—1940)

Перед листопадом	17
Прохожий	18
Колыбель	19
«Река Сугаклея уходит в камыш...»	20
Дом	21
«Зеленые рощи, зеленые рощи...»	22
«Под сердцем травы тяжелеют росинки...»	23
«Если б, как прежде, я был горделив...»	24
Ночной дождь	25
«Записал я длинный адрес на бумажном лоскутке...»	26
«Я боюсь, что слишком поздно...»	27
Страус в 1913 году	28
Град на Первой Мещанской	29
25 июня 1935 года	30
«Отнятая у меня, ночами...»	31
Игнатьевский лес	32
«Когда купальщица с тяжелой косой...»	33
Мельница в Даргавском ущелье	34
Портрет	35
«Я так давно родился...»	36

Дождь	37
25 июня 1939 года	38
Дождь в Тбилиси	39
«Ты, что бабочкой черной и белой...»	40
«С утра я тебя дожидался вчера...»	41
Ялик	42
Звездный каталог	43
Цейский ледник	44
Сверчок	45

ПЕРЕД СНЕГОМ

(1941—1962)

I

Только грядущее	46
Руки	48
К стихам	49
«Я учился траве, раскрывая тетрадь...»	50
Степь	51
Стань самим собой	52
Слово	54
«Я прощаюсь со всем, чем когда-то я был...»	55
«Я долго добивался...»	56
Кактус	57
Дерево Жанны	58
«Вы, жившие на свете до меня...»	60
Кбра	61
Сократ	62
Карловы Вары	63
Утро в Вене	64
Анжело Секки	65
«Пускай меня простит Винсент Ван-Гог...»	66
Балет	67
В музее	68
Переводчик	69
«Шорой по улице бредешь...»	70
Могила поэта	
I. «За мертвым сиротливо и пугливо...»	72
II. «Венков еловых птичьих лапки...»	72
В дороге	74
Земное	75

II

Близость войны	76
Суббота, 21 июня	77
«Русь моя, Россия, дом, земля и мать!»	78
«Тебе не наскучило каждому снится...»	79
Проводы	80
«Чего ты не делала только...»	81
Беженец	83
Портной из Львова, перелицовка и починка (Октябрь, 1941)	84
«Хорошо мне в теплушке...»	86
«Ехал из Брянска в теплушке слепой...»	87
Песня под пулями	88
«Вы нашей земли не считаете раем...»	89
«На черной трубе погорелого дома...»	90
«Стояла батарея за этим вот холмом...»	91
Полевой госпиталь	92
Бабочка в госпитальном саду	94
Земля	95
Иванова ива	96
Охота	97
Чем пахнет снег	98
После войны	
1. «Как дерево поверх лесной травы...»	100
2. «Меня хватило бы на все живое...»	100
3. «Бывает, в летнюю жару лежишь...»	101
4. «Как дерево с подмытого обрыва...»	101
5. «Приди, возьми, мне ничего не надо...»	101
Предупреждение	103
Зуммер	104

III

«Снова я на чужом языке...»	105
«Вечерний, сизокрылый...»	106
Титания	107
«Сирени, вы, сирени...»	108
«Жизнь меня к похоронам...»	109
«Мне в черный день приснится...»	111

IV

Затмение солнца. 1914	113
Елена Молоховец	115

Юродивый в 1918 году	116
«Мы шли босые, злые...»	117
«Встали хлопцы золотые...»	118
Стихи из детской тетради	119
«Кухарка жирная у скарעד...»	121
Вещи	123
Фотография	124
Греческая кофейня	125
Верблюды	126

V

Мотылек	127
Посредине мира	128
Малютка-жизнь	129
Голуби	130
Деревья	
I. «Чем глуше крови страстный ропот...»	131
II. «Державы птичьей нищеты...»	132
Дом напротив	134
Ранняя весна	136
«Над черно-сизой ямою...»	137
Загадка с разгадкой	139
На берегу	140
У лесника	141
Ода	142
Рукопись	143

ЗЕМЛЕ — ЗЕМНОЕ

(1941—1966)

I

Словарь	144
До стихов	145
Рифма	146
Поэты	147
Стихи в тетрадах	148
Эсхил	149
Камень на пути	150
Поэт	151
Из старой тетради	153
Стирка белья	154
«Друзья, правдолюбцы, хозяева...»	155

«Я слышу, я не сплю, зовешь меня, Марина...»	156
Как двадцать два года тому назад	157
Через двадцать два года	158
Ксмитас	159
Степная дудка	
I. «Жили, воевали, голодали...»	160
II. «На каждый звук есть эхо на земле...»	160
III. «Где выюгу на латынь...»	161
IV. «Земля неплодородная, степная...»	161
«О, только бы привстать, опомниться, очнуться...»	162
Поздняя зрелость	163
Явь и речь	164

II

Надпись на книге	165
Песня	166
Ветер	167
Первые свидания	168
Под прямым углом	170
Темнеет	171
Эвридика	172
Ночь под первое июня	174

III

Весенняя пиковая дама	175
Фонари	176
Шиповник	177
Дагестан	178
Из окна	179
Превращение	180
«Мне опостытели слова, слова, слова...»	181
Телец, Орион, Большой Пес	182
Снежная ночь в Вене	184
Зимой	185
Синицы	186
Конец навигации	187
Новогодняя ночь	188

IV

Малиновка	189
Жизнь, жизнь	190
1. «Предчувствиям не верю и примет...»	190

2. «Живите в доме — и не рухнет дом...»	190
3. «Я век себе по росту подбирал...»	191
Сны	192
Петровские казни	193
Бессонница	194
Ночная работа	196
Оливы	197
Книга травы	198
Дорога	199
Мщение Ахилла	200
Граммoфонная пластинка	
I. «Июнь, июль, пройди по рынку...»	202
II. «Я не пойду на первое свиданье...»	202

V

Сказки и рассказы

Кузнечики	
I. «Тикают ходики, ветер горячий...»	203
II. «Кузнечик на лугу стрекочет...»	204
Две лунные сказки	
I. Луна в последней четверти	205
II. Луна и коты	205
Телефоны	207
Серебряные Руки	208
Дриада	209
Две японские сказки	210
I. Бедный рыбак	210
II. Флейта	210
Имена	211
Румпельштильцхен	212
Русалка	213
Актер	214
Лазурный луч	215
Пауль Клее	217
Четвертая палата	219
Кузнец	220
Новоселье	221

ВЕСТНИК

(1966—1971)

«И я ниоткуда...»	223
«Когда вступают в спор природа и словарь...»	224

«Я по каменной книге учу вневременный язык...»	225
Зима в детстве	226
I. «В желтой траве отплясали кузнечики...»	226
II. Мерещится вялка	226
«Тогда еще не воевали с Германией...»	228
«Позднее наследство...»	229
«Я в детстве заболел...»	230
Поэт начала века	231
Ночная бабочка «Мертвая голова»	232
«Третьи сутки дождь идет...»	233
Вторая ода	234
Ласточки	235
«Дом без жильцов заснул и снов не видит...»	236
Первая гроза	237
Белый день	238
«Вот и лето прошло...»	239
«Мне бы только теперь до конца не раскрыться...»	240
«Мамка птичья и стрекозья...»	241
Приазовье	242
«Пляшет перед звездами звезда...»	243
«Во вселенной наш разум счастливый...»	244
«Наша кровь не ревнует по дому...»	245
«На пространство и время ладони...»	246
«Струнам счет ведут на лире...»	247
«Стелил я снежную постель...»	248
«Когда у Николая Морского...»	249
«Домой, домой, домой...»	250
«По льду, по снегу, по жасмину...»	251
«И эту тень я проводил в дорогу...»	252
Засуха	253
Эребуни	254
«Когда под соснами, как подневольный раб...»	255
«Как сорок лет тому назад, сердцебиение при звуке...»	256
«Как сорок лет тому назад я вымок под дождем...»	257
«Хвала измерившим высоты...»	258
«Стихи попадают в печать...»	259

ЗИМНИЙ ДЕНЬ

(1971—1979)

«И это снилось мне, и это снится мне...»	260
«Мне другие мерещатся тени...»	261
Феофан Грек	262

Пушкинские эпитафии	
I. «Почему, скажи, сестрица...»	263
II. «Как тот Кавказский Пленник в яме...»	264
III. «Разобрал головоломку...»	265
IV. «В магазине меня обсчитали...»	266
Григорий Сковорода	267
«Где целовали степь курганы...»	268
«Душу, вспыхнувшую на лету...»	270
«Был домик в три оконца...»	271
«Еще в ушах стоит и звон и гром...»	272
Жили-были	273
«Влажной землей из окна потянуло...»	275
«Красный фонарик стоит на снегу...»	276
«Меркнет зрение — сила моя...»	277
«Просыпается тело...»	278
Бобыль	279
«Ночью медленно время идет...»	280
Зима в лесу	281
Мартовский снег	282
«Я тень из тех теней, которые однажды...»	283
«С безымянного пальца кольцо...»	284
Мавкен	285
«Тот жил и умер, та жила...»	286
«В последний месяц осени...»	287
«Сколько листвы намело. Это легкие наших деревьев...»	288
«А все-таки я не истец...»	289
«Бабочки хохочут, как безумные...»	290

П О Э М Ы

Слепой	293
Чудо со щеглом (<i>Поселковая повесть</i>)	297
Из поэмы «Сорок девушек» (По мотивам каракалпакских народных сказаний)	308

П Е Р Е В О Д Ы

ИЗ АРАБСКОЙ ПОЭЗИИ

Абу-ль-Аля аль-Маарри

(973—1057)

«Восковая свеча золотого отлива...»	357
«Я множество дорог оставил за спиною...»	358
«Горделивые души склонились к ногам...»	359

«Жизнью клянусь: мне уехавшие завещали...»	360
«Скажи мне, за что ты не любишь моей седины...»	361
Кольчуги	
1. «Кто купит кольчугу? По кромке кольчуга моя...»	362
2. «Она и в знойный день была как сад тенистый...»	362
«Человек благородный везде отщепенец...»	364
«Молюсь молитвой лицемера, прости, мой боже!..»	366
«Побольше скромности! Я людям не судья...»	367
«За ночью день идет, и ночь сменяет день...»	368
«Когда присмотришься к живущим на земле...»	370
«От взора свет бежит. Снянье меркнет. Вера...»	371
«Восславим Аллаха, кормильца земли!..»	372
«Я горевал, когда под оболочкой дня...»	374
«Что со мною стряслось? Я сношу терпеливо беду...»	375
«Ученых больше нет, и мрак объемлет нас...»	377
«Живу я надеждой на лучшие дни...»	381
«Добивается благ только тот, кто привык...»	382
«Дочерей обучайте шитью да тканью, а письму...»	383
«Когда в науке нет ни сердцу обороны...»	384
«О, земные цари! Вы мечтаете смерть обмануть...»	386
«Ни на один приказ, ни на один совет...»	387
«О, сердце, горсть воды, о, сердце наше, где...»	388
«В Египте — мор, но нет на свете края...»	389
«Разумные созданыя бессмертного творца...»	390
«Говорящим: «Побойся всезрящего бога!..»	391
«Одно мученье — жизнь, одно мученье — смерть...»	392
«Довольствуй ум досужий запасом дум своих...»	394
«Ты в обиде на жизнь, а какая за нею вина?...»	395
«От мертвых нет вестей, ушли, не кажут глаз...»	396
«Подобно мудрецам, и я теперь обрушу...»	397
«Никогда не завидуй избранникам благополучия...»	399
«На свете живешь, к наслаждениям плоти стремясь...»	400
«Муж приходит к жене, ибо страсть отягчает его...»	401
«Так далеко зашли мы в невежестве своем...»	402
«В обиде я на жизнь иль не в обиде...»	403
«Рассудок запрещает греховные поступки...»	405
«Я мог на горе им увлечь их за собой...»	406
«Лучше не начинайте болтать о душе наобум...»	407
«О, племя писателей! Мир обольщает ваш слух...»	408
«Сколько было на свете красавиц, подобных Плядам...»	409
«Поистине, восторг — души моей природа...»	410
«На волю отпущу, поймав блоху, затем...»	411
«Вино для них светильники зажгло...»	412
«Он юлит и желает успеха во всем...»	413

«Я не спугнул ее, но птица улетела...»	414
«Ты болен разумом и верой. Приди за словом...»	415
«Удивляюсь тому, кто кричит: «Я не пью!»...»	417
«Я одинок, и жизнь моя пустынна...»	418
«Нет на свете греха. Что же мы осуждаем его?..»	419
«На погребальные носилки слепому лечь...»	420
«Если корень зачах, то скажите: понятно ли вам...»	421
«Твори добро без пользы для себя...»	422
«Он взял себе жену и трех в подмогу ей...»	423
«Сердца у вас — кремень, в чертах лица уныние...»	424
«Зардели сонмы звезд на ясных небесах...»	425
«Голкуют, что душа легко и смело...»	427
«Звезды мрака ночного — живые они или нет?..»	428
«Вы скажете: «Премудр податель бытия!..»	429
«Если воли свободной преступник лишен...»	430
«Пойми значение сменяющихся дней...»	431
«Умы покрылись ржавчиной порока и разлада...»	432
«У добродетели две степени. Иль три?..»	433
«Понятна разумному наша природа...»	434
«Когда тебе жену и впрямь избрать угодно...»	435
«Пора бы перестать печалиться о том...»	436
«О, ранней свежести глубокие морщины...»	437
«Как море — эта жизнь. Средь бурных волн плывет...»	440

ИЗ ПОЛЬСКОЙ ПОЭЗИИ

Адам Мицкевич

(1798—1855)

Шанфари	441
Альмотенабби	445

ИЗ ТУРКМЕНСКОЙ ПОЭЗИИ

Махтумкули (Фраги)

(XVIII в.)

Изгнанник	448
Нашествие	449
Судьба	450
Беда	451
Дни	452

Жалоба	453
Круг	455
Медресе Шир-гази	457
Певец	459
Плач	461
Пятидесятилетие	
1. Раскаяние	462
2. В Мазандеран	463
Сердцу	464
Смерть отца	466
Старость	468
Сын	
1. Смерть	469
2. Слезы	470
3. Странствие	470
Фраги	472
Влюбленный	473
Скиталец	474
Глаза Менгли	476
Возлюбленной	477
Жребий	478
Луна	480
Мольба	481
Педуг	482
Нищета влюбленного	483
Ожидание Менгли	485
Печаль	487
Поклонение	488
Разлука с Менгли	490
Садовник	492
Сестре	493
Смущение Менгли	494
Утро	495
Горы в тумане	496
Гость	497
Добро и зло	499
Желание странствий	500
Жизнь	502
Мир	504
Молва	506
Наблюдения	508
Не зная зависти	510
Несправедливость	511
Нищий царь	512

Семь цветов мира	514
Сад	518
Путь	520
Унижение	522
Безвременье	524
Вдали от родины	526
Возвращение на родину	527
Джигиты	529
Разлука с братом	531
Поиски брата	533
Лебеди	534
Призыв	536
Светлое время	537
Тоска по родине	539
Чоудор-хан	540

К е м и н е

(ок. 1770—1840)

Напутствие	542
«Б неведенье день проводил я за днем...»	543
Бедняк	544
Мой кази	545
Хорошо	546
«Не радуйся: пройдет беспечная весна...»	547
Нищета	548
Век	549
«Красавицами полон мир...»	550
«Твой лик белоснежен, кудрей твоих свойство...»	552
Влюбленный	553
«Стройная мурчинка поведет плечом...»	554
Красавица	555
Сельбинияз	556
Кожух	557
«Полумесяц небес и тюльпан земли...»	559
«Кемине говорит: «По лугам брожу...»	560
«Любовь ступила на порог...»	561
«Какая жизнь, какие сны настали!...»	562

М о л л а н е п е с

(1810—1862)

Из дестана «Зохре и Тахир»

Влюбленный	563
----------------------	-----

У власти ложь сегодня!	564
Горы	564
Не боюсь шаха!	566
Отпусти на родину!	566
Что было со мной?	567

ИЗ АРМЯНСКОЙ ПОЭЗИИ

С а я т - Н о в а

(1712—1795)

«Косы твои — рейхан в росе — нежней дорогих шелков...»	568
«Я ждал, я пролил столько слез...»	569
«Какую ты преследовала цель...»	571
«Весть пришла от джан прелестной: «Ни приветам, говорит...»	572
«С поникшей головой, в цепях...»	573

О в а н е с Т у м а н я н

(1869—1923)

Ничто не вечно на земле (<i>Старинное предание</i>)	574
---	-----

Е г и ш е Ч а р е н ц

(1897—1937)

Скитальцы на Млечном Пути	577
«Я затосковал, больной и безумный...»	579
«И для меня прервется путь земной...»	580
Бессонница	581
Газелла	582
Газелла моей матери	583
«Сколько в сердце ни скрыто тепла и огня...»	584
«Я хочу, чтоб зурна мне пела...»	585
«Я — пьяный духанщик. А где духан?...»	586
«Весна приходит, и опять цветет шиповник...»	587
«Ты видела сотни сотен ран — и увидишь опять...»	588
Из цикла «Восьмистишия солнцу»	589
«Как бедра женщины, рожденной...»	589
«Звенят подковы золотые...»	589
«Прекрасное горит, сжигая...»	589

Триолет	590
«Сегодня ли тебя найдет судьба...»	591
Моя утренняя звезда	592

О ванес Шираз

(р. 1914)

Из поэмы «Сиаманто и Хаджезарэ»

Вступление	593
Песни	594
«Ты заветный мой родник!..»	594
«Полдневного солнца луч...»	594
«Ты девушкой была во сне...»	595
«У студеного ключа...»	595
«Слышен сердца страстный стук...»	595
«О белоснежные мои...»	595
«Там, в родимой стороне...»	596
«Есть много путей. Все земные пути...»	596
«Ветер летучий...»	596
«О люди, скажите, кто видел из вас...»	597
«Льются вина, длится пир...»	597
«Дочка бека, брось стыдиться...»	597
«Песня твоя семь печальных лет...»	598
«Взял бы ты меня, милый, к себе на грудь...»	598
«Зарех-бек обманул народ...»	598
«Я иду по тропе...»	599
«Опоясан отец твой цветным кушаком...»	599
«Побратим — побратиму, как родник, говорит...»	599
«Где ты, мой молодой орел?..»	599
Заключение	600

Амо Сагиян

(р. 1915)

Синяя песня	601
«Темнеют горы на горах...»	602
Осень в горах	603
На дальнем берегу	604
Так жить	605
«Радуга животрепещущая...»	606

Оравел	607
«Пойду, затеряюсь в листе неживой...»	608
«Твоими глазами, твоими глазами...»	609

ИЗ ГРУЗИНСКОЙ ПОЭЗИИ

Народная поэзия

«Воздадим хвалу героям...»	610
О царе Иракли	612
«По Самгори — полю чистому...»	613
«— Кто твой муж? Каков он с виду?..»	614
«Я иду по степи Ширакской...»	616

Григол Орбелиани

(1804—1883)

Лик парицы Тамары в Бетанийском монастыре	617
Плачущей Нине Чавчавадзе	620

Рафаэл Эристави

(1824—1901)

Думы Сэсиа	621
----------------------	-----

Илья Чавчавадзе

(1837—1907)

«Женщина прекрасная со мною...»	622
«Юность, где сладость твоя? Где живые усилия...»	623
«Под бременем печали изнывая...»	624
«Пустую жизнь без вдохновенья...»	625
«Темно вокруг, и на душе темно...»	626

Важа Пшавела

(1861—1915)

За горой засветился месяц	627
Расцветают весной фиалки	628

Вот пришла и эта весна	629
Ворон ворона окликает	630
Застольная	631
Жалоба дударя	632
Орел	633
Где ты, мой орел?	634
Был в горах...	635
Старый лев	636
Что, река, рычишь мне в уши?	638
Молодым поэтам	640
Бакури	642
Вопросы и ответы	645
Разъясните фиалке нежной...	648
Старинная песня воинов	649
Пригляжусь я к себе	651
Горам	653
Для чего я жил на свете?..	657
Песня старика	658
Были мы в горах	659
Раздел добычи	661
То, что видел я когда-то...	663

Галактион Табидзе

(1892—1959)

Что не покрывается забвеньем	665
--	-----

Георгий Леонидзе

(1899—1966)

Заветное	666
--------------------	-----

Симон Чиковани

(1902—1966)

Тень отца	667
Горы поют	669
Закат	670

Прощальный вечер	671
В душе разбушевалась листва	672
Листопад и озимый сев	673
Армазские видения	
I. Древняя Мцехта	675
II. Думы о Серафите	676
III. Хвала Серафите	677
IV. Заклинание Серафиты	678

Карло Каладзе

(р. 1904)

Камень	679
Паоло и Тициан	680

Ираклий Абашидзе

(р. 1909)

Голос у Голгофы	682
---------------------------	-----

Григол Абашидзе

(р. 1913)

Ни дождями, ни вихрем	686
Даркветская луна	687
Правителю Дзезаху	688
Знамена	690
Тбилиси	693
Золотой виноградник	694
У матери	695
Ласточка и море	696
«Пускай безумцем буду я для мира...»	697

Реваз Маргваби

(р. 1916)

Иавкалти	698
В покинутом доме	699

Иосиф Нонешвили

(1918—1980)

Кетевана Иремадзе 701

Михаил Квливидзе

(р. 1925)

Море 702

Алфавитный указатель произведений, вошедших в «Избранное» Арсения Тарковского 703

Арсений Александрович Тарковский

Избранное

Редактор В. Борисова. Художественный редактор Ю. Боярский. Технический редактор Л. Вецкувене. Корректоры Л. Коншина и М. Чупрова

ИБ 2468

Сдано в набор 14.08.81. Подписано к печати А 10814 от 21.05.82. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 2. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Усл. печ. л. 38,64+1 вкл.—38,69, усл. кр.-отт. 38,9. Уч.-изд. л. 25,56+1 вкл.—25,61. Тираж 25 000 экз. Изд. № III-101. Заказ 1262. Цена 2 р. 40 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература», 107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19.

Ленинградская типография № 2 головное предприятие ордена Трудового Красного Знамени Ленинградского объединения «Техническая книга» им. Евгении Соколовой Союзполиграфпрома Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 198052, г. Ленинград, Л-52, Измайловский проспект, 29.